Ю. ПРОКУШЕВ

ЮНОСТЬ ЕСЕНИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О легендах и вымысле, связанных с недолгой жизнью великого русского поэта.Прокушев Юрий Львович (16.05.1920, дер. Гришино, Московская обл. - 5 марта 2004, Москва). Рано занялся комсомольской работой. В 1944 году стал секретарём Московского обкома ВЛКСМ. Окончил Высшую партшколу, заочно Литинститут и Академию общественных наук при ЦК КПСС. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию. Почти всю жизнь занимался Есениным. В годы, когда поэзия Есенина отодвигалась на второй план, он способствовал ее решительной и справедливой переоценке. Ю. Л. Прокушевым был разыскан и введен в литературный обиход ряд неизвестных произведений поэта, прояснены многие стороны его жизни; им открыты ценные факты, важные для установления точной биографии знаменитого писателя. Много интересного Прокушев открыл в детстве и юношестве поэта.

- Юрий Львович Прокушев
  - Легенды и действительность
  - Колыбель поэзии
  - Важная веха
  - На московской земле
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Юрий Львович Прокушев
Юность Есенина

Легенды и действительность

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.

Есенин. «Русь Советская»

Есенину было тридцать лет, когда оборвалась его задушевная песня любви к Родине. Всего тридцать лет жизни! Более половины из них - на рязанской земле.

Рязанская земля - колыбель поэзии Есенина. Здесь началось пробуждение его творческих дум, и он впервые «схлестнулся с рифмой»; здесь в юное сердце поэта трепетно постучалась первая любовь; здесь он подружился на всю жизнь с молодой, зеленокосой, в юбчонке белой, березой и старым кленом на одной ноге; здесь навсегда стала бесконечно дорогой его сердцу «черная, потом пропахшая выть»; здесь он, затаив дыхание, слушал старинные легенды и предания о подвиге Евпатия Коловрата.

Мир народно-поэтических образов окружал его с первых же дней жизни:

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Окрестности села Константинова

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,

Сутемень колдовная счастье мне пророчит[1].

И костер зари, и плеск волны, и серебристая луна, и шелест тростника, и необъятная небесная синь, и голубая гладь озер - вся красота родного края с годами отлилась в стихи, полные любви к русской земле:

О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску. (1, 220)

А цветы! Любимые друзья поэта. Сколько чудесных встреч с ними было у Есенина! Они как бы радовались свиданию с поэтом в мягкой зелени полей и грустили в час прощания:

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край. (2, 219)

Семнадцатилетним юношей Сергей Есенин покинул «ту сельщину, где жил мальчишкой», держа путь на Москву.

До последнего времени мы мало знали о детстве и юности поэта.

Множество статей, заметок, воспоминаний о Есенине напечатано у нас и за рубежом; из них лишь отдельные посвящены раннему периоду его жизни.

В них обычно подчеркивается влияние религиозно настроенных людей на молодого Есенина, а то и прямо говорится о «церковно-мистической закваске», полученной юным поэтом. Объясняется все это тем, что Сергей Есенин-де серьезно нигде не учился, литературу знал понаслышке, воспитывался в религиозной среде и приехал в 1915 году в Петроград этаким наивным, идиллически настроенным деревенским пареньком, влюбленным в красоту патриархальной сельской жизни.

Одним из первых в этом фальшивом хоре «почитателей» поэзии Есенина раздался в свое время голос декадентской поэтессы З. Гиппиус. Вскоре после приезда молодого поэта в Петроград она выступила в журнале «Голос жизни» под псевдонимом Роман Аренский со статьей о Есенине, озаглавленной довольно претенциозно «Земля и камень».

Салонную поэтессу больше всего умиляло, что «желтоволосый и скромный» паренек из Рязанской губернии сочиняет свои «земляные» стихи при полном «отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой».

Вслед за Гиппиус другие литературные «знаменитости» тогдашнего Петрограда вкупе с рецензентами первой книги Есенина «Радуница», изданной в конце 1915 года, в какой-то мере способствовали рождению мифа о поэте, чуждом каких-либо литературных традиций и современной культуры. Один из рецензентов писал по поводу книги «Радуница»: «Соблазны культуры почти ничем еще не задели ясной души „рязанского Леля“. Он поет свои звонкие песни легко, просто, как поет жаворонок… „Микола“, открывающий сборник, весь пронизан красотою кристально-чистой, детски-трогательной религиозной и бытовой гармонии»[2]. Позднее, в 1924 году, Есенин писал по поводу подобных рецензий и отзывов: «…стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отпихиваюсь сейчас руками и ногами»[3].

И после смерти Есенина появлялись статьи, в которых с тем же смаком расписывались, правда, в слегка подновленном виде, те же «были» и небылицы о юности Есенина.

Так, А. Крученых в своих, по меткому и справедливому замечанию Маяковского, дурно пахнущих книжонках о поэте вполне серьезно «доказывал»: «Нездоровая церковно-мистическая закваска первого периода есенинской поэзии была сама по себе гибельна. Идиллические образы вымышленной деревни и поповщина не могли вывести его поэзию на настоящую плодотворную дорогу»[4]. И Крученых был далеко не одинок в своих «изысканиях».

Отголоски легенд, творимых в свое время опекунами молодого поэта в Петрограде, а позднее такими литераторами, как Крученых, еще сравнительно недавно можно было услышать в рассуждениях некоторых современных критиков и литературоведов[5]. И наоборот, в статьях о поэте часто обходили молчанием некоторые важные события его жизни, о которых он кратко, но последовательно говорит в автобиографиях, касаясь детства и юности.

«Когда же я подрос, - писал Есенин в автобиографии, опубликованной им в 1922 году, - из меня очень захотели сделать сельского учителя, и потому отдали в закрытую церковно-учительскую школу, окончив которую, шестнадцати лет, я должен был поступить в Московский учительский институт»[6]. В незавершенной автобиографии, относящейся к 1923 году, Есенин рассказывает: «Учился в закрытой учительской школе. Дома

хотели, чтоб я был сельским учителем» [7].

Касаясь своего пребывания в Москве в 1913-1914 годах, Есенин во всех автобиографических заметках отмечал одно важное обстоятельство: занятия в Московском народном университете имени Шанявского. В автобиографии «О себе» (1925 г.) читаем: «В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1,5 года, и снова уехал в деревню». О занятиях в университете Шанявского идет речь и в двух незавершенных набросках к автобиографии. В первом, который по почерку следует отнести к концу 1916 года, Есенин отмечал: «Образование получил в учительской школе и два года слушал лекции в Университете Шанявского». В другом наброске «Нечто о себе», написанном в 1925 году, приводится такая фраза: «В Университете Шанявского в 1913-14 гг. столкнулся с поэтами»[8].

Если бы в свое время были исследованы эти и другие важные моменты жизни поэта, о которых он, к сожалению, столь кратко поведал в автобиографиях, то стало бы ясно, сколь важное значение для формирования поэта имела обстановка, в которой он находился в юные годы, и как призрачны легенды, возникшие в литературных салонах северной столицы и считавшиеся долгое время близкими к истине.

Три знаменательные вехи можно выделить в ранние годы Есенина: детство и отрочество, проведенное им в родном селе Константинове; пребывание в 1909-1912 годах в Спас-Клепиках, где юный поэт занимался в церковно-учительской школе; работа, учеба, первые литературные выступления Есенина в Москве в 1913-1914 годах. Каждый из этих периодов (константиновский, клепиковский, ранний московский) сыграл немаловажную роль в формировании демократических взглядов молодого поэта, в утверждении его на позициях реалистического искусства. Все, что довелось увидеть, испытать, перенести Есенину в юности, имело большое значение для всей последующей его жизни и творчества.

В работах о Есенине, опубликованных в 1955-1960 годах, нами были ясно обозначены константиновский, клепиковский и ранний московский периоды, показана значимость каждого из них; освещены многие, ранее неизвестные, важные стороны жизни Есенина в годы юности[9]. Эти положения, взгляды, оценки, касающиеся юности Есенина, получают все большие права гражданства в критической литературе о поэте[10].

Вместе с тем в работах о Есенине, появившихся за последние годы, все еще явно недостаточное внимание уделяется юности поэта. Почти не исследованным до сих лор остается ранний московский период. Нет ни одной статьи о стихах и поэмах Есенина 1912-1914 годов, таких, как «Русь», «Песнь о Евпатии

Коловрате» и других.

По-прежнему остаются нераскрытыми многие страницы биографии юного поэта: участие его в Суриковском кружке, пребывание в университете Шанявского, работа в типографии Сытина, связь с демократически настроенными рабочими-печатниками, выступления вместе с ними в забастовках и демонстрациях протеста против гонений самодержавия на рабочую печать.

В настоящей книге мы стремились воссоздать подлинный образ юного Есенина, полнее раскрыть жизнь и творчество молодого поэта. Книга эта, по существу, - первая скромная попытка показать становление Есенина как поэта и человека в годы юности.

Колыбель поэзии

Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

Есенин «Персидские мотивы»

Знаменитое приокское село. Крестьянский сын. Разлад в семье. В доме деда. Сказки бабушки. Друзья детства. Уличная жизнь. Первая «серьезная» обязанность. Крест и книга. Песни матери. Пробуждение творческих дум. Первые «сложенные» стихи.

Родина Сергея Есенина - село Константиново привольно раскинулось по правому высокому холмистому берегу Оки. Как и во времена поэта, здесь

Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень. (2, 160)

Отсюда открывается необъятный простор заливных лугов, утопающих в цветах, словно сказочный гигантский ковер, поблескивающая гладь луговых озер и Старицы, затерявшейся в камышовых зарослях, убегающие вдаль перелески, а у самого горизонта синеет дымка лесов Мещеры.

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.
Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос. (1,237)

Многое повидали на своем веку эти мирные «малиновые» рязанские села. В глубокое прошлое уходит их история. Далекие предки сегодняшних старожилов этих сел - «соколы-дружники» Евпатия Коловрата - стояли насмерть, защищая рязанскую землю от вражеских полчищ Батыя. А спустя столетия, когда ураган

крестьянских восстаний Разина и Пугачева потряс до основания трон российских самодержцев, многие холопы рязанских князей и крепостные крестьяне, не желая вечно гнуть спину на своих господ, бежали на Дон и Волгу и становились под знамена крестьянской вольницы. И не случайно с некоторыми героями этих легендарных времен встречаемся мы в юношеских произведениях Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Ус». Да и само Константиново - одно из старейших рязанских приокских сел. Упоминания о Кузьминской волости и родном селе поэта можно встретить в старинных документах, относящихся к истории Рязанского края XVI-XVII веков.

В начале XVII века село Константиново было вотчиной родовитого боярина Василия Петровича Морозова. Позднее судьбами константиновских крестьян распоряжались двое крепостников-помещиков - княгиня Крапоткина и Олсуфьев, владевшие в Кузьминской волости лучшими земельными угодьями. Потом константиновские пастбища и барскую усадьбу в селе прибрал к рукам новый «хозяин», небезызвестный Кулаков, державший на Хитровом рынке ночлежные дома и трактиры, так выразительно описанные Гиляровским в его книгах о старой Москве. Господский дом вместе с прилегающим к нему старинным парком Кулаков пожаловал в наследство своей дочери - Л. И. Кашиной, которая владела константиновской землей до революции.

«В нашем Константинове, - рассказывает сестра поэта Александра Александровна, - не было ничего примечательного. Это было тихое, чистое, утопающее в садах село.

Внизу, у склона горы, на которой расположено старое кладбище, был высокий бревенчатый забор, вдоль которого были рассажены ветлы. Этот забор, тянувшийся почти до самой реки, огораживавший чуть ли не одну треть всего константиновского подгорья, отделял участок, принадлежавший помещице Л. И. Кашиной. …На противоположной стороне села выстроились в ряд ничем не примечательные, обыкновенные крестьянские избы, за дворами тянулись узкие длинные полоски приусадебных огородов или садов»[11].

Как и во всем малоземельном, бедном рязанском крае, константиновские мужики в большинстве своем имели жалкие, крохотные наделы земли. «Земля на полях не одинакова по своему плодородию, поэтому каждое поле делится на три-четыре части, и в каждой из них семья получает свою „долю“. Доли эти так малы, - вспоминает сестра поэта, - что измеряются ступней или лаптем. Из-за недостатка земли и малоурожайности суглинистой почвы крестьяне наши, чтобы прокормить семью,

вынуждены были искать дополнительных заработков»[12], Нужда гнала людей в город. Отрывались от земли и константиновцы, с малолетства уходя «в ученики», иные всю жизнь занимались отхожими промыслами, Только некоторым удавалось на время выбиться в люди: овладеть каким-нибудь мастерством, стать во главе ватаги плотогонов или плотницкой артели, иные, скопив «деньгу», пытались искать торговой удачи. Но их проглатывали более крупные торговые акулы. Нелегким трудом доставался в царской России хлеб и мастеровому человеку.

По-своему, через все эти тернии деревенской жизни прошли поколение за поколением Есенины и Титовы (семья матери поэта) - потомственные константиновцы. Здесь крестьянствовали прадеды поэта; выбивались в люди его деды; здесь вырос его отец, провела свою нелегкую жизнь его мать; в Константинове отшумело озорное деревенское детство будущего поэта.

«У меня отец - крестьянин, ну, а я - крестьянский сын», - не без гордости писал поэт в двадцать пятом году[13]. О своих родовых крестьянских корнях Есенин с достоинством говорит в автобиографиях: «Я - сын крестьянина»[14], - читаем мы в начале автобиографии, написанной Есениным в 1922 году; «Сын крестьянина Рязанской губ.»[15], - сообщает поэт о себе в незавершенной автобиографии, относящейся к 1923 году. «Я родился, - писал Есенин в 1924 году в автобиографии, - в 1895 году 21 сентября [16] в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губ. и Рязанского уез. Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна. Детство провел у деда и бабки по матери в другой части села, которое наз. Матово»[17]. В этой и других автобиографиях, в своих письмах и стихах Есенин нигде не говорит, почему его детство прошло в доме деда. В автобиографии «О себе» он лишь уточняет время, с которого он находился в доме своего деда - Федора Андреевича Титова. «С двух лет, - пишет поэт, - был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей…» [18].

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1895-Й ГОДЪ.

Книга родившихся		Месяцъ и день		Имена родившихся	Званія, имена, отчества и фамиліи родителей, и какого вероисповѣданія	Званія, имена, отчества и фамиліи восприемниковъ	Кто совершилъ таинство крещенія	Примѣчанія по церковной книгѣ и замѣтки
37	-	21	24	Сентября Сергій	Села Константинова крестьянинъ Александръ Никитинъ Есенинъ и законная жена его Таисія Осиповна Обоего православнаго вѣроисповѣданія.	Отставной Ундеръ-Офицеръ 4-го Класса Дмитрій Николаевъ Ореховъ и села Константинова крестьянка Акулина Иванова Титова, оба православнаго вѣроисповѣданія.	Священникъ Іоаннъ Смирновъ. Діаконъ Ѳеодоръ Ѳедоровъ.	

Выдана для домашней скорбной Справки, по посту Отца Настоятеля Его собственному Его преподобіе ходатайству Крестьянину Рязанской губ. Спасскаго уѣзда, Константиновской волости, Константиновскаго прихода Тарасію Ѳедотову Есенину

Выпись из метрической книги о рождении С. А. Есенина.

Естественно, встает вопрос, где же прошли самые первые годы жизни будущего поэта и почему он провел детство без матери и отца?

Когда-то на месте крестьянской избы, что стоит на усадьбе Есениных в Константинове, возвышался на пригорке ветхий двухэтажный дом, построенный дедом поэта - Никитой Осиповичем Есениным. «В молодости, - рассказывает Екатерина Александровна, - наш дедушка Никита Осипович Есенин собирался пойти в монахи, но до 28 лет никак не мог собраться, а в 28 лет женился на 16-летней девушке. За это намерение в селе прозвали его „монах“, а бабушку, его молодую жену, - „монашка“. С тех пор все поколение нашего дома косило прозвище „монахи“ и „монашки“… После раздела со своими братьями[19] дедушка купил небольшой клочок земли и построил себе двухэтажный дом. Вся усадьба дедушки заключалась под домом…»[20]

Дом Есениных в Константинове.

Судя по всему, Никита Осипович Есенин был человек незаурядный, владел для того времени довольно прилично грамотой, часто «сочинял» односельчанам разного рода прошения, «много лет он был сельским старостой… и пользовался в селе большим уважением, как трезвый и умный человек»[21]. Не получив по разделу с братьями земли, Никита Осипович решает попытать счастья в другом деле и открывает мелочную лавочку, помещавшуюся в первом этаже его дома. В 1887 году, сорока лет, он умирает, оставив свою жену - бабушку поэта - Аграфену Панкратьевну с шестью малыми детьми. Вскоре после смерти мужа она вынуждена была прикрыть мелочную лавочку. Основной доход ей давали жильцы, которых она охотно пускала в свой дом: «В течение многих лет наш дом, который находился напротив церкви, заселяли монахи и художники, работавшие в церкви, которая в то время отделывалась»[22].

Когда первый сын Аграфены Панкратьевны - Александр подрос, его отдали «на выучку» в мясной магазин купца Крылова в Москву. Позднее он стал работать там приказчиком[23]. «Отец наш, - рассказывает Екатерина Александровна, - был старшим сыном. В детстве он пел в церковном хоре. У него был прекрасный дискант. По всей округе возили его к богатым на

свадьбы и похороны. Когда ему исполнилось 11-12 лет, бабушке предложили отдать мальчика в Рязанский собор, но в последний момент отец раздумал. Ему не захотелось всю жизнь носить черную рясу, и вместо собора его отправили в Москву „мальчиком“ в мясную лавку»[24]. В 1893 году Александр Никитич Есенин женился на своей односельчанке Татьяне Федоровне - дочери константиновского крестьянина Федора Андреевича Титова, которая после свадьбы перешла жить в дом Есениных [25]. В этом доме родился и провел с матерью первые годы будущий поэт. Когда Есенин родился, Александра Никитича не было в селе. По рассказам односельчан, «дали знать отцу в Москву, но он приехать не мог. Поднялись хлопоты подготовки к крестинам и придумывание имени новорожденному. Остановились на имени „Сергей“. Татьяне - понравилось, а бабка Аграфена Панкратьевна запротестовала и „встала на дыбы“. Ей казалось, что люди, носящие одно имя, обязательно походят друг на друга, и она боялась, что мальчик будет иметь сходство с их соседом Сергеем, носящим прозвище „кулак“, которого Аграфена Панкратьевна видеть не могла. Свои опасения она высказала и священнику Смирнову, производившему „таинство крещения“, тот сказал: „Что вы, что вы, Аграфена Панкратьевна, не бойтесь, он таким не будет, это будет хороший, добрый человек!“»[26] Поначалу голубоглазый крепыш был любимцем и баловнем в доме Есениных. Сергей Есенин был первым ребенком, оставшимся у Татьяны Федоровны в живых[27]. Но вот на семейном горизонте сгустились тучи. «Наши родители, - рассказывает Александра Александровна, - поженились очень рано, когда отцу было восемнадцать, а матери шестнадцать с половиной лет. Сыграв свадьбу, отец вернулся в Москву, а мать осталась в доме свекрови. С первых же дней они невзлюбили - друг друга, и сразу начались неприятности. Полной хозяйкой была бабушка. В доме ее по-прежнему стояли постояльцы, их было много, и для них нужно было готовить, стирать, носить воду, за всеми убирать. Почти вся работа легла на плечи матери, а в награду она получала воркотню и косые взгляды свекрови. По-прежнему наш отец высылал свое жалованье бабушке»[28]. Между матерью и отцом Есенина вспыхнула ссора, и они несколько лет жили порознь: Александр Никитич - в Москве, Татьяна Федоровна - в Рязани. В своих воспоминаниях старшая сестра поэта указывает еще на одну важную причину разлада между родителями: их дед Федор Андреевич Титов поссорился с семьей Есениных, когда Татьяна Федоровна была еще невестой. «Эта ссора тяжело отразилась на всей дальнейшей жизни матери, а особенно на детстве Сергея… Дедушка поздно хватился улаживать жизнь матери и после

неудачных попыток тоже стал чуждаться ее. Через несколько лет мать наша, имея на руках 3-летнего Сергея, ушла от Есениных. Дедушка взял Сергея к себе, но мать послал в город добывать хлеб себе и своему сыну… Мать пять лет не жила с нашим отцом, и Сергей все это время был на воспитании у дедушки и бабушки Натальи Евтеевны. Сергей, не видя матери и отца, привык считать себя сиротою, а подчас ему было обидней и больней, чем настоящему сироте»[29].

Александр Никитич и Татьяна Федоровна - отец и мать поэта.

Ранить доверчивое юное сердце легко, но как трудно зарубцовываются такие раны! Порой они кровоточат всю жизнь.

Вспомним, с каким горьким, печальным чувством поведал нам о своем детстве Некрасов, проведенном в доме отца - угрюмого невежды:

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.

И с каким трепетным волнением Некрасов говорит о матери, которая спасла его живую душу!

А Лермонтов, так рано потерявший мать и росший вдали от отца! Кто знает, каких душевных мук ему это стоило!

Детство без родителей оставило в душе Есенина глубокую травму. Пережитое в детстве отозвалось не одной грустной, тревожной нотой в юношеских стихах поэта.

Будто жизнь на страданья моя обречена;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучена,
От тоски и от ран истомилася грудь.
…Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю,
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю (1, 74), -

писал шестнадцатилетний Сергей Есенин в стихотворении «Моя жизнь». И, конечно, не только литературными влияниями, которые, как и все начинающие поэты, испытал молодой Есенин, можно объяснить подобные строки.

О жизни в доме Титовых, где прошло детство поэта, кое-что он поведал сам в автобиографических заметках и стихах:

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя.
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет. (3, 42).

«Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года (к этому моменту Есенин находился уже в доме Титовых. - Ю. П.). Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: „Иди, иди, ягодка, бог счастье даст“. Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе… Нянька - старуха-приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети. Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне библию и священную историю»[30]. В беседе с литератором И. Н. Розановым Есенин как-то заметил: «Оглядываясь на весь пройденный путь, я все-таки должен сказать, что никто не имел для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан. Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, „умственный мужик“. …О нем говорю я в своем стихотворении „Пантократор“. Дед имел прекрасную память и знал наизусть великое множество народных песен, но главным образом духовных стихов»[31].

И в стихах и в автобиографиях Есенин подчеркивал большую роль, которую сыграл в его жизни дед Федор Андреевич Титов.

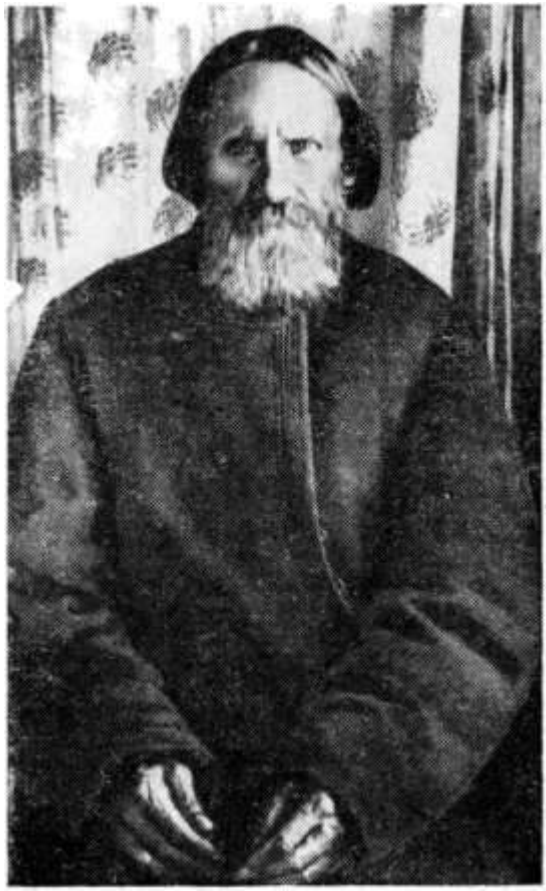
Года далекие,
Теперь вы как в тумане,
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело…
Ну, а если тянет -
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл». (3, 44)

По свидетельству родных поэта, многие черты характера Есенин унаследовал от деда, человека интересного и своеобразного.

Федор Андреевич Титов в делах был удачлив и смел, в работе спор, знал, чем расположить собеседника, понравиться окружающим. Имея приятный голос, неплохо пел, любил слушать старинные народные песни, с детьми был добр и ласков, вместе с тем вспыльчив, временами даже жесток[32].

Лесная дорога в Радовецкий монастырь.

По весне Федор Андреевич вместе с другими односельчанами отправлялся в Петербург - на заработки. Там они нанимались рабочими на плоты или на баржи и плавали по воде все лето. Некоторые из них даже приобрели свои небольшие баржи. Была одно время собственная баржа и у деда Есенина. Возвращаясь в село из Петербурга глубокой осенью, константиновские мужики «благодарили бога», а затем потчевали своих односельчан. Обычно в такое время в доме Титовых «…веселье продолжалось неделю, а то и больше, потом становилось реже, от базара до базара, а к концу зимы и вовсе прекращалось за неимением денег. Тогда наступали черные дни в Титовом доме. То и дело слышались окрики дедушки: „Эй, бездомники! Кто это там огонь вывернул?“ И начиналась брань за соль, за спички, керосин»[33].



Федор Андреевич Титов - дед Сергея Александровича Есенина.

Картина эта в какой-то мере напоминает обстановку в каширинском доме, где прошло детство Горького. Да и печальный конец питерской истории, когда пожар и наводнение уничтожили незастрахованную баржу Титова и он оказался почти разоренным, заставляет вспомнить последние дни каширинского красильного дела.

Ко времени, когда дед Есенина взял маленького внука к себе, он уже расстался со своими баржами и его материальные дела сильно покачнулись. Отправляя дочь - мать поэта - в Рязань, Федор Андреевич приказал ей высылать на содержание внука три рубля в месяц[34].

Трое взрослых неженатых сыновей Ф. А. Титова каждый по-своему занимались «воспитанием» Есенина. Ребята они были, как говорил поэт позднее, озорные и веселые. Они сажали трех-

четырехлетнего мальчугана на лошадь и пускали ее в галоп, или «учили» его плавать, бросая из лодки в воду чуть ли не на середине Оки. Позднее, лет восьми, одному из них Есенин часто доставал в луговых озерах подстреленных уток.

По-матерински заботилась о Есенине в доме Титовых бабушка - Наталья Евтеевна. «Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ»[35], - признавался поэт. Отправляясь на богомолье, она брала внука с собой, зная, что без нее в доме его могут обидеть. В долгие зимние вечера она рассказывала ему сказки, пела песни, духовные стихи, унося его воображение в мир старинных преданий и легенд:

Под окнами Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот…
И бабка что-то грустное,
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот. (3,42, 43)

Есенин не только слушал с интересом, но иногда и сам под впечатлением рассказанного начинал фантазировать и «сочинять». «Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад»[36], - писал он позднее. В стихотворении «Бабушкины сказки», опубликованном в 1915 году в детском журнале «Доброе утро», Есенин вспоминает, как в долгие зимние вечера они, деревенские ребятишки, затаив дыхание, слушали увлекательные истории:

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим… (1,163)

Жизнь Есенина в доме Титовых отмечена и таким примечательным событием: по настоянию деда он рано начал одолевать грамоту по церковным книгам. «Читать начал с 5

лет»[37], - указывал поэт.

Так рос маленький Есенин под призором бабки и деда. Заметим, что еще сравнительно недавно время, проведенное в доме деда, рассматривалось по преимуществу только со стороны чуждых религиозных влияний на будущего поэта. Все то доброе, положительное, что способствовало пробуждению у Есенина поэтической фантазии, интереса к народным песням и легендам, сказкам, любви к природе и что во многом было разбужено в душе поэта не без доброго влияния деда и бабки, оказалось вне поля зрения, когда заходила речь о детстве Есенина[38]. Допускался при этом и еще один существенный просчет. В литературе о Есенине не получила должного освещения его жизнь за стенами дома Титовых, которая проходила совсем по-иному, чем в семье деда. «**Уличная же моя жизнь,** - писал поэт в 1924 году, - **была не похожа на домашнюю** (подчеркнуто мной. - Ю. П.). Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2-3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах, сначала замутив воду руками, или выводками утят. После, когда я возвращался, мне частенько влетало»[39]. Привольно чувствовал себя будущий поэт в константиновских лугах. «Раздольны, красивы наши заливные луга, - рассказывает сестра поэта. - Вокруг такая ширь, „такой простор, что не окинешь оком“. На горе как на ладони видны протянувшиеся по одной линии на многие километры села и деревни. Вдали, в дымке, синеют леса; воздух чист и прозрачен. В траве, в кустарниках, в небе на разные голоса поют, заливаются птицы. Любопытные чибисы, далеко завидев нас, допытываются: „Чьи вы?“ И хоть мы и кричим им насколько хватает голоса, что мы константиновские, они все равно не отстают от нас и задают все один и тот же вопрос: „Чьи вы?“ С весны до глубокой осени нас, ребят, манят к себе своими богатствами чудесные луга»[40].

Один из сверстников Есенина, товарищ по деревенским играм и похождениям, Кузьма Васильевич Цыбин вспоминает:

«Наши ребячьи походы в луга за Оку я хорошо помню. Бывало, ранним летним утром забегаешь к Есенину:

- Айда в луга!

- Сейчас выйду, жди на улице.

И вот мы уже на Оке. Переправившись на другой берег, отправляемся через луга к дальней косе. Песчаный берег косы, где такое раздолье для купанья, ее высокие травы с ежевикой и другими ягодами - наше любимое место. Иногда мы идем к Старице, затерявшемуся в лугах старому руслу Оки, берега которого покрыты зарослями ивняка и камыша.

Помню, как однажды, по пути к этой косе мы решили половить утят в одном из луговых озерец. Стремительный и ловкий Есенин был по этой части большой мастак. Поймав быстро одного за другим трех утят, он передал их мне с наказом: „Держать крепко“. Не успел Есенин отойти и несколько шагов, как один утенок, вырвавшись из моих рук, нырнул в воду и скрылся в камышах. Увидя это, Есенин взял у меня утят и начал распекать меня. Потом вдруг неожиданно подошел к берегу и… пустил одного, затем другого утенка в воду. И долго смотрел им вслед…

И еще вспоминаю, очень любил Есенин цветы. Весной до покоса наши луга - разноцветный ковер. Каких только цветов в них нет! Для него цветы - что живые друзья были»[41].

Особенно любил бывать Есенин в лугах во время сенокоса. В эти дни село как бы вымирало, все перебирались за Оку, жили там дружной артельной семьей в шалашах, привольно, весело, шумно. По вечерам не затихали в лугах песни, пляски, переливы тальянки, кругом слышались шутки, смех.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.
Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей,
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей. (1,145)

Часто вместе с деревенскими ребятами Есенин отправлялся в ночное, ездил на Оку поить лошадей. «Ночью луна, - вспоминал он, - при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов»[42].

Вечер на Оке в Константинове.

Среди своих сверстников и товарищей по уличным забавам Серега Монах (прозвище Есенина в детстве) был признанным коноводом, неутомимым выдумщиком и заводилой по части различных мальчишеских игр и забав, драчуном и забиякой.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой. (2, 109)

«За озорство, - вспоминает Есенин, - меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: „Ты у меня, дура, его не трожь. Он так будет крепче!“»[43]

Мало кто из константиновских мальчишек так проворно и ловко карабкался по деревьям, как Есенин, не было среди них и лучшего «специалиста» по части птичьих гнезд и яиц. «Многим, - рассказывал он позднее, - кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду» [44].

Постоянными спутниками во всех его похождениях были Клавдий Воронцов - сирота, выросший в доме константиновского священника Смирнова, и Тимофей Данилин - сын деревенской нищенки. Немного позднее Есенин подружился с Николаем Сардановским - сыном учительницы, каждое лето с 1907 года приезжавшей со своими детьми в Константиново[45].

С раннего утра Есенин отправлялся с друзьями на Оку, где они часто проводили весь день. Бывало, вспоминает Николай Сардановский, «далеко отплыв от берега, мы ложились на спину и запевали традиционное „Вниз по матушке, по Волге“. Пели с большим чувством»[46]. Когда Оку перекрыли плотиной у соседнего села Кузьминское, глубина и ширина ее значительно увеличились, и никто в Константинове не рисковал ее переплыть. И вот в один из июньских дней Есенин с друзьями при встречном ветре переплыл Оку. «Подвиг» этот они решили воспеть. «Есенин, - как вспоминает Н. Сардановский, - написал на дверной притолоке дома, где часто собиралась наша дружная компания, стихотворение, кажется, из трех строф… Я помню последнюю строфу:

Сергей Есенин (1909-1910 гг.).

Сардановский с Сергеем Есениным,

Тут же Рович Костюшка ухватистый,
По ту сторону в луг овесененный,
Без ладьи вышли на берег скатистый»[47].

По вечерам, вернувшись с реки в село, Есенин с друзьями часто отправлялся в пустовавший дом. Порой в этом Доме они коротали все летние ночи. «Засыпали мы зачастую уже тогда, - вспоминает Н. Сардановский, - когда начинало светать, на улицах мелодично голосили петухи и мимо окон, бодро позвякивая ведрами, бабы шли доить коров. Уже в постелях выслушивали сказки или загадывали загадки. Особенно много загадок знал Сергей… Очевидно, и в ночь нам не оставалось ничего, кроме того, как настраивать себя на игры во сне»[48].

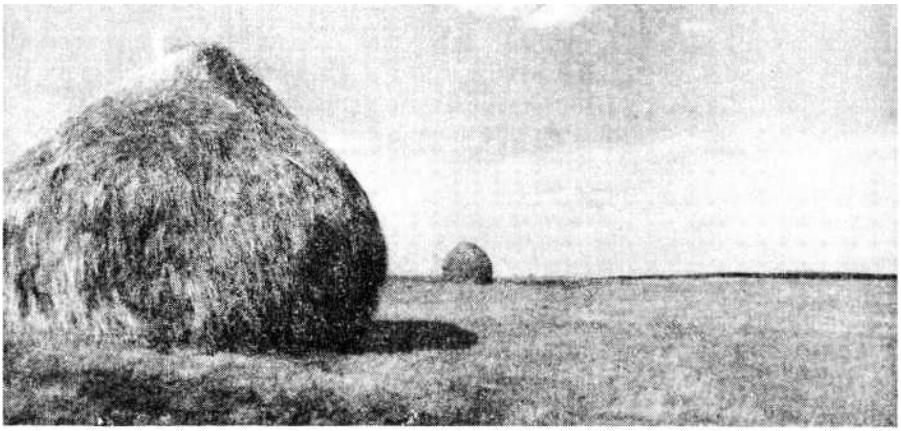
Любил Сергей Есенин с товарищами поиграть в лапту, бабки, городки, устроить облаву на галочьи гнезда: ребят забавляло, как с шумом и криком птицы летали над их головами.

Есенин писал в автобиографии 1923 года, что его **«детство прошло среди полей и степей»**[49] (подчеркнуто мной. - Ю. П.). Очень жаль, что долго это важное замечание, по сути дела, не принималось во внимание, когда речь шла о раннем периоде жизни поэта. Неповторимая красота родной природы окружала Есенина буквально с колыбели.

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
…Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника. (5, 238)

Подрастая, Есенин чутко воспринимал этот радужный мир земной красоты. Вспомним, как любовался он зарей, которая «на крыше, как котенок, моет лапкой рот»; как переживал, что лошади на Оке чуть-чуть было «не выпили» луну; как однажды был удивлен, увидев, что «словно яйцо, расколовшись, скользнул месяц за дальним холмом»; как вслушивался в звонкий говор «духовитых дубрав», что «кличут ветками к реке».

Сколько раз позднее согревали и успокаивали поэта бесконечно дорогие его сердцу воспоминания детских лет!



Константиновские луга.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые серењким ситцем
Этих северных бедных небес.
…Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевењким ситцем
Ты мила мне, родимая выть. (2, 187, 188)

Девяти лет у коновода константиновских ребят появилась первая серьезная обязанность в жизни: он переступил школьный порог и сел за парту. К этому времени ссора между родителями Есенина, продолжавшаяся почти пять лет, улеглась. Мать вернулась в Константиново[50], отец по-прежнему работал в Москве приказчиком в мясной лавке. Несколько раз в год он приезжал проведать семью. Сергей вновь стал жить с матерью в доме Есениных. Когда старый двухэтажный дом деда Есениных в 1910 году сгорел, родители поэта построили новый. «Богатство наше, - пишет Е. А. Есенина, - заключалось в нашей избе, корове, небольшом наделе земли и маленьком огороде»[51]. «Вспоминая нашу прошлую жизнь, - рассказывает А. А. Есенина, - мы всегда представляем ее себе именно в этом доме. Это была простая деревенская изба. Ее внутреннее расположение было удобно, а с улицы она выглядела очень красивой. Наличники, карниз и светелка на крыше были причудливо вырезаны и выкрашены белой краской; железная крыша, водосточные трубы и обитые тесом углы дома, срубленного в лапу, выкрашенные зеленой

краской, делали избу нарядной. Из наших окон был виден синеющий вдали лес, излучина Оки и заливные луга»[52]. Навсегда сохранил Сергей Есенин светлые и волнующие воспоминания о днях, проведенных под отчим кровом:

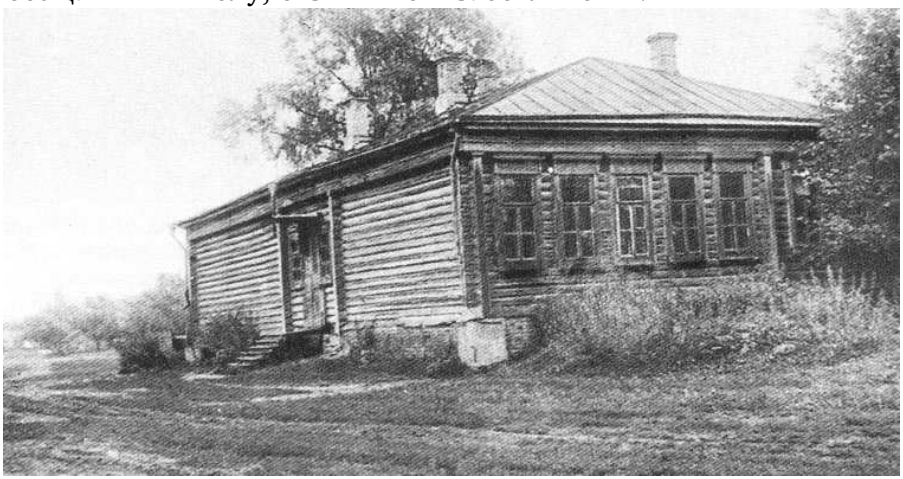
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.
Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.
Я любил этот дом деревянный… (2, 129, 130)

Недалеко от есенинского дома, на пригорке, в центре села, стояло одноэтажное, скромное деревянное здание. В нем помещалось земское четырехклассное Константиновское училище, где с 1904 года начал учиться Есенин. Это же училище когда-то посещал его отец.

Константиново - довольно большое село, оно растянулось на несколько километров. Но в каждом классе насчитывалось не более 10-12 учеников, немногие имели возможность учиться. Первый школьный наставник Есенина - учитель Иван Матвеевич Власов был человек хорошо образованный, любил детей, отдавал им много сил и времени, всячески стремясь привить ребятишкам любовь к знаниям, книге. Вместе со своей женой - Лидией Ивановной Власовой, которая тоже была учительницей, он сумел на скудные средства, отпускаемые земскими властями, создать школьную библиотеку.

«Сергей Есенин, - рассказывает двоюродная сестра поэта, - был в третьем или четвертом классе, когда я пошла в школу. Учителями у нас тогда были Иван Матвеевич и Лидия Ивановна Власовы. Любознательного, озорного весельчака Есенина они любили, хотя и держали „в строгости“. Пожалуй, мало кто больше в школе стоял в углу, чем Есенин. Дома он занимался меньше нас, но отвечал в школе много лучше остальных ребят. Большой интерес был у него к чтению. Книги он доставал и в школе, и у отца Ивана. К окончанию школы порядочно было у него и своих книг. Имел он отличную память и много стихов знал наизусть»[53]. Кроме Власовых, в школе был еще законоучитель, отец Иван - священник константиновской церкви Смирнов. Многие годы провел он в Константинове. Крестьяне относились к нему с уважением. «Невысокого роста, с крупными чертами лица, с умными черными глазами, он так хорошо умел ладить с людьми, что не было во всей округе человека, который мог что-

нибудь сказать плохое об отце Иване»[54], - вспоминает Е. А. Есенина. Как всякий законоучитель, священник Смирнов, стремясь приобщить своих учеников к «правде христовой», оказывал на них религиозное влияние. Вместе с тем школьные товарищи Есенина отмечают, что Смирнов религиозной фанатичностью не отличался, относился к деревенским ребятам, посещавшим школу, отзывчиво и заботливо[55].



Константиновское земское училище.

Нам довелось встречаться с теми, кто занимался в Константиновском училище в те же годы, что и Есенин. Все они - и Николай Петрович Калинкин, и Павел Михайлович Любушкин, и Кузьма Васильевич Цыбин, и Клавдий Воронцов, и двоюродная сестра поэта Анна Ивановна Власова - говорили о том, что Есенин занимался легко, как бы шутя, и по праву считался способным учеником.

Окончил школу Сергей Есенин с похвальным листом. Сохранился «список учащихся Константиновского училища Рязанского уезда, подвергнутых испытанию при окончании в оном курса в мае месяце 1909 года»[56].

Из одиннадцати учеников испытания на «пять» выдержали, как это видно из списка, четыре человека, в том числе Есенин.

Похвальный лист С. А. Есенина.

Н. П. Калинкин, занимавшийся вместе с Есениным четыре года, отмечает, что «и учителя, и мы, ученики, любили Есенина за его прямоту и веселый нрав, был он среди нас, как говорится, первый заводила, бедовый и драчливый, как петух»[57]. Другой однокашник Есенина, К. В. Цыбин, рассказывает:

> «Помню, как-то раз в начале зимы, во время большой перемены Есенин увел нас всех кататься на льду реки.
>
> Село наше стоит на высоком, холмистом берегу Оки, и, пока мы добрались до реки, прошло порядочно времени. Увлеченные катаньем, мы не только не заметили, как прошла большая перемена, но прокатались еще добрых тридцать минут и вернулись к концу урока.
>
> Учитель спрашивает нас:
>
> - Где это вы, голубчики, были?
>
> - На реке. На льду катались, - отвечаем мы нестройным хором.
>
> - Вот молодцы! Кто же эту затею выдумал?
>
> Молчим. Переглядываемся. Никто не хочет выдавать

товарища.

- Так кто же из вас такой храбрый? А? - вторично спрашивает учитель.

- Это я их увел, - говорит, улыбаясь, Есенин. Даже в эту минуту он не в силах был скрыть свою веселую, добродушную улыбку.

- Ну, что ж, - говорит учитель, - всех, и зачинщика, и соучастников, всех без обеда.

И верно, после уроков всех нас оставляют в школе. Учитель пишет на доске несколько предложений.

- Вот когда так же хорошо перепишете все это в свои тетради, я вас отпущу домой.

Проходит немного времени, и первым к столу с тетрадью подходит Есенин.

- Молодец, хорошо, - говорит учитель. - Но ты ведь зачинщик, так что страдай, жди остальных.

Наконец все написали. Проверив тетради, учитель уходит. Есенин подбегает к доске, берет мел и быстро пишет несколько стихотворных строк. Мы стоим, разинув рты. А он уже с веселым шумом первый выбегает из класса. Мы гурьбой за ним…»[58]

Но не только о похождениях «деревенского озорника» помнят школьные товарищи Есенина. Н. П. Калинкин рассказывал, что Есенин был одарен ясным умом, отвечал на уроках бойко, особенно когда декламировал стихи Некрасова, Кольцова, Никитина.

«Чтение - вот лучшее ученье». С детства Есенин как бы следовал этому мудрому пушкинскому афоризму. Все сверстники Есенина единодушно признают, что уже в школьные годы он был заядлый книголюб и его почти всегда можно было видеть с какой-нибудь книгой[59].

Позднее Есенин говорил, что «книга не была у нас совершенно исключительным и редким явлением, как во многих других избах. Насколько я себя помню, помню и толстые книги в кожаных переплетах» [60].

Жадность молодого Есенина до книг - а он ухитрялся читать не только днем, но и ночью, с коптилкой, - доставляла много беспокойства его матери. «Я вот смотрю, - говорила Татьяна Федоровна, обращаясь к сыну, - ты все читаешь и читаешь, брось ты свои книжки, читай, что нужно, а попусту нечего читать». И добавляла при этом: «Вот так в Федякине (соседнем селе. - Ю. П.) дьячок очень читать любил, все читал, читал и до того дочитался, что сошел с ума»[61]. При всей глубокой любви к матери «бросить

свои книги» Есенин не мог. Когда летом 1911 года он впервые ненадолго приехал в Москву к отцу, то, возвращаясь, захватил с собой более двадцати книг, купленных им в городе. В юношеских письмах к Г. Панфилову Есенин упоминает имена Гоголя, Чернышевского. Он зачитывался стихами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, знал на память почти все «Слово о полку Игореве».

Поэт Николай Полетаев рассказывает о встрече с Есениным в 1918 году:

«Говорили мы с ним о литературе. Я спросил его, чем он сейчас больше всего интересуется.

- Изучаю Гоголя. Это что-то изумительное!

Есенин даже приостановился, а потом неподражаемо прочел на память несколько гоголевских фраз из описаний природы.

- Передо мной, - замечает Полетаев, - вырос человек, до самозабвения любящий красоту русского слова».

В могучем союзе с родной природой книга уже в школьные годы формировала сознание деревенского подростка.

«В бога верил мало, - писал Есенин о годах детства в автобиографии. - В церковь ходить не любил. Дома это знали и, чтоб проверить меня, давали 4 копейки на просфору, которую я должен был носить в алтарь священнику на ритуал вынимания частей. Священник делал на просфоре 3 надреза и брал за это 2 копейки. Потом я научился делать эту процедуру сам перочинным ножом, а 2 коп. клал в карман и шел играть на кладбище к мальчикам, играть в бабки»[62]. Односельчане вспоминают, что с «10-11 лет Сергей уже смотрел иначе на религию, начал отлынивать от церкви и вместо того, чтобы идти в церковь, бегал с ребятишками на реку купаться… С этих же, приблизительно, лет он перестал носить крест и к прозвищу Серега Монах прибавилось еще другое прозвище - Безбожник"[63].

* * *

Благотворное влияние на будущего поэта в юные годы оказала его мать. «С ранних детских лет, - вспоминает А. А. Есенина, - мать наша приучала нас к труду, но не заставляла, не неволила и к неумению нашему относилась очень терпеливо. Помню, как она приучала меня полоть в огороде картошку. Уходя на огород, не звала меня с собой. Через час-другой я сама прибегала за чем-нибудь и вертелась около нее. Вот тут-то она и скажет: „А ты рви травку, рви. Видишь, вот это картошка. Ее нужно оставлять, а траву рвать, а то она не дает никакого хода

картошке“. И невольно принимаешься за работу… За вырванную случайно картофельную плеть мать никогда не ругала, а спокойно говорила: „Ну что ж, бывает“»[64]. После вынужденной, почти пятилетней, разлуки с сыном Татьяна Федоровна стала относиться к нему с еще большей заботой и любовью. «Когда Сергей, одевшись в свой хороший, хоть и единственный, костюм, отправлялся к Поповым (так называли дом священника. - Ю. П.), мать, не отрывая глаз, смотрела в окно до тех пор, пока Сергей не скрывался в дверях дома. Она была довольна его внешностью и каждый раз любовалась им, когда он не мог этого заметить»[65]. Живя почти все время одна с детьми, Татьяна Федоровна старалась их не баловать, держать в строгости, не любила их ласкать и нежить на людях, и на первый взгляд могло показаться, что она была излишне сдержанна и даже суховата в отношениях с детьми. На самом же деле, замечает сестра Есенина, наша мать «не была строга, хотя никогда и не ласкала нас, как другие матери: не погладит по голове, не поцелует, так как считала это баловством. Когда у меня были уже свои дети, она часто говорила: „Не целуй ребенка, не балуй его. Хочешь поцеловать, так поцелуй, когда он спит“. …Долгие годы она жила одна только с маленькими детьми, и у нее вошло в привычку разговаривать вслух. Это смешило отца, и иногда в шутку он говорил мне: „Пойди послушай, как мать с чертом разговаривает“ [66].

Наделенная от природы недюжинным умом, редкой красотой, чудесным песенным даром, Татьяна Федоровна обладала редким мастерством исполнения русских народных песен. Далеко за околицей родного села шла молва о ней, как о замечательной песеннице. Каких только песен она не знала: и шуточных, и величальных, и игровых, и обрядовых, и полюбовных! „Мне кажется, - говорит Александра Александровна, - что нет такой русской народной песни, которую бы не знала наша мать. … Топила ли она печку, шила, пряла ли, за любой работой можно было услышать ее пение“[67]. Даже рассказывая детям сказки, Татьяна Федоровна, как вспоминает Е. А. Есенина, обязательно пела. „Например, сказка об Аленушке. Аленушка так жалобно звала своего братца, что мне становилось не в мочь, и я со слезами просила мать не петь этого места, а просто рассказывать. Мать много рассказывала о святых, и святые тоже у нее пели“[68].

Задушевно пела Татьяна Федоровна о тяжелой, беспросветной женской доле. Щемящей болью отзывались в песнях грустные думы „терпеливой матери“, которой судьба послала не одно суровое испытание в ее нелегкой жизни.

Сергей Есенин и его сестры, постоянным спутником которых с колыбели была материнская песня, незаметно сами

приобщались к „песенному слову“. „И каждый из нас, ее детей, - замечает А. А. Есенина, - с пеленок слушал ее напевы, подрастая, невольно запоминал их и подпевал ей“ [69].

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою -
Вижу вновь дорогие черты.
Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур (3, 96,97), -

взволнованно писал поэт позднее, обращаясь к сестре Шуре. Александра Александровна рассказывает, что, „приезжая в деревню, Сергей очень любил слушать, как пела мать, а мы с сестрой ей подпевали. А то и он запоет с нами. Голос у него был небольшой, но пел он с каким-то своим, особенным чувством. Песни, которые ему нравились, мы с сестрой часто напевали и в Москве. Отсюда и возникло название стихотворения „Ты запой мне ту песню, что прежде…“[70].

Ласковые материнские песни детства особенно дороги и памятны. Воспоминания о них сохраняются на всю жизнь.

„Когда я был трех лет, - писал рано потерявший мать Лермонтов, - то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать“.

А „Зимний вечер“ Пушкина! Едва ли не самыми светлыми и дорогими были для него в детстве вечера, когда он слушал, „не дыша“, песни и сказки Арины Родионовны.

Любовь к матери, ее проникновенным песням Есенин сохранил и пронес через всю жизнь. В трудные минуты он обращался к матери, как к самому верному другу:

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет. (2,156)

Строки эти невольно заставляют вспомнить известные стихи Некрасова:

И если я наполнил жизнь борьбою

За идеал добра и красоты
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты, -
О, мать моя, подвигнут я тобою!

Сергей Есенин с сестрами Катей (слева) и Шурой (справа). 1912 г.

Так же подвигнут матерью был и Есенин. От нее унаследовал поэт живой, самобытный, впечатлительный ум, афористичность речи, песенный склад души.

* * *

Первые стихи были написаны Есениным в 8-9-летнем возрасте. В черновом наброске к автобиографии 1915-1916 годов он помечает: „Стихи начал писать с 8 лет“[71]. В краткой автобиографической заметке 1916 года читаем: „Пробуждение творческих дум началось по сознательной памяти до 8 лет“[72]. В стихотворении „Мой путь“ поэт говорит, что когда „империя вела войну с японцем“,

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова. (3, 43, 44)

«О том, что Есенин сочиняет стихи, - вспоминает один из его школьных товарищей, - мы впервые узнали в третьем или четвертом классе. Как-то раз зимой он пришел в класс и, подав учителю клочок бумаги, на котором что-то было написано, сказал:

„Посмотрите, я вот что сам сочинил“»[73].

Эти первые стихи, «сложенные» Есениным в школьные годы в Константинове, до нас не дошли. Н. Сардановский, К. Воронцов утверждают, что к 1909-1910 годам у Есенина было довольно много стихотворений. «Развитие его литературного таланта я имел возможность наблюдать еще с 1910 года, - замечает Н. Сардановский, - когда он впервые показал мне свои стихи, остановив меня тайком на улице… Стихи были, главным образом, описательного и частью лирического содержания. Описание природы составляло главную тему его стихотворений. Совершенно неожиданно для меня, стихов у него оказалось довольно много. Собирался он посылать их чуть ли не в „Сельскохозяйственный вестник“»[74]. «Стихов и в то время у него было много, которые до настоящего времени не печатались»[75], - пишет и К. Воронцов.

Некоторые из юношеских стихов Есенина были напечатаны в первом издании «Радуницы» (конец 1915 года) в разделе «Маковые побаски». «Эти „Маковые побаски“, - говорил Есенин в 1921 году в беседе с литератором И. Н. Розановым, - написаны были мною, когда мне было около четырнадцати лет». И тут же

добавлял, что он «выкинул большинство из них во втором издании „Радуницы“»[76]. Позднее, в 1924-1925 годах, готовя к изданию свое собрание стихотворений, Есенин по настоянию близких включил в первый том несколько ранних стихотворений, датировав их 1910 годом. Первое из них - «Вот уж вечер. Роса», за ним шло «Там, где капустные грядки…»

Жена поэта С. А. Толстая-Есенина, принимавшая участие в подготовке этого собрания сочинений, вспоминает: «По словам Есенина, это его первые стихи. Считая их слабыми, он не хотел включать их в „Собрание“. Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких. Текст был продиктован им. Дата поставлена по его указанию»[77].

Старица (старое русло Оки в окрестностях Константинова).

По выразительности поэтических образов как-то трудно представить, что эти стихи принадлежат 15-летнему деревенскому пареньку. Вспомним четырехстрочное стихотворение:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет. (I, 56)

Или «самое первое»:

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.
От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.
Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.
И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой. (1,55)

Красота родной природы и русского слова, песни матери и сказки бабушки, библия деда и духовные стихи странников, деревенская улица и земская школа, песни Кольцова и стихи Лермонтова, частушки и книги - все эти, порой крайне противоречивые, влияния способствовали раннему поэтическому пробуждению Есенина, которого мать-природа столь щедро наделила драгоценным даром песенного слова.

Важная веха

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать.

Есенин «Поэт»

Семейный совет. Отъезд в Спас-Клепики. Экзамен и побег. В классе и интернате. «Встреча» с Пушкиным. Учитель и ученик. Поэтические соперники. Признание таланта. Новые друзья. Кружок у Панфилова. В поисках идеала. Откуда идет «Радуница». Рождение исторической темы. Думы о Москве.

Есенину шел четырнадцатый год, когда он окончил Константиновское земское училище[78]. Встал вопрос: как быть дальше? Обычно константиновские ребята, проходив четыре зимы в школу, начинали свою трудовую жизнь. По-разному складывалась их судьба: большинство, как правило, дальше не училось. Так когда-то было и с отцом Есенина. Не сладкой была эта жизнь. И родителям Есенина, конечно, хотелось поучить сына дальше, тем более, что у него были явные способности к учебе.

«Когда мне сравнялось 12 лет[79], - вспоминал поэт позднее, - меня отдали учиться из сельской земской школы в учительскую школу. Родные хотели, чтоб из меня вышел сельский учитель»[80]. На продолжении учебы особенно настаивал дед поэта, а также законоучитель священник Смирнов.

Недалеко от Константинова находилась Спас-Клепиковская второклассная церковно-учительская школа. Туда-то и решено было на семейном совете направить Есенина. Сестра поэта рассказывает об этом важном событии в жизни брата так: «… однажды приехал отец из Москвы, привез гостинцев, пробыл у нас три дня и уехал. После отца мать часто ходила к соседям Поповым, что-то шила, принесла маленький сундучок и уложила туда вещи Сергея. Потом к нашей избе подъехала лошадь, вошел чужой мужик, молились богу, и мать с Сергеем уехали, оставив меня дома с соседкой. Сергей уехал учиться во второклассную учительскую школу в Спас-Клепики» [81].

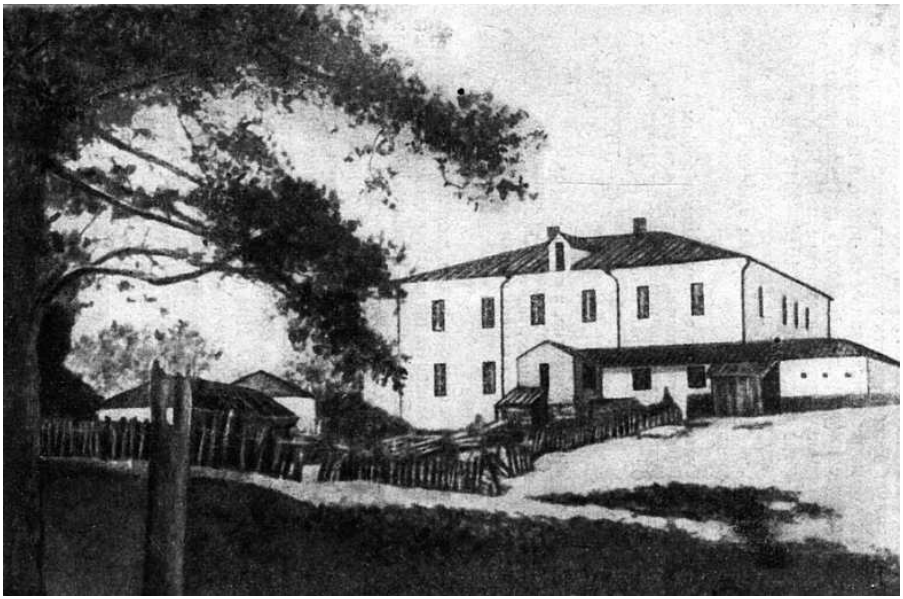
Расположенное на берегу реки Пра старинное торговое село Спас-Клепики со всех сторон окружали знаменитые мещерские леса с непроходимыми завалами, топями и лесными озерами. Двухэтажное каменное здание школы стояло на самом краю села. Сюда осенью 1909 года приехал Есенин. Выдержав вступительный

экзамен, Есенин был зачислен в школу. Поначалу чувствовал он себя одиноким, тосковал по дому. Пробыв несколько дней в школьном интернате, он совершил «побег» и вернулся в родное село. «Когда отвезли в школу, - рассказывал Есенин, - я страшно скучал по бабке… и однажды убежал домой… пешком. Дома выругали и отвезли обратно»[82].

Около трех лет провел Есенин в Спас-Клепиковской школе. О жизни поэта в эти годы долгое время было известно очень немногое. Между тем, именно здесь начал поэт свое «сознательное творчество», мечтая всю душу «выплескать в слова»; здесь впервые задумался над невзгодами народной жизни, полной «вздохов да слез»; здесь смог удовлетворить в какой-то мере свой интерес к литературе; и здесь же Есенин оказался под воздействием религиозной среды, с которой неизбежно сталкивались воспитанники церковно-учительских школ.

Спас-Клепиковская церковно-учительская школа была открыта в 1896 году. Находилась она в ведении церковных властей и готовила учителей церковно-приходских школ грамоты. Программа, рассчитанная на три года, включала церковную общую и русскую историю, закон божий, русский язык, церковно-славянский язык, отечественную историю, географию, арифметику, геометрическое черчение, рисование, дидактику. «В школах подобного типа, - пишет в своих воспоминаниях бывший ученик этой школы Я. А. Трепалин, три года проучившийся вместе с Есениным, - обращалось внимание главным образом на то, чтобы будущий учитель церковно-приходской школы был вполне подготовлен к воспитанию детей в духе православия»[83].

Специальный режим во второклассных школах, религиозная окраска содержания изучаемых предметов, конечно, оказывали определенное влияние на учеников: некоторые, пробыв в церковно-учительской школе три года, становились глубоко религиозными людьми, другие - противниками религии, а третьи, таких было больше всего, относились к своим религиозным обязанностям формально, без каких-либо внутренних духовных побуждений.



Спас-Клепиковская второклассная церковно-учительская школа (вид со стороны интерната).

Все это в той или иной мере было присуще и Спас-Клепиковской церковно-учительской школе, которая являлась учебным заведением закрытого типа. Во главе школы стоял священник, он же вел занятия по церковной общей и русской истории и закону божьему[84]. Весь день воспитанники были в здании школы: утром - на уроках, вечером выполняли домашние задания в классах под наблюдением учителей. В субботу вечером и в воскресенье утром - обязательное присутствие на церковной службе.

Наравне со всеми учениками Есенин обязан был посещать церковь, ходить ко всенощной, обедням, наряжаться в стихарь, читать шестипсалмие, хотя, как свидетельствуют несколько товарищей поэта, Есенин, как и многие из них, был далек от преклонения перед ритуалами церковной службы, а при удобном случае был не прочь освободиться от них[85].

При школе находился интернат. Без разрешения дежурного педагога отлучаться не разрешалось. «Питание было плохое. Да и улучшить его, пожалуй, было трудно. Каждый живущий в интернате платил за питание и общежитие 30 руб. в год. Да и эту мизерную плату не все могли уплатить»[86], - рассказывает А. Н. Чернов, три года проучившийся с Есениным.

Однако, как справедливо замечает бывший учитель Спас-

Клепиковской школы Виктор Алексеевич Гусев, были в школе и другие, очень важные моменты, характеризующие обстановку в ней[87]. Казенно-официальный режим, установленный в школах подобного типа, вызывал обычно недовольство учащихся. Среди воспитанников по рукам тайно ходила недозволенная литература.

По вечерам ученики собирались обычно в одной из комнат интерната. Завязывались беседы о прочитанных книгах, обсуждались стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, а потом кто-либо читал свои стихи. Чаще всего это бывал Есенин.

Порой между учениками вспыхивали жаркие споры. При этом наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенина - Пушкин, Смирнова - Белинский, Тиранова - Чернышевский[88].

В. А. Гусев справедливо подчеркивает, что крестьянские дети шли в церковно-учительскую школу в большинстве случаев не из каких-либо особых религиозных убеждений, а потому, что здесь за незначительную плату можно было получить образование.

Сергей Есенин (пятый справа в третьем ряду обозначен крестиком) среди учеников Спас-Клепиковской второклассной церковно-учительской школы.

В этом еще раз убеждаешься, когда знакомишься со школьными сочинениями одного из товарищей Есенина по учебе - Григория Панфилова. Уже одно название их поучительно: «Сравнение времен года с возрастами жизни человека», «Значение внешних и внутренних вод в истории развития народов», «Передача теплоты посредством лучей», «Внешнее и внутреннее отличия человека от млекопитающих животных», «Нравственные

качества учителя при обращении с детьми», «Отличие сказки от былин». Еще более примечательно их содержание. Ни в одном из сочинений не чувствуется религиозность автора. Ученики Спас-Клепиковской школы получали неплохие основы знаний по общеобразовательным предметам. Так, в сочинении по географии «Значение внешних и внутренних вод в истории развития народов» Панфилов приводит много конкретных фактов из истории России, европейских государств, древней Греции и Рима. «Возьмем другой просвещенный и образованный народ древности - греков, - пишет он. - Там получила начало такая серьезная наука, как, например, философия. В Греции, кроме того, получила начало и литература, представителем которой был поэт Гомер, написавший две знаменитые поэмы „Илиада“ и „Одиссея“, которые и в настоящее время пользуются всемирною известностью; там же впервые появились гражданские законы, которые затем, были приняты в основание всеми народами. Выгодное положение Греции у берегов Средиземного моря содействовало развитию торговли и промышленности… Возьмем, наконец, римлян… Недавние раскопки римских городов Геркулана и Помпеи, засыпанных лавою во время извержения Везувия, еще более убеждают нас в высоком развитии у них наук и искусств; найденные там статуи отличаются художественностью своей работы»[89].

Спас-Клепиковская школа давала неплохие знания и по литературе. Так, сочинение Гриши Панфилова «Отличие сказки от былин» поражает зрелостью мысли и хорошим литературным языком. Рассматривая конкретные идейно-художественные признаки, отличающие сказку от былины, он так пишет об их различной роли в духовной жизни людей: «Цель, для которой составлялись сказки, двоякая: или служить как занимательный и интересный фантастический рассказ, или - чтобы вывести какое-нибудь нравоучение. Былины же составлялись за тем, чтобы дать потомству некоторое понятие о жизни, верованию, обычаях предков или чтобы показать примеры гражданских подвигов, доблести, храбрости, мужества и этим возбудить народный патриотизм».

Хотя мы и не располагаем школьными сочинениями других учеников, но вполне можем предположить, что по своему содержанию они были примерно такого же характера.

Сочинения, речь о которых шла выше, отнюдь не были каким-то исключением[90].

Интерес и любовь воспитанников к литературе всячески поощрял и развивал школьный учитель словесности Евгений Михайлович Хитров - первый литературный наставник поэта. Это

был человек талантливый, ищущий, беспокойный. Литература была его страстью, призванием. Он прекрасно читал стихи, увлекался музыкой, играл на пианино, дирижировал хором, рисовал. Все это у Е. М. Хитрова сочеталось с незаурядными организаторскими наклонностями, что, очевидно, побудило губернского инспектора предложить сыну почтаря, учительствовавшему после окончания Рязанской семинарии в глухом селе Пронского уезда, место старшего учителя в Спас-Клепиковской второклассной школе, куда он и перебрался с семьей в 1902 году[91].

Евгений Михайлович Хитров - учитель Сергея Есенина.

Как старший учитель Евгений Михайлович отвечал за воспитательную работу с учащимися и во внеурочное время, особенно с теми, которые жили при школе в интернате. В отношениях с учениками он был строг, порой до чрезвычайности. Предмет свой знал и любил, преподавал с огоньком, содержательно, эмоционально. Уроки Хитрова протекали живо, учебный материал он давал шире программы. Особенно любили ученики классное чтение. «У меня было в обычае, - рассказывает Е. М. Хитров, - сначала задавать ученикам для прочтения те или иные литературные произведения, а потом прочитывать те же произведения самому в классе. Так я делал и с большими произведениями, вроде „Евгения Онегина“, „Бориса Годунова“ и пр. Читал я в течение нескольких часов и всегда почти все

произведение целиком. Ребята очень любили такое чтение и часто просили меня об этом. Но думаю, не было такого жадного слушателя у меня, как Есенин. Он впивался в меня глазами, глотал каждое слово. У него первого заблестят глаза и потянутся слезы в печальных местах, первый расхохочется при смешном. Сам я в особенности любил Пушкина. Пушкиным больше всего занимался с учениками, читал его, разбирал и рекомендовал, как лучшего учителя в литературе, Есенин полюбил Пушкина»[92].

Освоившись со школьной обстановкой, Есенин стал признанным верховодом среди товарищей. Устройство школьного самодеятельного спектакля или новогодней елки, походы учеников на реку или очередная «схватка» с сельскими ребятами - во всем Есенин принимал живое участие.

Весной и осенью Есенин почти не бывал в интернате, его всегда можно было встретить в роще, на кладбище или на берегу речки. «Возле города, - вспоминает один из товарищей Есенина, - тогда была березовая роща. Сюда мы часто ходили читать и мечтать» [93]. В зимнее время Есенин увлекался коньками. «Бывало, на коньках по льду уходили километров на 20, вплоть до Евлева. Зимой часто катался на лыжах»[94].

Любил Есенин бывать на больших базарах, которые собирались в Спас-Клепиках по праздничным дням. Родители учеников, желая повидаться со своими детьми, приноравливали свои поездки к базарным дням. «Поэтому ученики отпрашивались „на базар“. Есенин отпрашивался прежде всех. Приехал к нему кто, или не приехал, а на базар непременно пойдет и там пропадает надолго… ему нравилась просто базарная сутолока и возможность увидаться с знакомыми»[95]. Одно из ранних стихотворений Есенина рисует веселую картину базарного праздника:

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.
……
Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет. (1, 177)

«Часто, - вспоминает А. Н. Чернов, - с нами затевали драку ребята из близлежащих деревень или свои городские бросали камнями. И вот Есенин, набрав камней, шел впереди всех,

воодушевлял нас, и, таким образом, мы отбивались от своих „врагов“. Он же рассказывает: „Один раз мы, беседуя о литературе, решили провести вечер в школе с постановкой небольшой пьески. Это дело устроить взялся Есенин. Он попросил Хитрова разрешить нам этот вечер и дать возможность к нему подготовиться. Вечер прошел весело“»[96]. Есенин с увлечением исполнял в этом школьном спектакле одну из женских ролей.

Занимался Есенин плодотворно. Хорошая память позволяла ему на подготовку уроков тратить сравнительно немного времени. В остальные часы он чаще всего отдавался любимому делу - литературным занятиям. Школьная библиотека, наполненная ненужной и устаревшей литературой, не могла удовлетворить Есенина, который очень много читал. Он был постоянным посетителем земской библиотеки.

Сосновая роща близ Спас-Клепиковской школы.

Живая заинтересованность воспитанников Спас-Клепиковской школы литературой, их самостоятельные стихотворные опыты, беседы и споры о книгах - все это как-то рассеивало религиозную атмосферу церковноучительского заведения.

Особенно свободно дышалось Есенину на уроках литературы. Правда, вначале учителя не придавали серьезного значения тому, что Есенин увлекается поэзией и пишет стихи, потому что «в ту пору, - вспоминает Е. М. Хитров, - в школе было много

стихотворцев, некоторые были чрезвычайно плодовиты, закидывали меня ворохами своих произведений. Приходилось принимать часто особые меры, чтобы умерить их пыл, особенно когда видишь, что „хоть охота смертная, да участь горькая“. Поэтому и Есенина я слегка поощрял, но относился к его стихотворству сдержанно»[97].

Один из воспитанников школы, Е. Тиранов, писал не только стихи, но и пробовал свои силы в прозе, за что нарекли его «прозаиком», а Есенина - в противоположность ему - «поэтом» [98].

В классе «поэт» и «прозаик» сидели на одной парте, что не мешало им довольно ревниво относиться друг к другу. Поначалу произведениям Тиранова в школе отдавали известное предпочтение. Бывший рабочий Великодворского стекольного завода, Тиранов писал стихи на гражданские темы. «Произведения его были обширны по объему, простираясь до поэм, мысли в них кипели, чувство клокотало»[99]. В 1924 году в рукописном журнале «Спас-Клепиковский работник просвещения» Е. М. Хитров опубликовал сохранившиеся у него автографы нескольких ранних стихотворений Есенина и одно Е. Тиранова под названием «Разбитое стекло»:

Напротив койки в раме черной
Гремит разбитое стекло,
И страх наводит ночью темной
Своим дрожанием оно.
При звуке этом сердце ноет,
А за окном темно-темно…
Лишь только слышно - ветер воет,
Дрожит разбитое стекло.
Замолкни, мрачный звук, унылый!
Ты разрываешь сердца ткань.
Во мне и так уж мало силы,
Я сам разбит… О, перестань!
Разбито ты - зачем же стоны?
И я разбит, но я молчу…

Что же касается стихов Есенина, то они уже в самом начале подкупали слушателей своей легкостью и ясностью. «У него имелось много стихов. Писал он их, как нам казалось, - вспоминает А. Н. Чернов, - быстро и легко. Бывало так: утром встаем, собираемся на занятия, и вдруг Есенин просит послушать его новое стихотворение. Иногда отдельные стихи Есенин дарил на память кому-нибудь из нас»[100].

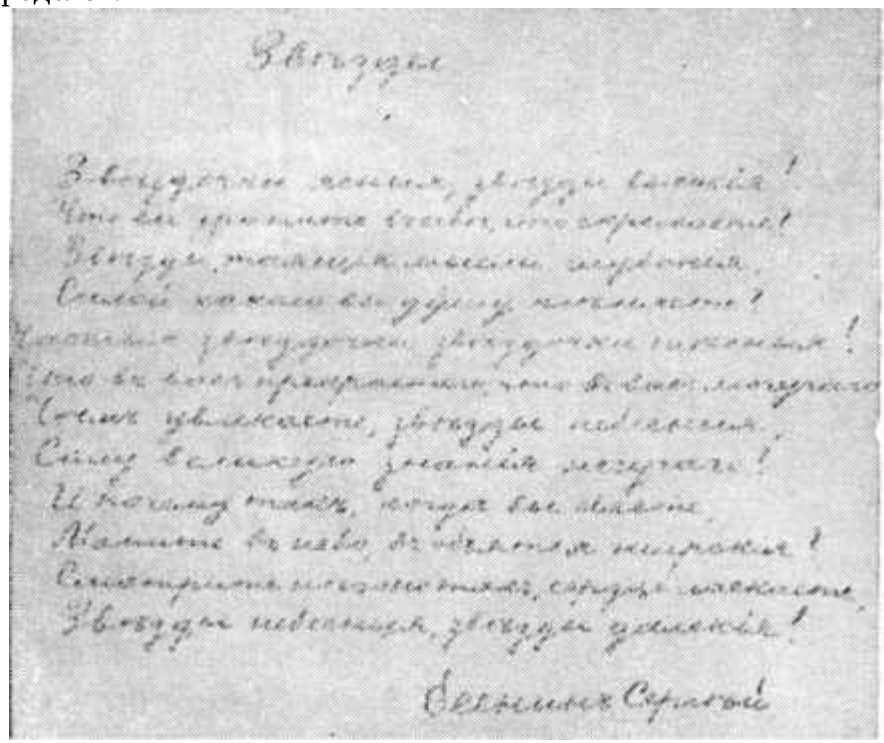
В отличие от других школьных «сочинителей» Есенин легко

справлялся с рифмой и ритмом. Вместе с тем гражданские «тяжеловесные» сочинения Тиранова первоначально казались более обнадеживающими, чем внешне довольно гладкие стихи Есенина[101]. «Потом, во второй и третий год занятий, - вспоминает другой учитель Есенина, - стало ясно, что голубоглазый, подвижной, как ртуть, весельчак Есенин не просто „сочиняет“ стихи (это со многими случается в юности), а обладает незаурядным поэтическим дарованием»[102]. Постепенно Хитров начинает уделять все больше внимания Есенину. «В первый, раз, - пишет Е. М. Хитров, - когда я особенно встрепенулся, это - когда он принес мне свое стихотворение „Звезды“. Это произведение поразило меня. Помню, что я как-то заторопился, чего-то как будто испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение, кое-что изменили, переставили. Мне стало как-то совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать, что вообще у него ясно выраженный талант»[103]. В этом, написанном под влиянием Лермонтова, еще несовершенном стихотворении, юный поэт говорит о вечных тайнах мироздания:

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?
Частые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?
И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие! (1,71)

Есенин не стал печатать «Звезды». Вероятно, не все в этом стихотворении удовлетворяло поэта. Но в одном школьный учитель Есенина был прав: «Звезды» подкупали душевной чистотой, поэтичностью. Поддержка Хитрова была очень своевременной. Есенин уже несколько лет писал стихи, но редко слышал одобрительные слова[104]. Он не подавал виду, что его это волнует, хотя с надеждой думал о том заветном дне, когда будут впервые опубликованы его стихи. Еще в 1910 году он собирался направить их в «Сельскохозяйственный вестник». И вот наконец ему говорят, что у него ясно выраженный талант и

советуют попытаться напечатать кое-что. Он стремится теперь при любом удобном случае показать новые стихи учителю. «Приходил он к нам домой, - вспоминает сын Хитрова, - порой даже без спроса, благо семья наша жила в школьном здании. Приносил стихи, читал их отцу»[105]. Он приносил их даже тогда, когда приходил к учителю с «повинной» после своих озорных проделок.

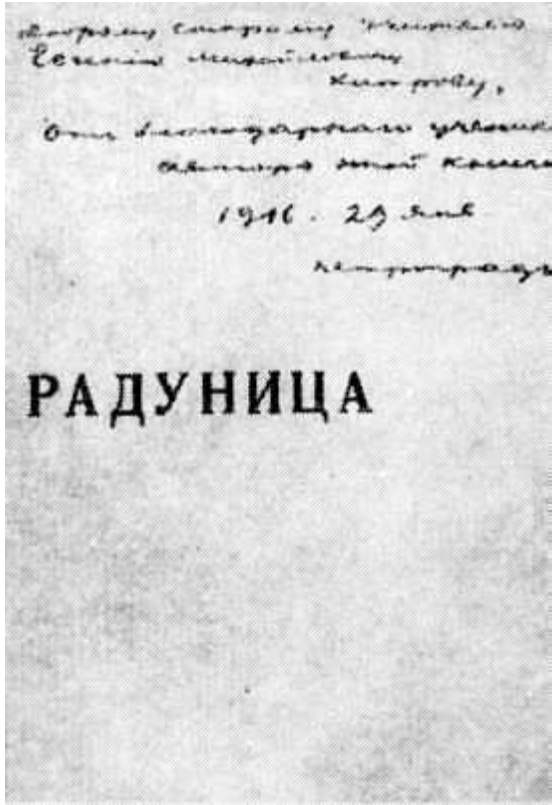


Звезды

Звездочки ясные, звездочки синие!
Что вы пригрезились тихим осинам?
Звездочки, тонкие листья осинок,
Синей ночною вы дрожью пронзили?
Звездочки утренние, звездочки снежные!
Кто вас бросает на землю с небес?
Синим цветком полевым, звездочки нежные,
Синью вы ласкаете взоры небес!
И почему иногда, когда вас видишь,
Кажешься ты мне, звездочка, грустной?
Синие вы небес, вы небесные искорки!
Синими вы цветами, сердцу близкими,
Звездочки небесные, звездочки земные!

Есенин Сергей

Автограф стихотворения «Звезды».



Титульный лист книги С. Есенина «Радуница», подаренной поэтом Е. М. Хитрову.

С благодарностью вспоминал Есенин позднее обнадеживающее слово учителя. Когда вышла его первая книга «Радуница», он прислал ее своему первому литературному наставнику с таким проникновенным автографом: «Доброму старому учителю Евгению Михайловичу Хитрову от благодарного ученика, автора этой книги. 1916.

29 янв. Петроград».

* * *

Главные занятия по литературе и стилистике были отнесены в Спас-Клепиковской школе к третьему году обучения. Именно в это время Есенин и выдвинулся среди других своих товарищей как стихотворец.

В последний год пребывания в школе, пишет Е. М. Хитров, в

произведениях Есенина «стали просачиваться и серьезная мысль, и широта кругозора, и обаяние поэтического творчества»[106]. Когда в ноябре 1911 года школу посетил с казенной ревизией епархиальный наблюдатель И. Д. Рудинский, ему показали стихи Есенина. В классе, в присутствии всех учеников, Рудинский, похвалив Есенина, высказал ряд советов и замечаний. Этот сам по себе не очень значительный эпизод взволновал поэта. «К нам, - замечает по этому поводу Е. М. Хитров, - постоянным своим учителям, он уже привык… Но отзыв свежего, стороннего человека проник до глубины души его» [107]. На это событие поэт отозвался стихотворением, полным радужных надежд:

Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.
И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.
Чувства полны добра,
Сердце бьется сильней.
Оживил меня луч
Теплотою своей.
Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь. (1, 64, 65)

Сергей Есенин (1911-1912 гг.).

Это стихотворение, посвященное И. Д. Рудинскому, показывает, сколь важно было тогда Есенину услышать добрые слова о своих стихах.

В 1912 году он успешно закончил учительскую школу, получив «звание учителя школы грамоты».

По окончании учебы Есенину было вручено свидетельство, в котором указывалось:

«Предъявитель сего сын крестьянина села Константинова Рязанского уезда Сергей Александрович Есенин, родившийся в тысяча восемьсот девяносто пятом (1895) г., месяца сентября 21 дня, православного исповедания, обучался с 1909 г. в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, в которой и окончил курс в 1912 г.; оказав при отличном (5) поведении

следующие успехи:

по 1) закону божию оч. хорошие (4)

" 2) церковной общей и русской истории оч. хорошие (4)

" 3) церковному пению оч. хорошие (4)

" 4) русскому языку отличные (5)

" 5) церковно-славянскому языку хорошие (3)

" 6) отечественной истории отличные (5)

" 7) географии в связи с сведениями и явлениями природы отличные (5)

" 8) арифметике оч. хорошие (4)

по 9) геометрическому черчению и рисованию оч. хорошие (4)

" 10) дидактике оч. хорошие (4)

" 11) начальным практическим сведениям по гигиене оч. хорошие (4)

" 12) чистописанию отличные (5)

" 13) практич. занятиям в нач. школе оч. хорошие (4).

За каковые и удостоен Советом сей школы, на осн. ст. 44 высочайше утвержденного (1 апреля 1902 г.) Положения о церковных школах, звания учителя школы грамоты…

В удостоверение чего и дано ему, Есенину Сергею, сие свидетельство от Совета Спас-Клепиковской второклассной учительской школы Рязанского уезда за надлежащим подписанием и приложением печати Совета.

Заведующий школой свящ. *Павел Агрономов.*

Старший учитель *Евгений Хитров.*

Учителя: *Винтор Гусев, Дмитрий Головин*"[108].

* * *

Много светлых минут принесла Есенину в Спас-Клепиках дружба с Григорием Панфиловым, любимым школьным товарищем. О ней следует сказать особо. Есенин познакомился с Панфиловым вскоре после приезда в Спас-Клепики. Развитой, книголюб Панфилов по характеру чем-то напоминал некрасовского Гришу Добросклонова. С юных лет он задумывался о смысле жизни, о путях служения народу, сердце его волновали свободолюбивые идеи. Взгляды Панфилова были близки

молодому поэту. И хотя он был несколько старше Есенина и занимался в школе уже второй год, они быстро подружились, почувствовав между собой духовную близость, общность литературных интересов. Есенин относился к Панфилову с большим доверием, одному из первых читал новые стихи, внимательно прислушивался к его замечаниям, советовался по поводу новых замыслов, делился своими раздумьями о жизни. Это хорошо видно из переписки, которую Есенин вел с Панфиловым в 1911-1914 годах[109]. Переписку друзей оборвала ранняя смерть Григория Андреевича Панфилова, который умер от чахотки в феврале 1914 года. Отец Гриши, Панфилов А. Ф., в письме от 2 марта 1914 года к Есенину, который в то время находился в Москве, рассказывая о смерти сына, отмечал, что Гриша, прикованный болезнью к постели, все время вспоминал о Есенине, с волнением ждал журнала с его стихами, ответных писем. «Я прихожу в 6 часов вечера, - писал отец Гриши Есенину о последних предсмертных часах сына, - первым его вопросом было: „А что, папа, от Сережи письма нет?“ Я отвечаю - нет. „Жаль, говорит, что я от него ответа не дождусь. А журнал-то прислал?“ Я сказал - нет. „Скверно - повсюду неудача“». В конце письма А. Ф. Панфилов указывал: «Видно, Сережа, что у вас была истинная и искренняя дружба. Почти ежедневно он вспоминал о тебе, жаль, говорит, что около меня нет Сережи и некому успокоить мою наболевшую душу»[110].

Известное представление о духовном облике клепиковского друга Есенина дает нам его сочинение «Нравственные качества учителя при обращении с детьми». Любовь к человеку, справедливость, честность и правдивость, сдержанность и терпеливость, вместе с тем твердость характера - вот качества, которыми, по мнению Панфилова, должен обладать учитель и которые он стремится развивать в себе самом. «Учитель, - замечает он, - который будет обладать истинной, не лицемерной любовью к детям, в то же время будет обладать и другими добрыми качествами… Справедливость, - продолжает Панфилов, - есть качество учителя, посредством которого он может заслужить авторитет учеников, может иметь на них нравственное влияние»[111]. Особо он подчеркивает ту мысль, что «учитель должен иметь твердость характера», которая «делает учителя устойчивым, последовательным в своих действиях»[112].

Родители Панфилова жили в Спас-Клепиках. Отец его служил приказчиком у местного купца - лесопромышленника. В просторном, уютном панфиловском доме часто собирались сверстники Гриши, которым надоедал казенный дух интерната. В свободное от занятий время Есенин стал бывать в семье своего

друга, а иногда даже оставался там ночевать. Е. М. Хитров хорошо знал отца Панфилова, относился к этой семье с уважением и охотно разрешал Есенину уходить из интерната к ним домой.

Григорий Панфилов - друг Сергея Есенина.

Сестра поэта рассказывает, что когда Есенин приезжал домой к пасхе, «мать расспрашивала его о школе, о товарищах. В школе у Сергея был большой друг Гриша Панфилов, и он много рассказывал матери о его семье»[113]. Заботливо и отзывчиво относилась к друзьям и товарищам сына мать Гриши - Марфа Никитична Панфилова. Она вспоминает: «Из школьных товарищей сына я особенно полюбила Сережу Есенина. Может, потому, что видела, как он тоскует по дому, по материнской ласке. Вот и жалела я его, как родного. Гриша был постарше Есенина. В доме у нас всегда было полно молодежи - товарищей Гриши. Чаще других, кроме Сережи Есенина, приходили Митя Пыриков, Анна Шилина, Гриша Черняев. Зимними вечерами засиживались они допоздна. Пели, играли, танцевали, а иногда сидели тихо, кто-либо читал, другие слушали, потом начинали беседовать между собой, горячо убеждать в чем-то друг друга»[114].

Более подробно о настроении, литературных интересах,

спорах, которые временами вспыхивали среди молодежи в доме Панфиловых, мы узнаем из рассказов Григория Львовича Черняева, который с детских лет дружил с Панфиловым.

Григорий Львович начал заниматься в церковно-учительской школе в 1909 году. «Наш кружок у Панфилова, - вспоминает он, - образовался почти стихийно. Вначале мы собирались, чтобы сообща развлечься, поговорить о школьных делах, поспорить о книгах. Потом, когда ближе узнали друг друга, мы в наших беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали и обсуждали роман Л. Толстого „Воскресение“, его трактат „В чем моя вера?“ и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне (поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина. Однако сложившихся взглядов и убеждений у нас не было. Мировоззрение наше только еще формировалось. Помню, как мы спорили о Горьком и его книгах. С особым интересом воспринимались нами ранние рассказы писателя. Захватывал нас их романтический дух, горьковская вера в человека. Мы были знакомы со стихами Есенина. Он читал их в кружке»[115].

Дружеская, демократическая среда панфиловского кружка, открытый, пытливый, критический (вопреки школьным церковно-религиозным шорам) взгляд Панфилова и его товарищей на жизнь, юношеский порыв кружковцев к свободе, их мечты о служении народу, споры о любимых писателях - все это благотворно влияло на духовное развитие молодого Есенина, помогало преодолеть церковно-догматические представления о жизни, которые стремилась привить ученикам церковно-учительская школа.

Панфиловский кружок способствовал появлению у Есенина стихотворений, в которых впервые зазвучала грустная дума поэта о судьбе крестьянской Руси:

Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной.
Посмотри, как он трудится в поле,
Пашет твердую землю сохой,
И послушай те песни про горе,
Что поет он, идя бороздой.
Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу сохи с бороной?
Видишь гибель ты сам неизбежной,

А проходишь его стороной.
Помоги же бороться с неволей,
Залитою вином и нуждой!
Иль не слышишь, он плачется долей
В своей песне, идя бороздой? (5, 238, 239)

Многое было пережито, передумано Есениным за три спас-клепиковских года. Желание посвятить свое творчество народу, правдиво рассказать о любви к родине - вот мысли, которые все больше начинают его волновать.

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать,
Кто людей, как братьев, любит
И готов за них страдать.
Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли! (1,82)

Так писал Есенин в 1912 году в стихотворении «Поэт».

История этого стихотворения такова: в 1912 году, прощаясь с Гришей Панфиловым перед отъездом из Спас-Клепиков, Есенин подарил ему свою фотографию, на обратной стороне которой написал своего «Поэта» с посвящением «Горячо любимому другу Грише».

«Поэт» не просто экспромт, написанный в момент расставания со школьным товарищем. Эту тему Есенин затронул в еще более раннем стихотворении, относящемся к 1910-1911 годам, озаглавленном также - «Поэт». Автограф его едва ли не самый ранний из известных в настоящее время. Рассказ о судьбе поэта в нем еще явно односторонен, ничего не говорится об общественном призвании художника. Перед нами образ поэта-мученика, поэта-отшельника, живущего во власти тайных видений и грустных дум:

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.
Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке

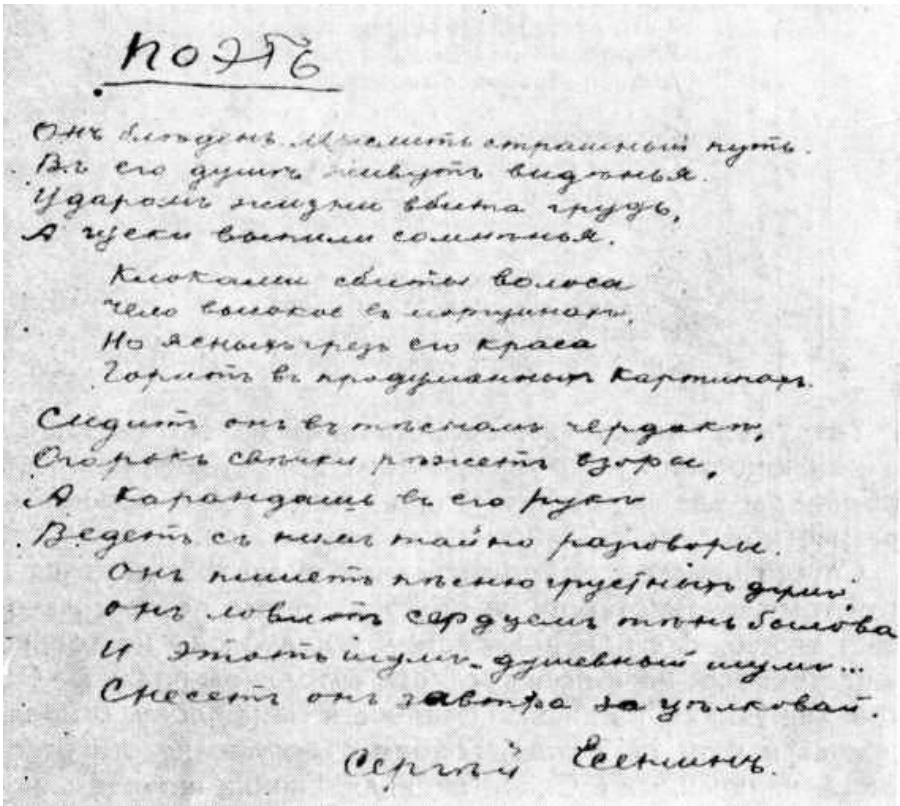
Ведет с ним тайно разговоры.
Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум…
Снесет он завтра за целковый. (1,70)

Раздумья эти навеяны и собственной далеко не безоблачной юностью, и романтическим представлением об избранном уделе поэта, и - едва ли не всего сильнее - трагической судьбой многих русских поэтов.

Спустя некоторое время Есенин вновь обращается к этой теме в стихотворении «Душою юного поэта». Автограф его до сих пор неизвестен. Однако оно не только существовало, но и подвергалось авторской правке. Об этом мы узнаем из письма Есенина к Панфилову, относящемуся к лету 1912 года. Говоря о доработке стихотворений, написанных в Спас-Клепиках, Есенин пишет: «…например, в стихотворении „Душою юного поэта“ последнюю строфу заменил так:

Ты на молитву мне ответь,
В которой я тебя прошу.
Я буду песни тебе петь,
Тебя в стихах провозглашу»[116].

Таким образом, в трех стихотворениях раннего периода - «Поэт» («Он бледен. Мыслит страшный путь…»), «Душою юного поэта», «Поэт» («Тот поэт, врагов кто губит…»), а возможно, было написано и четвертое, «Пророк» (о нем речь идет в одном из писем к Панфилову) - уже затрагивается главный вопрос, встающий перед каждым истинным поэтом: что ты, поэт, хочешь сказать миру? В чем видишь свой долг перед народом? Какую правду собираешься утверждать поэтическим словом?


Поэт

Он бледным мраком кроет страшный путь.
В его душе неясных видений.
Ударом жизни сбита грудь,
А чувств волнами сломлена.

Кипятком сбитых волоса
Чело высокое в морщинах,
Но ясный грез сих краса
Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесных чердаках,
Скорбь свою разнесет взора,
А карандаш в его руках
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого
И этот шум - душевный шум...
Снесет он завтра за угол кабак.

Сергей Есенин.

Автограф стихотворения «Поэт».

Когда-то Жуковский, вопрошая «кто есть поэт?», отвечал: «Искусный лжец. Ему и слава, и венец». Затем в русскую литературу пришел поэт-пророк Пушкин, жгущий глаголом сердца людей, за ним - мятежный Лермонтов, а чуть позднее призывно зазвучал голос некрасовской музы:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая - «страдания народа»,
И что поэзия забыть ее должна, -
Не верьте, юноши! Не стареет она.

«Не верьте, юноши!» - писал Некрасов. И молодой рязанский поэт не поверил. Он начинает все больше осознавать теперь, что для поэта явно недостаточно только «ловить сердцем тень былого» и слушать «душевный шум». В этом еще раз убеждаешься, читая одно из писем Есенина к Панфилову, относящихся к 1913 году: «Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу

писать „Пророка“, в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу. Если в твоей душе хранятся еще помимо какие мысли, то прошу тебя дай мне их, как для необходимого материала. Укажи, каким путем идти, чтобы не зачернить себя в этом греховном сонме. Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему „Поэту“. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига»[117].

Все больше Есенин сомневается в тех людях, кто пытался увести его юную музу в религиозно-библейские тенета; все решительнее поэт вслушивается теперь в биение народного сердца, мечтая стать певцом родной земли.

В клепиковские годы Есенин написал много лирических стихотворений и первую юношескую поэму «Сказание о Евпатии Коловрате…» Часть стихов тех лет не дошла до нас. Некоторые, очевидно, поэт переработал, другие уничтожил совсем. Однако ряд стихотворений 1910-1912 годов Есенин опубликовал в 1914-1915 годах, как только начал печататься в московских и петербургских журналах[118]. При этом отдельные ранние стихи («Выткался на озере алый свет зари…», «Поет зима - аукает…») перепечатывались по нескольку раз. Подготовляя свой первый сборник «Радуница» [119], Есенин включил в него восемь стихотворений клепиковского периода [120].

Однако далеко не все произведения этих лет были напечатаны при жизни поэта. Из отроческих стихов Есенин лишь немногие включал в свои книги. Так, например, он не стал печатать те стихи, которые в свое время передал Е. М. Хитрову. Последний рассказывает, что, когда Есенин «учился, он носил мне много своих стихотворений, которые я вкладывал в общий ворох ученических работ. Они все были написаны на отдельных листках. Но перед окончанием курса его учения в нашей школе я, как бы предчувствуя особую значимость его творений и не доверяя сохранности отдельных листков, просил его написать для меня отдельный сборничек своих стихов на тетради. Он мне принес одну тетрадь с четырьмя стихотворениями. (Вероятно, Е. М. Хитров ошибся, так как в тетради находятся не четыре, а пять стихотворений - (Ю. П.). Я сказал, что этого мало. Тогда он принес мне еще тетрадь с пятью стихотворениями. Эти две тетради у меня и остались в целости»[121].

Вскоре после смерти Есенина были напечатаны стихотворения «Моя жизнь» и «Что прошло - не вернуть», автографы которых находились в одной из хитровских тетрадей. Остальные стихи были опубликованы только в последние годы.

Долгое время оставались неопубликованными и другие забытые произведения тех лет («Поэт», «Тяжело и прискорбно мне видеть»), В настоящее время известно более 30 стихотворений Есенина, относящихся к 1910-1912 годам[122]. Вместе со «Сказанием о Евпатии Коловрате…» эти стихотворения могли бы составить сборник, равный по объему «Радунице», в первом издании которой было 33 стихотворения.

Но важно не только количество. Хотя, конечно, и это имеет свое значение: одно дело 14 стихотворений 1910-1912 годов, а другое - когда выясняется, что в те годы их было создано поэтом по меньшей мере в два раза больше! Куда более существенна другая сторона. Теперь, когда наше представление о творчестве поэта в клепиковский период его жизни значительно обогатилось и расширилось, появляется настоятельная необходимость внести серьезные уточнения в те, порой далекие от истины, оценки ранней поэзии Есенина, которые давались в прошлом. Принято считать, что в ранних стихах Есенина много места занимают мотивы и образы, почерпнутые поэтом из религиозных книг и навеянные церковно-христианскими представлениями. Однако это утверждение едва ли справедливо по отношению к стихам клепиковского периода. Из 30 известных стихотворений этих лет только в трех («Калики», «Задымился вечер…», «Дымом половодье…») мы сталкиваемся с церковной лексикой и образами. Но и эти стихотворения были навеяны самой жизнью.

Гонимые, кто нуждой и недородом, кто надеждой исцеления в «святых» местах от тяжелого недуга, брели из конца в конец полевой Руси, по ее большакам и проселкам бедные странники, богомольцы, бродяги-монахи и нищие. Много их видела и Рязанская земля. Есенин позднее вспоминал, что, когда он жил в доме деда, бабка собирала «всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от „Лазаря“ до „Миколы“»[123]. О незавидной судьбе этих нищих странников и рассказывается в стихотворении «Калики», причем у Есенина нет и грана религиозного преклонения перед святостью калик. Как и многие крестьяне, он, конечно, сочувствует их незавидной судьбе, но духовные стихи и песни калик не вызывают особых восторгов в его сердце.

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.
Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Исусе.

Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.
Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!» (1, 63)

Такие выражения, как «клячи… топали», «ковыляли убогие по стаду», «говорили страдальные речи», «подпевали горластые гуси», «идут скоморохи» и т. п., придавали стихам ироническую окраску. Какая уж тут «святость»!

Озеро Великое в окрестностях Спас-Клепиков.

К этому времени относится и стихотворение «Дымом половодье…». Здесь у лирического героя настроение умиротворенности, желание помолиться «украдкой» возникает вовсе не в храме божьем, а у алтаря природы:

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.
Еду на баркасе.
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.
Заунывным карком

В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет. (1, 61)

Для молодого поэта природа - это чудесный и необъятный храм, в котором все прекрасно. Она подлинный герой ранней поэзии Есенина. Любовью к земле, к лугам и травам, лесам и озерам проникнуты строки многих юношеских стихов. В них звучат задушевные мелодии, как бы передающие дыхание самой природы: порывы ветра, шепот листьев, пение птиц, плеск речной волны.

Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет,
И дергач не кричит.
Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит. (1,77),

Земная красота забрала в плен юное сердце поэта. Его лучшие ранние стихи пахнут весной, молодостью, полны очаровательного задора и веселья:

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.
На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра! (1,67)

Там, где, казалось, пейзаж обычен, где свет и тени не захватывают внезапно воображения, где, на первый взгляд, в природе нет броских, запоминающихся картин и многое давно уже примелькалось, молодой поэт вдруг неожиданно и смело открывает новые краски:

Поет зима - аукает,
Мохнатый пес баюкает

Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.
И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна. (1, 57, 58)

В этом «морозном» стихотворении много света, тепла. Новизна образа «аукающей зимы», безыскусственность в обрисовке пернатых «героев», напевность, музыкальность стиха, ритм которого невольно ассоциируется с «музыкой» снежной вьюги, колоритность поэтической лексики - все это говорит о незаурядном мастерстве молодого поэта. Природа для него не застывший пейзажный фон: она вся в движении, в обновлении, в гармоническом единении с человеком:

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы, -
Я одурманен весной. (1, 62)

Черемуховый весенний снег не холодит, а согревает сердце поэта, в которое рано постучалась юношеская любовь:

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.
Сыпь ты, черемуха, снегом,

Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу. (1, 62)

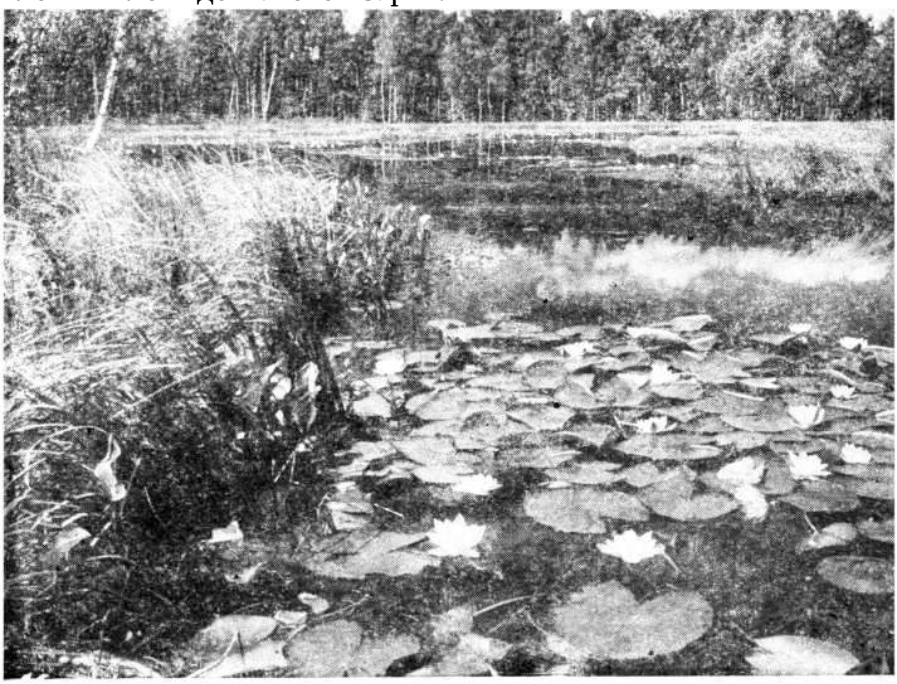
Еще до отъезда во второклассную школу Сергей Есенин подружился с сестрой своего товарища Анной Сардановской. Приезжая летом из Спас-Клепиков в родное село, он часто встречался с ней. Константиновские старожилы вспоминают, как «однажды летним вечером Анна и Сергей, раскрасневшиеся, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую там монашенку разнять их, говоря: „Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться. Разними нас. Пусть, кто первый изменит и женится или выйдет замуж, того второй будет бить хворостом“. Первой нарушила „договор“ Анна. Приехав из Москвы и узнав об этом, Есенин написал письмо, попросив все ту же монашенку передать его Анне, которая после замужества жила в соседнем селе. Та, отдавая письмо, спросила: „Что Сережа пишет?“ Анна с грустью в голосе сказала: „Он, матушка, просит тебя взять пук хвороста и бить меня, сколько у тебя сил хватит“[124]. Позднее Есенин писал в стихотворении „Мой путь“:

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь. (3, 44)

Анне Сардановской Есенин посвятил стихотворение „За горами, за желтыми долами…“, опубликованное впервые в 1916 году, и стихотворение „Зачем зовешь…“, относящееся к 1911-1912 годам. О нем Есенин упоминает в одном из писем к Панфилову из Москвы осенью 1912 года: „Перед моим отъездом недели за две, за три, - сообщает он другу, - у нас был праздник престольный. К священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стихотворение „Зачем зовешь т. р. м.“). Она познакомила меня с своей подругой (Марией Бальзамовой). Встреча эта на меня также подействовала, потому что после трех дней она уехала и в последний вечер в саду просила меня быть ее другом. Я согласился. Эта девушка тургеневская Лиза („Дворянское гнездо“)

по своей душе и по своим качествам, за исключением религиозных воззрений. Я простился с ней, знаю, что навсегда, но она не изгладится из моей памяти при встрече с другой такой же женщиной“[125].

Мечтой о любви согреты многие строки ранних стихов Есенина. Чист, непосредствен образ лирического героя этих стихов. Ничто пока не омрачает его взора, „васильками светится“ его сердце. Таинственно влечет и манит его „девичья красота“. Он озорно грозится синеокой (красавице сорвать фату и увести „под склоны вплоть до маковой зари“.



Мещера. Лесное озеро.

Далеко не все эти стихотворения художественно самостоятельны. Есть среди них написанные с явным подражанием кольцовским стихам („Темна ноченька, не спится…“, „Хороша была Танюша, краше не было в селе…“, „Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…“). Есть стихи, навеянные фольклорными мотивами („Подражанье песне“, „Под венком лесной ромашки“), романтически поэтизирующие деревенскую любовь. „Он, помню, - замечает один из современников поэта, - рассказывал… какая бывает любовь в деревне, лирически ее идеализируя. Тут было дело не в личных признаниях… Эта тема была только поводом вспомнить о

рязанских девушках и природе. Ему хотелось украсить этим лиризмом самые родные ему и навсегда любимые предметы, образы, пейзажи в глазах тех, кто не может знать их так, как он“[126].

Одним из первых стихотворений, где явственно обозначился самостоятельный подход молодого поэта к лирической теме, было „Выткался на озере алый свет зари…“. Живописные, словно акварельно нарисованные образы этого стихотворения рождены светлым чувством, рано пробудившимся в отзывчивой душе Есенина:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется - на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари. (1, 60)

В этом стихотворении отчетливо угадывается столь характерное для есенинской лирики „буйство глаз и половодье чувств“. Как замечает Н. Сардановский, сам Есенин „все время был под впечатлением этого стихотворения и читал его мне вслух бесконечное число раз“[127].

Ока у Константинова.

Вскоре после приезда в Москву Есенин набрался смелости и поехал со своими стихами к профессору П. Сакулину. Стихи Есенина, по-видимому, понравились. „Из передаваемых им подробностей этого визита, - пишет Н. Сардановский, - я помню, что стихотворение „Выткался на озере“… Сергей для Сакулина читал два раза“. Позднее в статье „Народный златоцвет“ П. Сакулин указывал, что „в Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками. „В пряже солнечных дней время выткало нить“, скажет он, или „Выткался на озере алый свет зари…“[128].

В клепиковский период уже начинают проявляться некоторые характерные черты поэтического стиля Есенина, сложившегося окончательно значительно позже. Картины родной природы в лучших стихах 1910-1912 годов красочны, многолики, образы конкретны, осязаемы, реалистичны. Опираясь на фольклорные традиции, молодой поэт стремится к овеществлению и олицетворению образов, что станет в дальнейшем очень характерным для его стиля. В ранних стихах Есенина „вьюга с ревом бешеным стучит по ставням“, „ели, словно копья, уперлися в небо“, „месяц в облачном тумане водит с тучами игру“, река „тихо дремлет“, зарница „распоясала… в пенных струях поясок“, туманы „курятся“. Конечно, самобытный талант Есенина в ту пору брал только свой начальный разбег, и не все написанное им

тогда было художественно полноценно. Отнюдь не всегда в произведениях тех лет ощутим самостоятельный творческий почерк. Есть в ранних есенинских стихах и перепевы других поэтов; не свободны они от влияния и душещипательных мещанских романсов („На душе уже чувства остылые“, „волшебные, сладкие грезы“, „кудри черные змейно трепал ветерок“, „что прошло - не вернуть никогда“ и т. п.); есть и образы-штампы, включая „вездесущего“ соловья („в саду распевал соловей“, „замолкла та песнь соловьиная“, „под звуки песни соловья“, „соловей не поет“ и т. п.). Бросается в глаза пристрастие молодого поэта к местным областническим словам и выражениям („корогод“, „роща саламаткой“, „не дознамо печени“ и т. п.). Позднее поэт освободил свои ранние стихи („Подражанье песне“, „Дымом половодье“, „Темна ноченька“ и др.) от излишнего рязанского колорита.

Обращаясь к ранним стихам Есенина, мы видим, что общественный идеал поэта в них только намечается. Социальные, эстетические, нравственные убеждения поэта еще только складываются. При всем том реалистическая тенденция развития поэтического таланта Есенина, демократическая направленность его взглядов в клепиковский период очевидны.

На московской земле

«Лучше всего, что я видел в этом мире, - это все-таки Москва».

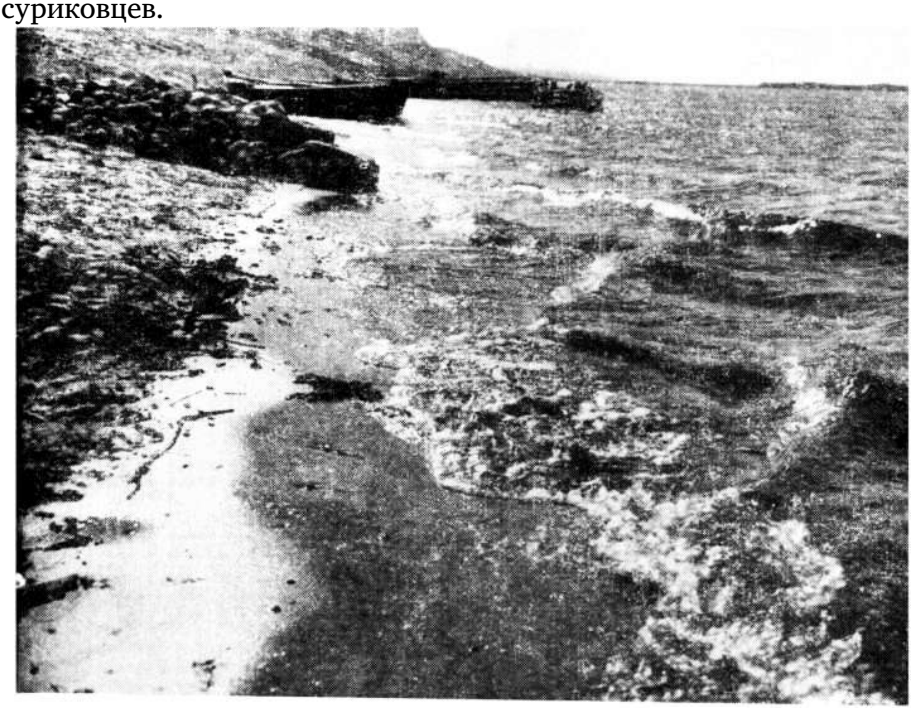
Есенин.

Впервые в Замоскворечье. Конторская служба и разлад с отцом. Откровенный разговор. «Товарищество И. Д. Сытина». Подчитчик корректора. Письмо пятидесяти. Охранка интересуется Есениным. Загадка одного письма. В типографии и университете. Среди «шанявцев». «Путешествие» в прекрасное. О чем плачут «Ярославны». Суриковцы. «Друг народа» печатает «Узоры». «Аристон» или Есенин. Песнь о Коловрате. Новгородское вече. Есенинский «Кузнец» на страницах газеты «Путь правды». Стихотворение «Русь». Поэт и родина.

«Я был в Москве одну неделю, потом уехал. Мне в Москве хотелось и побыть больше, да домашние обстоятельства не позволили, купил себе книг штук 25»[129], - писал Есенин Панфилову 7 июля 1911 года. Это была его первая встреча с миром большого города. Рядом с Замоскворечьем, где он остановился у отца, за Москвой-рекой, величественно раскинулись златоглавые соборы и дворцы Московского Кремля. Вдоль Китай-городской стены от Ильинских ворот причудливо прилепились лотки и палатки знаменитого Никольского книжного рынка. Настоящее книжное море. Оно неудержимо влекло к себе книголюбов со всех концов города. И как, наверно волновался Есенин, впервые попавший сюда! Забыв про все на свете, он рассматривал старинные издания «Слова о полку Игореве», потускневшие от времени сборники русских былин, народных песен и сказок, листал заветные томики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина. Заядлый константиновский книголюб прихватил с собой 25 книг - целую библиотеку. Юному поэту, конечно, не по сердцу пришелся купеческий дух Замоскворечья. Но и здесь было такое, что не могло не вызвать его интереса. Вблизи мясного магазина, где отец Есенина - Александр Никитич - долгие годы работал приказчиком, возвышались огромные корпуса знаменитой в России фабрики книг - типографии Сытина. Рабочие типографии

часто заходили в мясной магазин. Один из них - корректор Воскресенский - заинтересовался приехавшим из деревни сыном приказчика, пишущим стихи, и отправился с Сергеем Есениным к поэту Ивану Белоусову. Последний в своих воспоминаниях рассказывает: «…передо мной стоит скромный, белокурый мальчик, - до того робкий, что боится даже присесть на край стула, - стоит, молча потупившись, мнет в руках картузок. Его привел ко мне (помнится, в 1911 г.) репетитор моих детей - Владимир Евгеньевич Воскресенский, „вечный студент“ Московского ун-та, народник, служивший корректором при типографии Сытина. „Я к вам поэта привел, - сказал Воскресенский и показал несколько стихотворений, - это вот он написал, - Сергей Есенин!..“ Не помню, какие стихи он принес. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов. А молодой поэт стоял, потупившись, опустив глаза в землю»[130].

Волнение Есенина было понятно. Впервые стихи его слушал настоящий поэт, долгие годы связанный с Суриковским литературным кружком писателей из народа, выпустивший еще в конце прошлого века несколько стихотворных сборников суриковцев.



Берег Оки у Константинова.

Есенину в свой первый приезд к отцу «в Москве хотелось…

побыть больше». Он тогда не предполагал, что скоро вновь появится в Москве, и уже сравнительно надолго: станет работать в типографии Сытина, бывать в Суриковском литературном кружке, заниматься в народном университете Шанявского.

Прошел год. Закончив учебу в Спас-Клепиках, Сергей Есенин возвращается в родное село. «Когда он окончил курс и мы с ним расставались, - рассказывает Е. М. Хитров, - я ему советовал поселиться где-нибудь или в Москве или в Питере и там заниматься литературою под чьим-нибудь хорошим руководством. Иначе трудно надеяться, чтобы стать на современный уровень литературных исканий и быть замеченным»[131].

Лето 1912 года Есенин проводит в Константинове: рыбачит, бродит в заливных лугах, бывает на постройке плотины и шлюза на Оке. «У нас делают шлюза, - сообщает он Панфилову, - наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают. …Уже почти сделали половину, потом хотят мимо нас проводить железную дорогу»[132].

Главное, чем живет Есенин, что занимает его, - стихи. В знойный летний день, уединившись в амбаре, что стоит на усадьбе, за домом, он увлеченно работает, создает новые стихи, переделывает «старые», клепиковские, иной раз отказываясь целиком от ранее написанного. Есенин собирается послать стихи в Москву. «Дай мне, пожалуйста, - просит он своего клепиковского друга, - адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи. Я уже их списал. Некоторые уничтожил, некоторые переправил»[133].

Но адрес не понадобился…

В конце июля 1912 года Есенин снова едет в Москву. Родные хотели, чтобы он продолжил учительское образование. «Надежды их, - замечает Есенин в одной из автобиографий, - простирались до института, к счастью моему, в который я не попал»[134]. Дело не только в том, что за время учебы в Клепиках юному поэту, по собственному признанию, методика и дидактика настолько осточертели, что он и слушать не хотел о педагогической профессии.

Суть в другом: с ранних лет для Есенина жизнь была неотделима от стихов. С поездкой в Москву у Есенина были связаны совершенно иные надежды, чем у его родных. Он мечтал о поэтическом признании. Ему хотелось напечататься в каком-нибудь журнале или газете, встретиться с московскими поэтами, почитать им стихи. Но все это произошло далеко не сразу. Поначалу Есенину пришлось заниматься совсем иным делом. «Отец, - рассказывает сестра поэта, Александра Александровна

Есенина, - вызвал его к себе в Москву и устроил работать в контору к своему хозяину, с тем чтобы осенью Сергей поступил в учительский институт»[135]. Живет Есенин в это время вместе с отцом на втором этаже небольшого деревянного дома в Большом Строченовском переулке. Мясной магазин Крылова помещался рядом, на соседней улице Щипок.

Отец Есенина провел в Москве большую часть своей многотрудной жизни. «Более тридцати лет, - вспоминает А. А. Есенина, - с тринадцатилетнего возраста до самой революции, отец проработал мясником у купца… Тяжелая жизнь наложила на глаза отца глубокий отпечаток, и в них иногда было столько грусти и тоски, что хотелось приласкать его и сделать для него все самое приятное. Но он не был ласков, редко уделял нам внимание, разговаривал с нами, как со взрослыми, и не допускал никаких непослушаний. Но зато, когда у отца было хорошее настроение и он улыбался, то глаза его становились какими-то теплыми, и в их уголках собирались лучеобразные морщинки. Улыбка отца была заражающей.

Посмотришь на него - и невольно становится весело и тебе. Такие же глаза были у Сергея»[136].

По своему характеру Александр Никитич Есенин был человек очень выдержанный, скромный и справедливый. Односельчане относились к нему всегда с большим уважением. Наделен он был острой наблюдательностью, неплохо рисовал. В семье Есениных сохранился рисунок их старого дома в Константинове, сделанный Александром Никитичем. Отец Есенина был интересным собеседником. Он «…очень хорошо и красочно умел рассказывать какие-нибудь истории или смешные случаи из жизни, - вспоминает А. А. Есенина, - и при этом сам смеялся только глазами, в то время как слушающие покатывались со смеха. Иногда отец пел… У отца был слабый, но очень приятный тенор. Больше всего, - замечает Александра Александровна, - я любила слушать, когда он пел песню „Паша, ангел непорочный, не ропщи на жребий свой…“ Слова этой песни, мотив, отцовское исполнение - все мне нравилось. Эту песню пела и мать, и мы с сестрой, но у отца получалось лучше. Мы с Катей (старшая из сестер поэта Екатерина Александровна. - Ю. П.) любили эту песню, а Сергей использовал ее слова в „Поэме о 36“. В песне поется:

Может статься и случиться,
Что достану я киркой,
Дочь носить будет сережки,
На ручке перстень золотой…

У Сергея эти слова вылились в следующие строки:

Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой»[137].

Есенин с большим уважением относился к отцу. Это единодушно отмечают родные и близкие поэта. «Он любил отца, - подчеркивает сестра, - и не раз с глубоким сочувствием говорила мне о трудной отцовской жизни»[138]. С годами Есенин все больше чувствовал, как нелегко складывалась жизнь его отца, сколько унижений, горя, невзгод выпало на его долю. «Даже в периоды полного разлада Есенина с отцом мне приходилось слышать о нем от Сергея восторженные отзывы. По его словам выходило, что папаша его и красавцем был в молодости, и очень умен, и необычайно интересен как собеседник»[139], - вспоминает часто встречавшийся с Есениным в Москве в 1912-1914 годах Николай Сардановский.

«Разлады» юного поэта с отцом, о которых упоминает Н. Сардановский, были вызваны, прежде всего, тем, что Александр Никитич, зная по своему горькому жизненному опыту, как трудно выбиться в люди без образования, сетовал на сына, что тот весьма сдержанно относился к родительской затее - сделать из него учителя. Расстраивало Александра Никитича и то обстоятельство, что сын, явно тяготясь службой в конторе, увлечен был только одним - стихами. Он был искренне убежден, что стихи для крестьянского парня вещь несерьезная, «пустое дело», как говаривал дед Есенина.

Сергей Есенин. 1914 г.

«Отец, - рассказывает А. А. Есенина, - не верил, что можно прожить на деньги, заработанные стихами. Ему казалось, что ничего путного из этого не выйдет»[140]. Все это очень огорчало и угнетало Сергея Есенина.

Получив впервые в начале 1914 г. деньги за стихи, напечатанные в журнале, Есенин принес их отцу. «Свой первый гонорар, кажется, около трех рублей, - пишет по этому поводу Николай Сардановский, - Сергей целиком отдал отцу, о чем у нас с ним был специальный обмен мнений. Насколько я Сергея понял, на эти деньги он смотрел не как на обычный заработок, а как на нечто высшее, достойное лучшего применения. Отдать эти деньги отцу, по его словам, надо было для того, чтобы оттенить священность этих денег для поэта, кроме того, отдавая первый гонорар отцу, Сергей хотел расположить отца в сторону своих литературных занятий» [141]. Удалось это сделать Есенину, правда, позднее. А пока все складывалось не очень хорошо: отец был против стихов, на службе в конторе радости тоже было мало. К этому добавлялось едва ли не самое большое огорчение. В редакциях журналов и газет к стихам неизвестного крестьянского паренька относились довольно сдержанно, явно не торопясь с их публикацией. «Настроение было у него угнетенное, - вспоминает близко знавшая Есенина в те годы А. Р. Изряднова, - он поэт, и никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать»[142].

Есенин чувствует себя одиноким. Что делать? Как жить дальше? Где тот путь, идя по которому можно начать иную жизнь? Единственный человек, с кем Есенин ведет откровенный разговор, кому поверяет свои думы - спас-клепиковский друг, Григорий Панфилов. «Я вижу, тебе живется не лучше моего, - пишет он из Москвы осенью 1912 года. - Ты тоже страдаешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то слишком однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что все старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком пошло. Ну, ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. „Живу ли я, или жил ли я?“ - такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить - спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно»[143].

Письмо другу поэт заканчивает стихотворением, сообщая ему: «Я недавно написал „Капли“.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,

И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.
Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы, чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.
Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете»[144].

Стихотворение «Капли» далеко еще не совершенно. Это скорей эскиз, поэтический набросок. Есенин договаривает в нем то, о чем до этого он вел речь в письме. Чувствуется озабоченность поэта неустроенной судьбой «несчастных, жизнью убитых людей». По настроению «Капли» созвучны стихотворению «Моя жизнь», написанному Есениным в 1911-1912 годах в Спас-Клепиках:

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду - только слышатся вздохи да слезы… (1, 74)

Те же мысли и настроения звучат и в «Каплях». На какое-то мгновение мир кажется поэту прекрасным, хочется верить, что просвет, надежда близки, но чем пристальнее вглядывается он в жизнь, тем несбыточнее эти мечты, золотая осень видится теперь поэту черной; действительность беспросветна, сурова, неумолима.

«Ох, Гриша! - с грустью замечает он в другом письме к Панфилову. - Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды.

…Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны.

…Да, Гриша, тяжело на белом свете. Хотел я с тобой поговорить о себе, а зашел к другим. Свет истины заманил меня к своему Очагу. Там лучше, там дышится вольней и свободней, там не чувствуется того мучения и угрызений совести, которые окружают всех во мраке злобы и разврата. Хоть поговоришь-то о ней (об истине), и то облегчишь свою душу, а сделаешь если что, то счастлив безмерно. И нет пределам земной радости, которая, к сожалению, разрушается пошлостью безвременья»[145].

Судя по переписке с Панфиловым, у Есенина все больше осложняются отношения с отцом. На короткое время он наведывается в родное село, оттуда в Рязань, а затем опять в Москву. «Гриша, сейчас я нахожусь дома, - сообщает он из Константинова Панфилову. - Каким образом я попал, объяснить в этом письме не представляется возможности… Сейчас я совершенно разлаженный. Кругом все больно… Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!.. Никак не вывернешься. Не знаю, что и писать, *и* голова тяжела, как свинец… Удрученное состояние. Скоро поеду в Рязань»[146]. И еще одно письмо другу, теперь уже из Москвы: «Черт знает, что такое. В конторе жизнь становится невыносимой. Что делать?

Пишу письмо, а руки дрожат от волненья. Еще никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

Грустно… Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Доля, зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастия жить» [147].

В стихотворении «Грустно… Душевные муки…» ясно слышны отзвуки стихотворения Надсона «Умерла моя муза…». Достаточно только вспомнить некоторые строфы:

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни…
А теперь - я один… Неприютно, темно.
Опустевший мой угол в глаза мне глядит;
Словно черная птица, пугливо в окно
Непогодная полночь крылами стучит… [148]

Стихотворение это как-то особенно взволновало Есенина. «И опять, - замечает он в письме к Панфилову, - тяжело тогда, и приходится говорить:

Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!»[149]

В другом письме: «Почему-то невольно ползут в голову мрачные строчки»[150], и далее приводит эти же строки.

Со стихами Надсона Есенин впервые познакомился еще будучи в Спас-Клепиках. Томик поэта ему дал тогда учитель Е. М. Хитров. Потом, в Москве, он раздобыл себе такой же томик. «Я купил Надсона… - писал он Панфилову, - как у Хитрова…»[151] Трагическая судьба поэта, погибшего от чахотки, его грустные стихи - все это принималось Есениным близко к сердцу. Ведь и он многое пережил в юные годы. В отдельных ранних стихах Есенина - «Что прошло - не вернуть», «Поэт» («Он бледен. Мыслит страшный путь…»), «Капли» и др. - видны следы подражания Надсону. Но было бы неверно даже в этих стихах все сводить к литературным влияниям. Главное в них - действительность, раздумья Есенина о жизни. Сомнения тревожат его ум и сердце: «Жизнь… Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно. Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова:

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна мира.

Да, однако, если это тайна, то пусть ей и останется. Но мы все-таки должны знать, зачем живем. Ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: „А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая“. Да, я тоже думаю, но зачем она жизнь? Зачем жить? - взволнованно спрашивает Есенин друга. - На все ее мелочные сны и стремления положен венок заблуждения, сплетенный из шиповника. Ужели так и невозможно разгадать?

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые
И где следы творенья рук.
Ужели все дела святые,
Ужели всемогущий звук,
Живого слова сотворил.

Из „Смерти“, начатой мною»[152], - замечает Есенин, приводя в письме эти строки. Был ли завершен этот замысел? Есенин нигде больше не упоминает об этом стихотворении. Нет его и в литературном наследстве поэта, о чем приходится искренне

сожалеть. И все же сохранившиеся строчки важны сами по себе. Это не подражание кому-то. Здесь все свое. Есенин далек от модного в ту пору прославления смерти. Нет у него и страха перед смертью. Разгадать тайну мироздания, тайну бытия, понять назначение и цель жизни - вот к чему стремится молодой поэт. Он жаждет «нового, лучшего, чистого».

Каким образом изменить жизнь, проснуться самому, разбудить других? Он мучительно ищет ответы на эти вопросы. И пока не находит.

Так когда-то от грубой и грязной действительности страдал Алексей Кольцов. Девяти лет оставил он школу, чтобы помогать отцу торговать скотом. В стихотворении «Ответ на вопрос о моей жизни» юный воронежский поэт писал:

Со всех сторон печаль порою
Нависнет тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа в то время холодна[153].

Позднее он с горечью и грустью говорил: «Тесен мой круг, грязен мой мир: горько мне жить; и я не знаю, как я еще не потерялся в нем давно»[154].

Долгие часы по настоянию отца проводил в лавке за подсчетами копеечных доходов и маленький Чехов. «В детстве у меня не было детства», - с грустью писал он позднее. Максим Горький говорил о Чехове, что «Россия долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пронизанным глубоким сознанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который понимал все». Не такой ли «грустной улыбкой любящего сердца» освещена поэзия Есенина, полная «неисчерпаемой „печали полей“, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое - более всего иного - заслужено человеком» [155].

По своему проникновенному лиризму, правде чувств, душевной красоте поэзия Есенина очень близка поэтической прозе Чехова, наполненной сердечной теплотой, гуманностью, мягким юмором. И не порождена ли (хотя бы отчасти) эта близость, равно как и стремление того и другого сделать жизнь чище, радостней, благородней, тем, что довелось им пережить, перечувствовать и испытать в годы юности? Вспомним, как «свинцовые мерзости жизни», с которыми на каждом шагу сталкивался в свое время молодой Горький, побуждали его все чаще задумываться над тем: почему так плохо и неустроенно

живут люди, кто в этом виноват, а затем настойчиво искать чистое и красивое в жизни. «Я шел босым сердцем по мелкой злобе и гадостям жизни, как по острым гвоздям, по толченому стеклу. Иногда казалось, что я живу второй раз - когда-то, раньше, жил, все знаю, и ждать мне - нечего, ничего нового не увижу, - писал Максим Горький о пережитом им в ранние годы. - А все-таки хотелось жить, видеть чистое, красивое: оно существует, как говорили книги лучших писателей, оно существует, и я должен найти его!» [156]

* * *

Письма Есенина к Панфилову многое приоткрывают в душе поэта. Молодой Есенин был настроен далеко не так идиллически, как это казалось еще недавно иным критикам. Юный поэт не хочет мириться с «пошлостью безвременья» и равнодушно взирать на жизнь купеческого Замоскворечья; все более обременительным становится для него пребывание в мясной лавке. Есенин бросает конторские занятия. «Теперь решено. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. После пасхи, как и сказал мне дядя, еду в Петербург[157], - сообщает Есенин другу. - Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу»[158]. Временно Есенин устраивается в книжный магазин на Страстной площади. Пробыл он там недолго[159]. Отпадает и поездка в Петербург.

Есенин поступает в типографию «Товарищества И. Д. Сытина», где поначалу работает в экспедиции, а затем в корректорском отделении.

Более полутора тысяч рабочих трудилось в то время в цехах и отделах сытинской типографии. Каждая новая четвертая книга, выходившая в те годы в России, печаталась здесь[160]. И. Д. Сытин был одним из тех просветителей-самородков, которые помогали России стать грамотной. Четырнадцатилетним подростком пришел он из костромских лесов в Москву, без гроша в кармане. Сын «писарьчука» стал «учеником для всех надобностей» в книжной лавочке Шарапова на Никольском рынке, где чистил хозяйские сапоги, носил воду из бассейна, бегал на рынок, отворял дверь покупателям. У этой двери, вспоминал Сытин позднее, я простоял бессменно четыре года.

«Призванный, „отворять дверь“ в книжную лавку, Сытин впоследствии… во всю ширь распахнул двери к книге - так распахнул, - замечает писатель Н. Телешов, - что через отворенную им дверь он вскоре засыпал печатными листами

города и деревни, и самые глухие „медвежьи углы“ России»[161]. К дешевой сытинской книжке тянулась вся грамотная и трудовая Россия. «Это настоящее народное дело… единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею» [162], - говорил Чехов. «Вам есть чем гордиться»[163], - писал в 1916 году Максим Горький Сытину. Любовь к книге, желание сделать ее подлинно народной брали у Сытина верх над интересами предпринимателя. В февральские дни 1917 года И. Д. Сытин мечтал: «На этом деле, которое строилось в течение 48 лет, мы оснуем настоящий фундамент нашей общественности, чисто идейное издательство, которое будет общественным учреждением, которое действительно дало бы настоящую пищу для народа. Я бы умер счастливым, если бы осуществилось это великое, не сытинское, а общественное, дело, которое ждет всех нас» [164].

Сытин умел ценить труд тех, кто делал книгу своими руками. «Если бы иностранец, - писал он, - спросил меня, что я думаю о русском рабочем и каково мое общее впечатление после 60-летнего знакомства с рабочей средой, я бы сказал: - Это великолепный, может быть, лучший в Европе рабочий! Уровень талантливости, находчивости и догадки чрезвычайно высок. …это замечательные умельцы. …Во главе моей фабрики, которая как-никак была самой большой в России и насчитывала сотни машин, стоял сын дворника, человек без образования и без всякой технической подготовки, В. П. Фролов. Как он вел дело? Выше всякой похвалы»[165].

Сергей Есенин (первый слева в четвертом ряду) в

корректорской типографии «Товарищество И. Д. Сытина».

Такова была типография и ее «хозяин», где более года проработал Есенин. Легко представить, с каким волнением впервые он переступил порог сытинского «Товарищества». Волнение это понятно и объяснимо. В отличие от Спас-Клепиковской школы, от конторы купца Крылова в типографии все было ново и необычно. Давно ли деревенский паренек, идя на всяческие ухищрения, стремился раздобыть какую-нибудь новую книгу; давно ли на уроках словесности юный стихотворец переживал неподдельную радость от чудесной встречи с героями Пушкина; давно ли в панфиловском кружке друзья читали роман «Воскресение», обсуждали толстовский трактат «В чем моя вера?», спорили о Горьком, его ранних рассказах. Мог ли тогда предполагать и думать Есенин, что пройдет совсем немного времени и он попадет в типографию, где бывали Толстой, Чехов; станет в какой-то мере причастным к изданию книг известных русских писателей; в 1914 году вместе с типографскими рабочими будет встречать Горького, которого сытинцы принимали как самого дорогого и желанного гостя [166].

Поначалу, очутившись в типографии в необычной для него обстановке, Есенин испытывает некоторую робость, скованность. «Пришел он кроткий, застенчивый, стесняющийся всех и всего», - рассказывает А. Р. Изряднова, работавшая в корректорском отделении с 1909 года. Она же замечает, что Есенин «по внешнему виду на деревенского парня похож не был… На нем был надет коричневый костюм, высокий крахмальный воротничок и ярко-зеленый галстук и… копна золотистых кудрей. Окружающие окрестили его по первому впечатлению „Вербочный херувим“. Но это было только первое впечатление. Кротость скоро прошла. Он был по-мальчишески озорник. У него было много написано стихов, которые он читал сослуживцам»[167]. В корректорском отделении к новичку, пишущему стихи, отнеслись по-разному. А. М. Демидов, замещавший заведующего корректорской, очень покровительствовал Есенину, интересовался его стихами [168].

Однако иные не прочь были поиронизировать над молодым поэтом, которого пока еще никто не печатал. Другие стремились приободрить Есенина. Среди них С. П. Кордия, посещавший Народный университет Шанявского, М. М. Мешкова, брат которой поэт Николай Мешков уже тогда печатался в журналах.

«В корректорской я работала вместе с Есениным, - рассказывает М. М. Мешкова. - Он был у меня подчитчиком. Я знала, что он пишет стихи. Есенин читал их мне и сестрам

Изрядновым, с которыми я дружила. Однажды я предложила Есенину показать стихи моему брату, у которого незадолго перед этим вышла книга стихов. Есенин охотно согласился. Прочитав стихи Есенина, брат сказал, что автор недостаточно владеет литературной техникой, но талант у него есть. Это бесспорно. Я передала Есенину все, что услышала от брата. Он был очень обрадован. Лицо его просветлело. Тогда ему был важен любой сочувственный отзыв о его стихах»[169]. Вскоре после поступления в типографию Есенин поближе познакомился с корректором Анной Романовной Изрядновой и ее сестрой Надеждой Романовной, тоже корректором. Молодой поэт стал бывать в их доме, где встречал живое участие и поддержку в своих литературных делах. «В эти годы, - рассказывает Надежда Романовна, - мы жили на Смоленском бульваре. Семья наша коренная московская. Отец работал в рисовальном отделении типографии Сытина рисовальщиком, учился в Строгановском художественном училище, потом стал преподавать рисование. Старшая сестра Серафима служила секретарем у редактора сытинских изданий Тулупова Н. В., много читала, увлекалась поэзией. Вместе с Анной они бегали на лекции, рабочие собрания, митинги. Есенин приходил к нам часто. Читал свои стихи. Спорил с моим мужем и сестрами о Блоке, Бальмонте и других современных поэтах»[170]. Близким и хорошим знакомым Изрядновых был молодой талантливый литератор В. А. Попов, редактировавший сытинские детские журналы. Он и помог Есенину напечатать первые его стихи. «У Сергея, - рассказывает А. Р. Изряднова, - крепко сидело в голове - он большой поэт. Поэт-то поэт, а печатать нигде не печатают, тогда пришлось обратиться к редактору печатающихся у Сытина журналов „Вокруг света“ и „Мирок“, Влад. Алек. Попову. Первые его стихи напечатаны в журнале „Мирок“ за 1913-1914 гг.»[171] А. Р. Изряднова вспоминает, как по вечерам и в воскресные дни вместе с Есениным они ходили в народный университет Шанявского [172].

Работа в типографии позволяла Есенину в какой-то мере удовлетворять свой интерес к литературе. Здесь печатались в качестве приложения к газете «Русское слово» и другим периодическим изданиям Сытина книги писателей-классиков. «Очень хорошо помню, - рассказывает Н. Р. Изряднова, - как мы сверяли по подлиннику произведения Льва Толстого[173]. Есенин имел возможность знакомиться и с творчеством современных писателей, книги которых издавались Сытиным».

Порой Есенин читал гранки заинтересовавшей его книги, забывая о прямых корректорских обязанностях. «Есенин работал со мной на первой корректуре, - рассказывает М. М. Мешкова. -

Откровенно говоря, я им порой была не очень-то довольна. Как сейчас помню, шло у нас собрание сочинений Сенкевича. Я считывала с Есениным один из томов. Он буквально не давал мне править корректуру, торопил: скорей, скорей! Все хотел узнать, что же будет дальше с героями. Дочитав гранки, Есенин, не дожидаясь, пока из наборного отделения поступят новые, направлялся туда сам. И так повторялось не один раз»[174]. В типографии перед Есениным проходил весь процесс рождения книги, здесь он видел, как взыскателен большой художник к слову, как он тщательно шлифует книгу в гранках, добиваясь выразительности, красочности, пластичности повествования. «Проявляя громаднейшую настойчивость в своем стремлении научиться писать, - замечает Н. Сардановский, - Есенин боготворил поэзию и лучших художников слова… Вскоре эрудиция его в области поэзии была незаурядной… Заметно было, что и тогда он „прицеливался“ к технике искусства. Помню, он как-то делился со мной своими впечатлениями о внешности писательских рукописей Бальмонта и других поэтов»[175].

После купеческого Замоскворечья в типографии Есенину открылся иной мир: живой, ищущий, беспокойный. «Фабрика с ее гигантским размахом и бурливой, живой жизнью произвела на Есенина громадное впечатление. Он был весь захвачен работой на ней»[176], - вспоминает писатель Г. Деев-Хомяковский. Здесь Есенина окружала молодая рабочая поросль. Настроены многие печатники были демократически. Кое-кто из них, как и Есенин, увлекался литературой, посещал университет Шанявского, вечерние общеобразовательные курсы для рабочих[177]. Прошло немного времени, и у Есенина появляются товарищи и друзья среди молодых наборщиков, переплетчиков. «Он как-то незаметно для нас, очень скоро сумел установить довольно близкие отношения с рабочими переплетного, наборного цехов, - рассказывает Н. Р. Изряднова. - Они при встрече дружески называли его „Сережа“»[178].

Есенин работал в типографии Сытина как раз в то время, когда после Ленских событий 1912 года над страной занималась новая революционная заря. На фабриках и заводах все чаще вспыхивали забастовки, рабочие готовились к новым схваткам с царизмом. В стачечном и забастовочном движении в эти годы активно участвовали сытинцы, имевшие славный боевой опыт борьбы с самодержавием.

В революционные дни 1905 года выступление рабочих типографии Сытина послужило сигналом к забастовке всех московских печатников. Во время декабрьского вооруженного восстания дружинники-сытинцы с оружием в руках сражались на

баррикадах, возведенных на Пятницкой улице. Первый и третий номера газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов» (единственной, которая выходила в дни восстания) были напечатаны рабочими-сытинцами. Стремясь сломить революционный дух сытинцев, царские войска, по приказу адмирала-карателя Дубасова, подожгли типографию. «Поздно ночью три пожарные части привезли на фабрику несколько бочек керосина и, под охраной целого полка солдат, облили легко загоравшиеся материалы, которые были в производстве (книги, картины, бумага). А затем с факелами в руках пожарные ходили с места на место и поджигали. Когда же служащие и рабочие фабрики кидались тушить огонь, то их отгоняли прикладами…» [179] Все, что довелось узнать, услышать Есенину в типографии о событиях 1905 года, взволновало его, заставило задуматься, иной предстала перед молодым поэтом окружающая его действительность. «Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я не видел его за стеной типографии, - с грустью пишет Есенин в октябре 1913 года Панфилову. - Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только видим серые здания да пеструю мостовую, которая вся обрызгана кровью жертв 1905 года»[180]. «Да, Гриша, - все-таки они отодвинули свободу лет на 20 назад»[181], - добавляет он в другом письме, имея в виду жестокую расправу царизма с героями революции пятого года. Среди сытинцев были такие, которые знали, что надо делать для изменения существующих условий, каким путем бороться с пошлостью безвременья. Еще недавно Есенин чувствовал себя одиноким, и эму, по собственному признанию, было не с кем разделить наплывшие чувства души. Теперь картина меняется. «Здесь хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего»[182], - пишет он другу, призывая его вырваться на волю. Есенин посещает нелегальные рабочие собрания и массовки; выполняет отдельные поручения: распространяет среди рабочих журналы, листовки. «Сережа был очень ценен в своей работе на этой фабрике (т. е. типографии. - Ю. П.)… как умелый и ловкий парень, способствовавший распространению нелегальной литературы»[183], - вспоминает один из современников поэта. С рабочими, настроенными демократически, Есенин сближается вскоре после того, как поступает в типографию. В конце апреля 1913 года он сообщает в письме Панфилову: «Недавно я устраивал агитацию среди рабочих письмами. Я распространял среди них ежемесячный журнал „Огни“ с демократическим направлением. Очень хорошая вещь. …Ты должен обязательно подписаться» [184].

Журнал «Огни» в ноябре 1912 года стала выпускать группа

демократических писателей во главе с Н. Ляшко. Сотрудничали в нем С. Дрожжин, И. Белоусов, А. Ширяевец, С. Сбрадович и другие. «…Дать широкому слою читателей доступный по форме и разнообразию материал для всестороннего духовного развития»[185] - такую цель ставил журнал «Огни». В вопросе о роли писателя в жизни общества журнал занимал позицию, близкую горьковской[186]. Проявляя интерес к журналу «Огни», помогая его распространению, Есенин надеялся в дальнейшем помещать там свои стихи, однако весной 1913 года журнал был закрыт. «В 1912 году, - рассказывает С. Обрадович, - я стал сотрудником журнала „Огни“. Журнал на шестом номере был закрыт. Фактический редактор журнала Н. Н. Ляшко отправился на два года в „сидку“»[187].

О сближении Есенина в этот период с революционной молодежью рассказывает А. Р. Изряднова. В своих воспоминаниях она пишет, что Есенин «состоял в революционном кружке. Помню, приходил домой с целой охапкой прокламаций, возбужденный, взволнованный, - надо прокламации разослать по адресам»[188]. В письмах к Панфилову Есенин рассказывает (насколько это позволяли цензурные условия) о трудностях, которые выпадали на долю тех, кто вступал на путь борьбы за свободу, об участии рабочих типографии в забастовках и демонстрациях, об арестах и обысках и о том, в какой мере все это касается его лично. «…Твоя неосторожность, - сообщает он другу, - чуть было [не] упрятала меня в казенную палату. Ведь я же писал тебе: перемени конверты и почерка. За мной следят, и еще совсем недавно был обыск у меня на квартире. Объяснять в письме все не стану, ибо от сих пашей и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головки. Приходится молчать. Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта. Еще раз прошу тебя, резких тонов при письме избегай, а то это кончится все печально и для меня, и для тебя.

Причину всего объясню после, а когда, сам не знаю. Во всяком случае, когда угомонится эта разразившаяся гроза» [189].

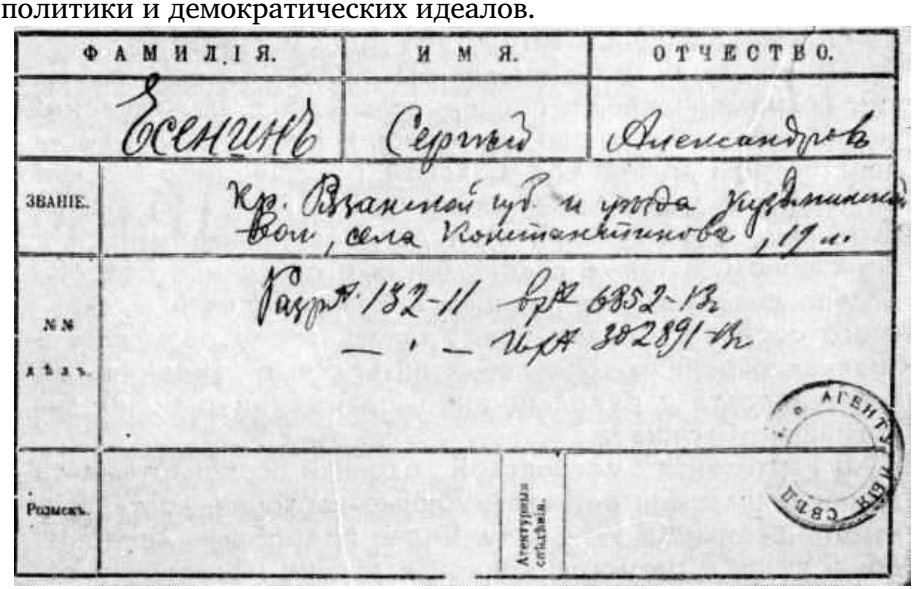
О связи Есенина в 1913-1914 годах с революционными рабочими, помимо писем к Панфилову и воспоминаний современников, в последнее время стало известно еще из одного важного источника. В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в Москве обнаружено дело, заведенное на Есенина московским охранным отделением[190]. Нам довелось ознакомиться с этим делом, а также с документами о Есенине особого отдела департамента полиции в Петрограде и московского охранного отделения. Удалось также разыскать о архивах охранного отделения интересные сведения об участии

поэта в революционном движении рабочих типографии Сытина [191].

В картотеках московской охранки и департамента полиции имеются регистрационные карточки, составленные на Есенина в 1913 году. Более подробные сведения приводятся в регистрационной карточке московской охранки. В московской охранке сохранились донесения сыщиков, которые в ноябре 1913 года вели за ним слежку.

Там же имеется запрос охранного отделения о Есенине, где отмечено его прежнее и новое местожительство, время прибытия в Москву, место рождения, звание, возраст, вероисповедание, по какому документу он прописан, род его занятий. В охранке Есенин имел кличку «Набор».

Когда, листая пухлые тома дел охранки, докапываешься до есенинских материалов, держишь в руках эти потускневшие и пожелтевшие от полувековой давности документы, читаешь их, еще раз убеждаешься, как ошибались все те, кто считал Есенина в молодые годы лишь идиллически настроенным, влюбленным в патриархальную старину юношей, далеким от какой-либо политики и демократических идеалов.



ФАМИЛІЯ.	ИМЯ.	ОТЧЕСТВО.
Есенинъ	Сергѣй	Александровъ

ЗВАНІЕ. Кр. Рязанской губ. и уѣзда Кузьминской вол., села Константинова, 17 л.

№№ дѣлъ. Разр. № 132-11 Вр. № 6852-13 г. — " — Ч.К. № 382891-13 г.

Розыскъ. Агентурныя свѣдѣнія.

АГЕНТУРА СВѢДѢНІЯ

Регистрационная карточка, заведенная в московской охранка на С. А. Есенина.

Так, к примеру, журналист Л. Повицкий, много раз встречавшийся с Есениным, пишет в своих воспоминаниях: «Дух Замоскворечья начала девятисотых годов… Помесь мещанства и

мелкокупечества… Идеал молодого купчика - уличный герой, хулиган, ловкий вор и мошенник. Там он расстался со своей детской наивной верой в бога и святых:

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе…

Но больше ничему его не научило Замоскворечье. Освежающая буря 1905 г. пронеслась мимо него. И отроческие его годы совпали с годами мрачной реакции. Эти черные годы, да еще пропитанные специфическим замоскворецким духом, формировали его душевный строй, его юношеское сознание. Какие могли быть у него идеалы, кроме идеалов улицы:

Если не был бы я поэтом,
То, наверное, был мошенник и вор»[192].

В действительности оказывается, что в свои 18-19 лет Есенин был настолько связан с политикой, общественной жизнью, что московская охранка проявляла к нему явно повышенный интерес.

На титульном листе дневника наружного наблюдения, заведенного охранкой на Есенина, вверху крупно написано: «1913 год», ниже: «Кл. наблюдения - „Набор“, под этим: „Установка: Есенин Сергей Александрович, 19 л.“. Судя по донесениям полицейских шпиков, слежка за Есениным была установлена одно время довольно тщательная.

„Набор“ проживает в доме N 24 по Б. Строченовскому пер., - сообщали в своем донесении сыщики за 2 ноября 1913 года. - В 7 час. 20 мин. утр. вышел из дому, отправился на работу в типографию Сытина с Валовой ул.

В 12 час. 30 мин. дня вышел с работы, пошел домой на обед, пробыл 1 час. 10 мин., вышел, вернулся на работу.

В 6 час. 10 мин. вечера вышел с работы типографии Сытина, вернулся домой. В 7 час. вечера вышел из дому, пошел в колониальную и мясную лавку Крылова в своем доме, пробыл 10 мин., вышел, вернулся домой.

В 9 час. 10 мин. веч. вышел из дому, пошел вторично в упомянутую лавку, где торгует отец, пробыл 20 мин., то есть до 9 час. 30 мин. веч., и вместе с отцом вернулся домой»[193].

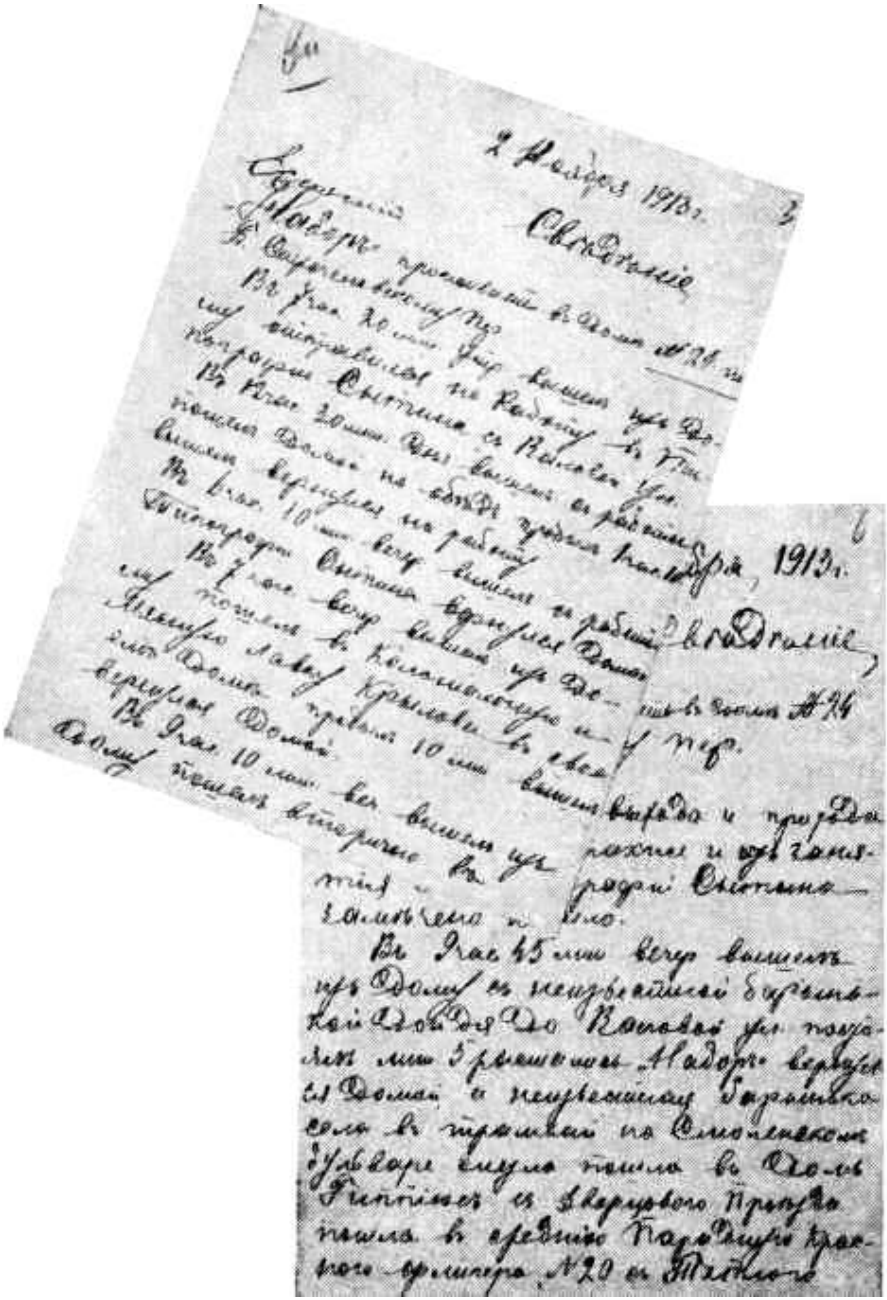
Читая эти подробнейшие записи полицейских филеров, видишь, что поначалу они не выпускали Есенина из поля зрения ни на минуту. Когда он вышел из дому, когда вернулся, когда появился в типографии, когда кончил работу, с кем и где встречался, когда, куда, на чем ездил, что брал с собой-все замечали шпики и обо всем сообщали в полицию. В донесении за 3 ноября говорится:

> «В 3 час. 20 мин. дня вышел из дому „Набор“, имея при себе сверток верш. 7 длины квадр. 4 верш., по-видимому, посылка, завернутый в холстину и перевязанный бечевой. На Серпуховской ул. сел в трамвай, на Серпуховской площ. пересел, доехав до Красносельской ул., слез, пошел в дом N 13 по Краснопрудному переулку во двор во вторые ворота от фонаря домового N 13, где пробыл 1 час 30 мин., вышел без упомянутого свертка на Красносельской ул., сел в трамвай на Серпуховской площ., слез и вернулся домой, более выхода до 10 час. веч. замечено не было»[194].
>
> Шпики интересовались не только самим Есениным, но и теми людьми, с которыми он встречался. Полиция сразу же брала этих людей «на заметку». В один из дней в доме у Есенина побывала А. Р. Изряднова. Вечером она отправилась к себе домой. Филер следовал за ней до квартиры; в донесении от 5 ноября 1913 г. он записал: «В 9 час. 45 мин. вечера вышел из дому с неизвестной барынькой, дойдя до Валовой ул., постоял минут 5, расстались.
>
> „Набор“ вернулся домой, а неизвестная барынька села в трамвай, на Смоленском бульваре слезла, прошла в дом Гиппиус, с дворцового подъезда, пошла в среднюю парадную красного флигеля N 20, с Теплого пер., во дворе флигеля, правая сторона, квар., парад., внизу налево, где и оставлена; кличка будет ей „Доска“»[195].

№ 575
367а
1913 годъ.
Кл. наблюденія „Наборъ"
Установка: Есенинъ Сергей Алек.
Примѣты:
Одѣтъ:

Первая страница журнала наружного наблюдения охранки за С. А. Есениным.

Есенин знал о повышенном интересе к нему со стороны полиции. За ним не только была установлена слежка. Осенью 1913 года у него на квартире был произведен обыск. В письме к Панфилову, относящемуся к этому времени, Есенин конкретно говорит о том, в какой мере он был связан с нелегальной революционной работой: «Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно. Вот и все»[196].



Донесение шпиков, ведших слежку за Есениным.

Полиция отнюдь не случайно заинтересовалась Есениным. Дело в том, что в марте 1913 года в руки московского охранного отделения попал важный документ, заставивший охранку обратить внимание на молодого рабочего типографии. Документ

этот - письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района», резко осуждающих раскольническую деятельность ликвидаторов и антиленинскую позицию газеты «Луч». Авторы письма горячо поддерживают решение рабочих депутатов-бсльшевиков, членов Государственной думы А. Бадаева, Г. Петровского, Ф. Самойлова, Н. Шагова, выступивших в газете «Правда» 1 февраля 1913 года с заявлением, в котором указывали, что они не считают возможным покрывать своим именем проповедуемые «Лучом» ликвидаторские взгляды и просят редакцию исключить их из состава сотрудников[197]. В письме рабочих Замоскворецкого района также резко осуждалось стремление депутатов-меньшевиков, входивших поначалу вместе с шестью большевиками в общую социал-демократическую думскую фракцию, использовать формальное большинство в один голос для протаскивания ликвидаторских взглядов. «Мы возмущаемся, - говорится в письме, - тем насилием, производимым семи против шести…» [198]

Пятьдесят подписей стоит под письмом рабочих Замоскворечья. Среди них - подпись Сергея Есенина[199].

Письмо было направлено одному из членов «шестерки» Р. В. Малиновскому, избранному в Думу рабочими Московской губернии. В это время многие рабочие обращались к депутатам, входившим в «шестерку», или непосредственно в «Правду», одобряли их выступления против ликвидаторов. «Каждый русский социал-демократ должен сделать теперь выбор между марксистами и ликвидаторами»[200], - писал В. И. Ленин.

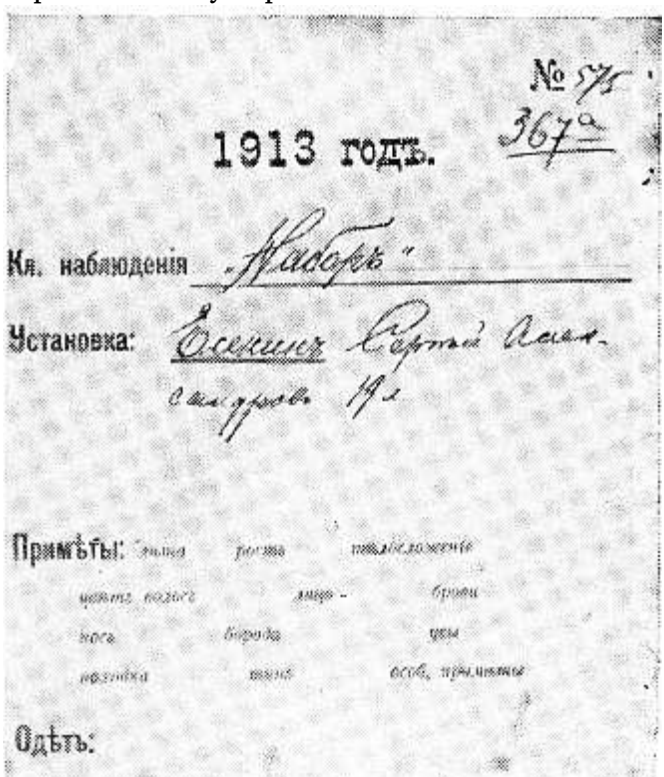
В «Правде» под рубрикой «Рабочие и социал-демократическая фракция» печатались резолюции социал-демократических организаций, решения, наказы рабочих собраний, письма из различных районов России, решительно поддерживающих действия большевистской «шестерки»[201].

Письмо рабочих Замоскворецкого района в «Правде» не появилось. Малиновский, будучи провокатором охранки (что стало известно только после 1917 года), судя по всему, передал его в департамент полиции.

Охранка проявила к письму повышенный интерес. 27 марта 1913 года департамент полиции направил начальнику московского охранного отделения с грифом «совершенно секретно» копию письма «для выяснения подписавшихся» [202].

По документам, имеющимся в архиве московского охранного отделения, видно, что работникам охранки пришлось изрядно потрудиться, чтобы выяснить и собрать сведения о подписавших письмо, в том числе и о Есенине. На первый запрос охранного отделения от 7 апреля 1913 года в адресный отдел о Есенине был

получен ответ: «имеется около 200 чел.». В полицейские части города охранкой был разослан список рабочих Замоскворецкого района, подписавших письмо. 4 декабря 1913 года полицейский надзиратель 2-го участка Пятницкой части сообщал в московское охранное отделение: «Доношу отделению, что по списку рабочих Замоскворецкого района г. Москвы, не будут ли следующие лица и служащие Замоскворечья»[203]. Среди трех лиц, указанных приставом, вторым был Есенин. 19 декабря 1913 года начальник московского охранного отделения направил в особый отдел департамента полиции в Петербург донесение, в котором писал: «Во исполнение предложения департамента полиции от 27 марта сего года за N 97101 доношу, что упоминаемыми в приложении к означенному номеру рабочими Замоскворецкого района могут являться»[204]. Далее приводились сведения о 16 рабочих, подписавших письмо, среди них был и Есенин. О нем московское охранное отделение сообщало в департамент полиции: «„Есенин С.“ - Есенин, Сергей Александрович, кр. Рязанской губ. и уезда, Кузьминской вол., села Константинова, 19 лет, корректор в типографии Сытина, по Пятницкой ул., проживает в доме N 24, кв. 11 по Строченовскому пер.»[205].


№ 575
367а
1913 годъ.
Кн. наблюденія „Наборъ“
Установка: Есенинъ Сергей Алек-
сандров 19 л.
Примѣты:
Одѣтъ:

Запрос охранки о С. А. Есенине.

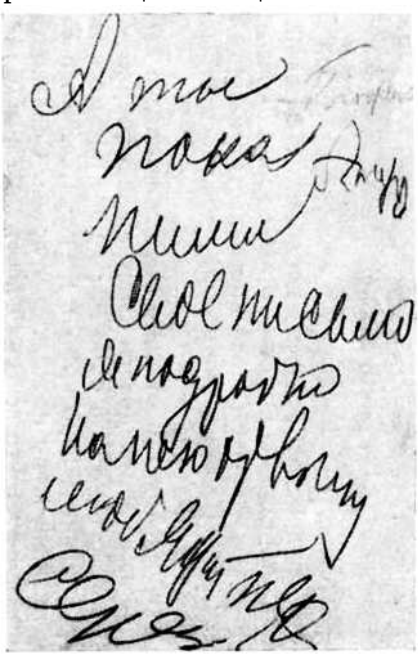
Есенин не только подписывает письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района», не только распространяет нелегальную литературу, не только бывает на рабочих собраниях и митингах. Вместе с рабочими типографии он участвует в забастовках, демонстрациях протеста и солидарности, проводимых на фабриках и заводах по призыву Московского Комитета РСДРП. Из обнаруженных нами архивных документов видно, что сытинцы выступали в дни забастовок единодушно и организованно. Работу прекращали, как правило, все цехи и отделения [206]. Бастовало свыше тысячи человек. Собирались во дворе типографии. Звучали боевые песни, призывы к братской солидарности. Собравшись, отправлялись на улицы города. Легко представить, какой эмоциональный след оставляло все это в душе, в памяти молодого поэта. Когда позднее, в февральские дни 1917 года Есенин писал свою «маленькую поэму» «Товарищ», не вспоминал ли он своих товарищей по типографии, с которыми вместе трудился, вместе мечтал о свободе?

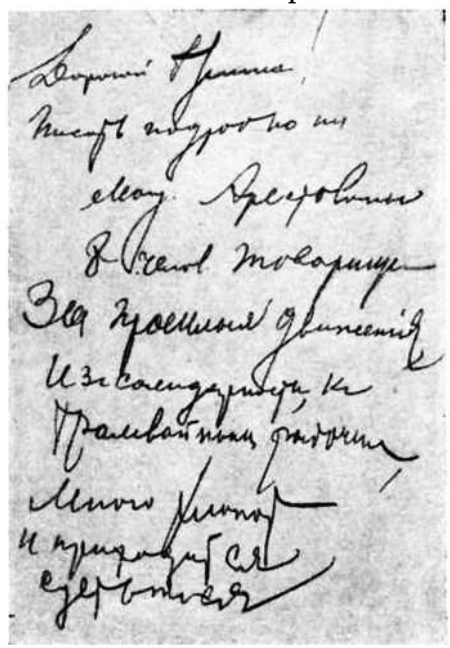
Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.
Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
……..
Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.
«Вырастешь, - говорил он, - поймешь…
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.
Но вот под тесовым
Окном -
Два ветра взмахнули
Крылом;
То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ… (1, 263, 264)

Прежде чем пробил этот последний, смертный час самодержавия, потребовались десятилетия суровой и

мужественной борьбы пролетариата России с царизмом. Сколько безымянных героев погибло на каторге, в ссылке! Сколько борцов за свободу томилось в сырых тюремных казематах!..

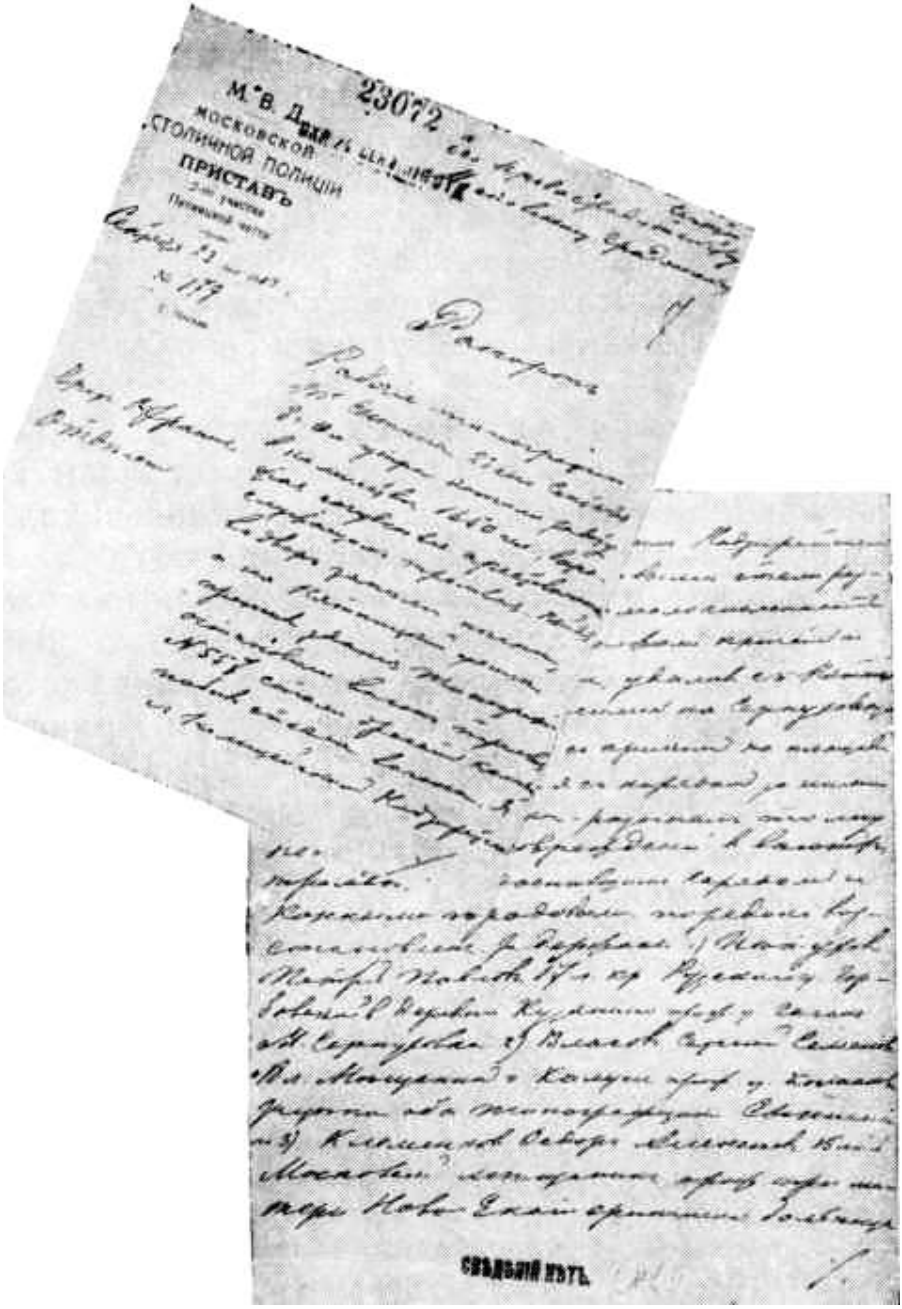
Были среди тех, кто открыто выступал против самодержавия, кого преследовали царские власти, и рабочие-сытинцы. У Есенина есть одно «странное» письмо к Панфилову. Оно предельно кратко, но кажется, что писали его по крайней мере несколько человек. Сделано это было не случайно, что ясно из содержания письма: «Писать подробно не могу. Арестованы 8 человек товарищей за прошлые движения из солидарности к трамвайным рабочим. Много хлопот, и приходится суетиться. А ты пока пиши свое письмо, я подробно на него отвечу»[207]. Письмо без даты и очень сдержанное. Обнаруженные в архивах охранного отделения документы позволяют восстановить довольно точную картину событий, о которых идет речь в письме Есенина. 12 сентября 1913 года постановлением Московской судебной палаты было приостановлено издание рабочей газеты «Наш путь». 16 сентября в редакции вновь состоялось совещание, на котором было решено обратиться к рабочим с призывом к однодневной забастовке, а также назначены день, час забастовки, пункты демонстрации[208]. 21 сентября было отпечатано и распространено по фабрикам и заводам воззвание «Ко всем московским рабочим товарищам», призывающее к общемосковской забастовке 23 сентября[209].





Письмо С. А. Есенина Г. Панфилову. Сентябрь 1913 года. Автограф.

23 сентября во всех намеченных пунктах: на Страстной площади, Цветном бульваре, Крымской набережной, Садовой-Триумфальной, на Тверской, в Екатерининском парке, на Пятницкой состоялись демонстрации протеста. В однодневной забастовке участвовали рабочие многих московских заводов и большинство рабочих-печатников[210]. По распоряжению московского градоначальника против демонстрантов были направлены усиленные наряды полиции и конная жандармерия. Более пятидесяти человек - активных участников и организаторов демонстраций в различных частях города были арестованы полицией. Среди арестованных довольно значительной была группа рабочих типографии Сытина. Именно об аресте этих товарищей сообщает Есенин в письме. Как проходила забастовка у сытинцев, в которой участвовал и Есенин, кто из рабочих-печатников был арестован, мы узнаем из донесений полицейского пристава Пятницкой части в московское охранное отделение. «Рабочие типографии Тв Сытина 23 сего сентября 8 ч. 10 м. утра кончили работу в количестве 1650 чел., **выражая сочувствие арестованным служащим трамвая** (подчеркнуто мной. - Ю. П.). Выйдя во двор, запели песни, а на Пятницкой улице, против здания типографии, остановили вагон трамвая N 557, - докладывал пристав в своем рапорте 23 сентября 1913 года полицмейстеру 1-го отделения. - …Задержаны трое и замечены в толпе агитирующие. Список коих при сем прилагается»[211]. 24 сентября на рапорте пристава о забастовке сытинцев появилась резолюция московского градоначальника об аресте рабочих типографии, указанных в списке. В тот же день они были арестованы, что вызвало новую волну протеста. Узнав, что их товарищей арестовали, сытинцы вновь прекратили работу[212].



Рапорт полицейского пристава московскому градоначальнику о забастовке рабочих типографии Сытина 23 сентября 1913 года, участие в которой принимал С. А. Есенин.

Несмотря на протест рабочих типографии, московский

градоначальник распорядился подвергнуть задержанных полицией аресту на три месяца.

Несколько позднее, 25 октября 1913 года, он же, «признавая пребывание означенных лиц в Москве вредным для общественного спокойствия и порядка… постановил: воспретить поименованным лицам жительство в Москве и пределах московского градоначальства на все время действия Положения об усиленной охране, о чем им и объявить»[213].

Родные и близкие арестованных, товарищи по работе не примирились с таким решением. Они начали ходатайствовать перед московским градоначальником об отмене запрета на жительство в Москве.

Вместе с другими рабочими типографии посильное участие во всех этих делах принимал и Есенин. Вспомним, что в письме к Панфилову, сообщая об аресте товарищей, он указывал: «Много хлопот, и приходится суетиться». Корректор М. Мешкова рассказывает: «Когда арестовали несколько наборщиков, мы все это видели, возмущались. Есенин был особенно взволнован и расстроен случившимся» [214].

Все, что произошло после 23 сентября 1913 года - аресты организаторов демонстраций и забастовок, полицейские репрессии против бастующих, усилившиеся гонения на рабочую печать, полицейские обыски, слежка шпиков, - глубоко растревожило душу юного поэта, взволновало и опечалило его:

Сбейте мне цепи, скиньте оковы!
Тяжко и больно железо носить.
Дайте мне волю, желанную волю,
Я научу вас свободу любить. (5, 103)

Этими стихами начинается письмо Есенина к Панфилову, отправленное вскоре после тревожных сентябрьских дней. «Тебе ничего там не видно и не слышно в углу твоего прекрасного далека, - писал он. - Там возле тебя мирно и плавно текут, чередуясь, блаженные дни, а здесь кипит, бурлит и сверлит холодное время, подхватывая на своем течении всякие зародыши правды, стискивает в свои ледяные объятия и несет бог весть куда в далекие края, откуда никто не приходит. Ты обижаешься, почему я так долго молчу, но что я могу сделать, когда на устах моих печать, да и не на моих одних.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
За грех иной, чем гордый Биллеам,
Заграждены уста твоим пророкам

И слово вольное дано твоим ослам.

Мрачные тучи сгустились над моей головой, кругом неправда и обман. Разбиты сладостные грезы, и все унес промчавшийся вихорь в своем кошмарном круговороте»[215].

Жертвы, которые приходилось нести рабочим в схватках с царизмом, временные неудачи, наконец, непосредственная опасность, которой подвергался Есенин и особенно его товарищи по революционной работе, - все это молодой поэт искренне принимал к сердцу и тяжело переживал. Есенин, впервые участвующий в событиях такого рода, не имел еще боевой закалки. Романтически настроенному юноше, пока еще больше стихийно захваченному могучей волной нового революционного подъема, подавление царскими властями выступления рабочих в сентябрьские дни 1913 года казалось непоправимой бедой, крушением надежд. «Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца, - пишет он другу. - Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее. „Скучные песни и грустные звуки“ не дают мне покоя. Чего-то жду, во что-то верю и не верю. Не сбылися мечты светлого дела. Планы рухнули, и все снова осталось на веру „Дальнейшего будущего“. Оно все покажет, но пока настоящее его разрушило. Была цель, были покушения, но тягостная сила их подавила, а потом устроила насильное триумфальное шествие. Все были на волоске и остались на материке. Ты все, конечно, понимаешь, что я тебе пишу. …На Ца + Ря не было ничего и ни малейшего намека, а хотели их, но злой рок обманул, и деспотизм еще будет владычествовать, пока не загорится заря. Сейчас пока меркнут звезды и расстилается тихий легкий туман, а заря еще не брезжит, но всегда перед этим или после этого угасания владычества ночи, всегда бывает так. А заря недалека, и за нею светлый день…»[216]. Здесь много недосказано по цензурным соображениям. Есть в этом письме и налет наивной юношеской таинственности («на Ца + Ря не было ничего», т. е. на царя), и характерное для молодости стремление к «преувеличению», романтизации опасности. Вместе с тем в нем чувствуется глубокая убежденность Есенина, что заря свободы недалеко. Молодой поэт опечален трагической судьбой тех, кто безо времени сгиб, восстав против владычества деспотизма. Об одном из таких безымянных «страдальцев земли» рассказывает Есенин в стихотворении «У могилы», которое приводит в письме:

В этой могиле под скромными ивами

Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой.
Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело никому не понятные
Мрачные тени легли.
Спит он, а ивы над ним наклонилися,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузилися,
Думают думу о нем.
Тихо от ветра, тоску напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль,
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль. (5, 107)

Кто он, этот юноша с «верой зари огневой» в душе, мы не знаем. Но вместе с поэтом мы низко склоняем голову у могилы юного поборника свободы.

Говоря о связи Есенина в 1912-1914 годах с революционным рабочим движением, о его участии в демонстрациях, забастовках и в распространении нелегальной литературы, конечно, не следует преувеличивать революционность его дел и поступков. Но не следует и упускать из виду, что рабочая среда оказала свое благотворное влияние на Есенина, помогая ему освободиться от некоторых патриархальных иллюзий и почувствовать необходимость борьбы трудовой России против самодержавного гнета.

* * *

Пробуждению демократических настроений молодого поэта способствовало еще одно важное обстоятельство. Осенью 1913 года Есенин поступает в Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Он все острее чувствует недостаточность своего образования, особенно литературного. Почти двухлетнее пребывание в этом, необычном для царской России, высшем учебном заведении - примечательная страница в его жизни, почти не раскрытая до сих пор.

Основанный вскоре после революции 1905 года, при активном содействии передовых русских ученых, университет Шанявского ставил своей целью распространение просвещения и

пробуждение интереса к науке в народе[217]. За короткое время университет вырос и окреп, став фактически первым народным университетом России. Более двух тысяч человек занимались в университете Шанявского; большинство из них - на академическом отделении[218]. Двери университета были широко открыты всем истинно жаждущим знаний демократическим силам страны[219]. Писатель Д. Семеновский, поступивший в университет вместе с Есениным, подчеркивает в своих воспоминаниях, что «университет Шанявского был для того времени едва ли не самым передовым учебным заведением страны. Широкая программа преподавания, лучшие профессорские силы, свободный доступ - все это привлекало сюда жаждущих знаний со всех концов России. И кого только не было в пестрой толпе, наполнявшей университетские аудитории и коридоры: нарядная дама, поклонница модного Юрия Айхенвальда, читавшего историю русской литературы XIX века, и деревенский парень в поддевке, скромно одетые курсистки, стройные горцы, латыши, украинцы, сибиряки. Бывали тут два бурята с кирпичным румянцем узкоглазых плоских лиц… На одной из вечерних лекций, - рассказывает Д. Семеновский, - я очутился рядом с миловидным пареньком в сером костюме… юноша держался скромно и просто. Доверчивая улыбка усиливала привлекательность его лица[220]. Это был Сергей Есенин. Он занимался на историко-философском отделении, где слушал лекции по русской и западноевропейской литературе, истории России и Франции, истории новой философии, политической экономии, логике» (все эти предметы читались на первом и втором году обучения). «В большой аудитории садимся рядом, - вспоминает один из товарищей Есенина по университету, - и слушаем лекцию профессора Айхенвальда о поэтах пушкинской плеяды. Он почти полностью цитирует высказывание Белинского о Баратынском. Склонив голову, Есенин записывает отдельные места лекции. Я сижу рядом с ним и вижу, как его рука с карандашом бежит по листу тетради: „Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит Баратынскому“. Он кладет карандаш и, сжав губы, внимательно слушает.

Народный университет имени А. Л. Шанявского.

После лекции идет на первый этаж. Остановившись на лестнице, Есенин говорит: „Надо еще раз почитать Баратынского“»[221].

Легко представить, что переживал Есенин, переступая порог «Шанявки»! После Спас-Клепиковской школы здесь все было ново, необычно, захватывающе интересно, грандиозно: и огромный, полный света и воздуха большой лекционный зал, где свободно рассаживались 300-400 слушателей и выступали известные всей России ученые - ботаник К. А. Тимирязев, физик П. Н. Лебедев и другие; и просторные аудитории, в которых Есенин вместе с другими слушал лекции видных московских профессоров П. Н. Сакулина, А. Е. Грузинского, М. Н. Розанова, М. Н. Сперанского, А. А. Кизеветтера[222]. А сама атмосфера университета: свобода мысли, независимость, товарищеская спайка, острота научных и политических споров, дискуссии о новых книгах, картинах Третьяковки, спектаклях Художественного театра-от всего этого буквально захватывало дух. Товарищ Есенина по университету Шанявского Борис Сорокин [223] вспоминает, как после посещения Третьяковки Есенин делился с ними своими впечатлениями:

«- Смотрел Поленова. Конечно, у „Оки“ его задержался и так потянуло от булыжных мостовых… домой, в рязанский простор…

Сродни мне и Левитан… Помните, есть у Левитана, как видно, этюд, - вечер, осенний лес, луна и ее отражение в воде? Мне казалось, что я иду в этот синий сумерк… Все так близко и понятно. Это тема для стихотворения - художник дал то настроение, от которого отталкиваясь можно писать.

- А как тебе, Сергей, - говорит Наседкин, - нравится „Над вечным покоем“?

- Нет, не нравится! Может быть, больше поживу, то пойму эту картину. А сейчас мне от нее холодно… Как бы тебе объяснить, Василий, это чувство - я не вхожу в эту картину, она меня не трогает…

Мы говорим о своих впечатлениях от Третьяковской галереи, вспоминаем картины знаменитых русских художников, и кажется, что немеркнущий свет искусства освещает нашу комнату…

- Иногда я записываю свои впечатления, - говорит Сергей. - Вот в воскресенье, придя домой из Третьяковки, перегруженный красотой, записал в своей тетради о том, какое большое волнение испытал в этот день. И я назвал его днем „путешествия“ в прекрасное.

Наседкин вскочил и, широко улыбаясь, громко повторил: - „Путешествие“ в прекрасное! Здорово, Сергей! *Я* напишу поэму под таким названием…

- Пиши, Вася, пиши! - смеясь, говорит Сергей. - Но только один ты к этой стране не дойдешь…»[224]

С особым интересом Есенин относился к лекциям и семинарским занятиям по литературе. «Состоя слушателем университета Шанявского, - замечает Н. Сардановский, - Сергей сосредоточил свое внимание исключительно на изучении литературы». Он же подчеркивает, что «к науке в то время Есенин относился с достаточным уважением…»[225]

Типографские обязанности не всегда позволяли Есенину бывать в университете, он «был этим удручен». Зато, когда выпадал свободный вечер, Есенин вместе с другими шанявцами отправлялся бродить по Москве, а если удавалось раздобыть билеты на галерку в Художественный (кто в юные годы не бредил этим театром!), то шел на спектакль. «Студеный осенний вечер. Мы идем по Тверской улице, не чувствуя резкого ветра, - вспоминает Б. Сорокин, - наши сердца полны ожидания встречи с театром, о котором знали только по статьям в театральных журналах. Дрогнув, раскрывается занавес с вышитой на нем белой чайкой… Раневскую играет Книппер-Чехова, студента Трофимова - Качалов, Епиходова - Москвин, Лопахина - Леонидов… В антракте пошли в фойе. Облокотившись на кресло, Сергей молчит. И только тогда, когда Наседкин спросил его,

нравится ли спектакль, он, словно очнувшись, сердито проронил: „Об этом сейчас говорить нельзя! Понимаешь?“-и пошел в зрительный зал»[226].

Занимаясь в университете Шанявского, Есенин испытывал известные материальные затруднения. За учебу надо было ежегодно платить. Сумма была невелика, но для скромного заработка Есенина ощутима. При всем том Есенин придавал занятиям в университете Шанявского серьезное значение. «Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю, - писал Есенин летом 1915 года в Петроград, прося выслать гонорар за стихи. - Я был бы очень Вам благодарен. Проездом я бы уплатил немного в Университет Шанявского, в котором думаю серьезно заниматься. Лето я шибко подготовлялся» [227]. И все же осенью 1915 года Есенин не смог продолжать учебу в «Шанявке», ибо «должен был уехать обратно по материальным обстоятельствам в деревню» [228].

Пребывание в университете Шанявского имело еще одно большое значение для Есенина. Здесь он, по его словам, «столкнулся с поэтами»[229]. В «Шанявке» Есенин познакомился с молодым поэтом Василием Наседкиным, дружбу с которым поддерживал потом все годы; здесь же встретился с ивановским поэтом Николаем Колоколовым, а немного позднее - с Иваном Филипченко и Дмитрием Семеновским и другими. В свободные вечера собирались у кого-нибудь из шанявцев, читали свои стихи. «Комната Колоколова, - вспоминает Д. Семеновский, - на некоторое время стала моим пристанищем. Приходил Есенин. Обсуждались литературные новинки, читались стихи, закипали споры. Мои приятели относились друг к другу критически, они придирчиво выискивали один у другого неудачные строки, неточные слова, чужие интонации»[230]. Как-то в один из таких вечеров, сидя у Колоколова, перелистывая «Журнал для всех», «Есенин встретил в нем несколько стихотворений Александра Ширяевца; стихи были яркие, удалые… Есенин загорелся восхищением.

- Какие стихи! - горячо заговорил он. - Люблю я Ширяевца! Такой он русский, деревенский!»[231].

Весенние, пахнущие смолистой сосной и луговыми травами, озорные и грустные стихи Есенина, с их неожиданно прекрасной и вместе с тем такой естественной образностью, были встречены шанявцами с явным интересом. «На фоне модных декадентских поэтических течений его стихи, - вспоминает Б. Сорокин, - для нас явились радостной неожиданностью»[232]. «Даже строгий к поэтам непролетарского направления Филипченко, пренебрежительно говоривший о них: „мух ловят“, - даже он,

прочитав… свежие и простые стихи Есенина, отнесся к ним с заметным одобрением»[233]. Еще больший интерес к стихам Есенина появляется у его товарищей по университету в 1914-1915 годах, когда стихи Есенина все чаще появляются в печати… Май 1914 года. Есенин читает новые стихи. «Живые, согретые чувством молодости строки стихов властно берут в свой плен сердце слушателя:

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.
Оловом светится лужная голь…
Грустная песня, ты - русская боль. (1, 142).

А он все читал, и его голос то задумчиво рассказывал о равнинах, „где льется березцовое молоко“ и „рассвет рукой прохлады росной сшибает яблоки зари“, то грустил „о радости убогой“, то звенел и трепетал, как птица, рвущаяся в полет… И тогда нам стало ясно, - замечает Б. Сорокин, - что Сергей уже переступил тот порог, за которым лежит большой путь мастерства и вдохновения» [234].

Собираясь, поэты-шанявцы не ограничивались стихами. Их волновали политические вопросы: закрытие властями газеты «Правда», выступление против войны Максима Горького, ненужность войны народу и т. д. «Раза два мне пришлось быть в кругу товарищей Есенина, - вспоминает Я. А. Трепалин. - Как он говорил мне, это были молодые писатели. Говорили, спорили до поздней ночи. Помню - толковали о литературе, цензуре, конфискации номеров журналов, штрафах, слежке полиции за работниками типографии, издательств и т. п. Есенин, как всегда, говорил громко, жестикулируя»[235]. Д. Семеновский, говоря о том времени, отмечает: «В одном еженедельнике или двухнедельнике мы нашли статью Есенина о горе обездоленных войной русских женщин, о Ярославнах, тоскующих по своим милым, ушедшим на фронт. Помнится, статья, построенная на выдержках из писем, так и называлась: „Ярославны“»[236].

Рязанская земля.

Эта тема затрагивается Есениным в стихотворении «Узоры», написанном вскоре после начала войны и опубликованном в январе 1915 года в журнале «Друг народа»:

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых - красные цветы.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.
……
Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна. (1, 112)

Несколько позднее тема войны получит более глубокое освещение в маленькой поэме «Русь».

Еще более отчетливо гражданские мотивы звучат в стихах некоторых других поэтов-шанявцев. Так, например, Иван Филипченко открыто бросает вызов власть имущим:

Вы все, кто имеет дворцы,
Небоскребы, особняки,
Магазины, заводы и рудники,
У кого от безделья мигрень,
Посторонитесь, рабочий идет!
Уступите асфальты, к фундаментам встаньте,
Дайте дорогу ему, современному Данте.

Ясно слышны в его стихах раскаты народного гнева:

Массы куют себе долю орла,
Плавят себя в тиглях века.

Стихи «С работы», «Массы» были написаны поэтом в 1913-1914 годах[237]. С юных лет Иван Филипченко был связан с революционным движением, в 1913 году вступил в большевистскую партию, преследовался охранкой, арестовывался. Близко к партии, рабочей печати стоял и Д. Семеновский, печатавший свои стихи в «Правде» с 1912 года. Революционно настроены были и другие молодые поэты, товарищи Есенина - Василий Наседкин, Николай Колоколов, Георгий Якубовский.

Можно предположить, что некоторые из них, равно как и Есенин, были в какой-то мере связаны с большевистской группой, которая организовалась в университете Шанявского.

«В народном университете имени Шанявского, - сказано в агентурной записке охранки по РСДРП от 22 января 1914 года, - в настоящее время имеется сорганизованная марксистская группа, которая намерена получить связи с местными рабочими клубами и профессиональными обществами, послав затем в клубы и общества „своих людей“ для налаживания в них партийных ячеек»[238]. Члены большевистской группы университета устанавливают контакт с рядом большевистских групп, существующих в других высших учебных заведениях[239]. В день рабочей печати 22 апреля 1914 года члены группы распространили среди слушателей листовки, призывавшие к поддержке рабочей печати, и организовали сбор средств в фонд «Правды». В листовке говорилось: «Товарищи. 22-го апреля 1912 года, ровно два года тому назад, усилиями пролетариата всей России была создана первая русская ежедневная с.-д. рабочая газета „Правда“.

С тех пор по всей России звучит бодрое, сильное, свободное слово рабочей печати - яркой выразительницы нужд и запросов всего пролетариата…

Пусть каждый товарищ помнит и знает, что только в свободном государстве возможна свободная наука - а защитница ее рабочая печать.

Пусть же в сегодняшний день - 22-го апреля - в праздник нашей рабочей печати - каждый из нас пожертвует в ее железный фонд…

Сбор будет производиться посредством сумки во время лекции и по подписным листам у товарищей.

Завтра будет в Москве юбилейный нумер рабочей газеты „Путь Правды“. Товарищи, покупайте и распространяйте его.

Группа сознательных марксистов»[240].

А. Р. Изряднова, посещавшая вместе с Есениным народный университет, вспоминает: «Как в типографии, так и в университете он слыл за передового, посещал собрания, распространял нелегальную литературу» [241].

Был в Москве еще один огонек, к которому всей душой потянулся молодой поэт, - Суриковский литературно-музыкальный кружок. История этого кружка тесно связана с именем талантливого русского самородка, поэта-крестьянина Ивана Захаровича Сурикова. «Из среды народа, - подчеркивал Горький в „Заметках о мещанстве“, - выходили Ломоносовы, Кольцовы, Никитины, Суриковы…»

«Рассвет» - так назвал Суриков подготовленный им первый сборник «писателей из народа». Он вышел еще в восьмидесятых годах прошлого века. Эпиграфом к нему могли бы стать строки суриковских «Наших песен»:

Мы родились для страданий,
Но душой в борьбе не пали;
В темной чаще испытаний
Наши песни мы слагали.
……
Для изнеженного слуха
Наше пенье не годится;
Наши песни режут ухо, -
Горечь сердца в них таится!
……..
В этих песнях миллионы
Мук душевных мы считаем;
Наши песни, наши стоны
Мы счастливым завещаем.

За «Рассветом» Суриковым был издан сборник «Народные поэты и певцы». Так было положено начало кружку писателей из

народа. Много сделали для развития этого кружка такие писатели, как Спиридон Дрожжин и Иван Белоусов. Позднее, в начале 900-х годов, окончательное организационное оформление кружка завершает писатель М. Л. Леонов-Горемыка[242]. Вместе с ним в это время во главе кружка стояли рабочие поэты Егор Нечаев и Федор Шкулев [243].

В Суриковский кружок входили писатели-самоучки, разные по талантливости, творческим установкам, мастерству, идейной зрелости. Они писали разные стихи: от печально-созерцательных пейзажных лирических картинок и горьких песен страдания до призывно-тревожных, гневных, наступательных гражданских стихов.

Суриковцы - это небольшая, но весомая и зримая частица той демократической культуры, России, о которой говорил В. И. Ленин.

В 1912-1915 гг. Суриковский кружок значительно активизирует свою литературную и общественную деятельность. Писатель Г. Деев-Хомяковский, один из руководителей кружка, в своих воспоминаниях отмечает, что в 1912 году кружок был одной из значительных организаций пролетарско-крестьянских писателей. Кружок начал выпускать журнал «Семья народников», а позднее журнал «Друг народа». Пополнился и состав кружка. «В него, - пишет Г. Деев-Хомяковский, - входило много революционных деятелей, как близко стоящих к социал-революционерам, так и к социал-демократам. В него вошел только что вернувшийся из ссылки Е. А. Афонин, А. Д. Хвощенко, Кормилицын, Веревкин и другие.

Деятельность кружка была направлена не только в сторону выявления самородков-литераторов, но и на политическую работу. Лето после Ленского расстрела было бурное. Наша группа конспиративно собиралась часто в Кунцеве, в парке бывш. Солдатенкова, близ села Крылатского, под „заветным“ старым вековым дубом. Там, под видом экскурсий литераторов, мы впервые и ввели Есенина в круг общественной и политической жизни. Там молодой поэт впервые стал публично выступать со своим творчеством. Талант его был замечен всеми добравшимися»[244]. Через некоторое время Есенин вступает в действительные члены Суриковского кружка [245].

V Именно в среде суриковцев в годы первой русской революции, в рядах дружинников Красной Пресни родились гимны и песни поэта-суриковца Федора Шкулева: «Красное знамя», «Вставайте, силы молодые!», «Я - раскаленное железо!» Тогда же призывно зазвучал над баррикадами его марш «Кузнецы»:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастию ключи!..
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!
Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает [246].

Есенин принимает самое живое участие в деятельности кружка. «В течение первых двух лет, - рассказывает Деев-Хомяковский, - Есенин вел непрерывную работу в кружке. Казалось нам, что из Есенина выйдет не только поэт, но и хороший общественник. В годы 1913-14-й он был чрезвычайно близок кружковой общественной работе, занимая должность секретаря кружка. Он часто выступал вместе с нами среди рабочих аудиторий на вечерах и выполнял задания, которые были связаны с значительным риском» [247].

Когда на средства, собранные от рабочих и служащих, члены Суриковского кружка стали выпускать журнал «Друг народа», Есенин был избран секретарем его редакции. Он «с жаром готовил первый выпуск. Денег не было, но журнал выпустить необходимо было. Собрались в редакции „Доброе утро“. Обсудили положение и внесли по 3-5 рублей на первый номер.

- Распространим сами, - говорил Есенин.

Выпущено было воззвание о журнале, в котором говорилось: „Цель журнала быть другом интеллигента, народника, сознательного крестьянина, фабричного рабочего и сельского учителя“».

Еще раньше, в августе 1914 года, социал-демократическая группа суриковцев выпустила воззвание против войны. Есенин написал поэму «Галки», в которой, по воспоминаниям современников, ярко отобразил поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жен по убитым. Молодой поэт намеревался поместить свою поэму о войне в первом номере журнала «Друг народа». Однако еще в ноябре сданная в печать поэма «Галки» привлекла к себе внимание цензуры и была конфискована полицией.

Демократические, социальные устремления Есенина в эти годы порой своеобразно переплетались с религиозными исканиями «новой» веры, идеализацией образа Христа. Отвергая казенную религию, всех этих, по меткому выражению Есенина, «блудников поповских, попавших в пучину разврата», молодой

поэт вместе с тем говорит, что для него гений - человек слова и дела, как Христос. Важно при этом видеть главное: Есенину было чуждо слепое мистическое преклонение перед церковными догмами. «Христос для меня совершенство, - замечает он в одном из писем к Панфилову. - Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха, что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему»[248]. В эти годы мировоззрение Есенина еще только формируется. Молодой поэт испытывает стихийное тяготение к передовым общественным силам. Демократическая позиция Есенина определила резко отрицательное отношение его к империалистической войне 1914 года. Вместе с тем общедемократическая позиция, на которой стоял Есенин, не давала ему ясного ответа на вопросы о конкретных путях революционной борьбы за свободу трудового народа, не давала ответа, что делать русскому мужику, чтобы перестать, наконец, гнуть спину на помещика.

Сергей Есенин. 1914-1915 гг.

Отсюда противоречивость во взглядах и раннем творчестве Есенина, в его общественной позиции. При этом нельзя упускать из виду противоречивость тех условий, в которых молодой поэт формировался.

* * *

В начале 1914 года в печати начинают появляться первые стихи Есенина. В январском номере детского журнала «Мирок» за 1914 год, который издавался Сытиным, было помещено стихотворение «Береза», написанное Есениным в 1913 году.

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром. (1, 88)

Об этом стихотворении, очевидно, идет речь в письме Есенина к Г. Панфилову, относящемуся к началу 1914 года: «Посылаю тебе на этой неделе, - пишет Есенин, - детский журнал, там мои стихи»[249]. Это стихотворение было опубликовано за подписью «Аристон»[250]. О намерении Есенина избрать для себя псевдоним «Аристон» рассказывает в своих воспоминаниях и Н. С. Сардановский. «Вначале он (Есенин. - Ю. П.) хотел было писать под псевдонимом „Аристон“ (так назывался начинавший получать распространение в то время музыкальный ящик)» [251].

Вслед за «Березой» в журнале «Мирок» появляется еще несколько есенинских стихов - «Пороша», «Поет зима - аукает…», «С добрым утром!», «Село» (из Тараса Шевченко) и др. Печатаются в 1914 году стихи Есенина и в детских журналах «Проталинка», «Доброе утро», в газетах «Путь правды», «Новь». Молодой поэт с радостью сообщает Г. Панфилову: «Распечатался я во всю Ивановскую. Редактора принимают без просмотра и псевдоним мой „Аристон“ сняли. Пиши г-рят под своей фамилией. Получаю 15 к. за строчку. Посылаю одно из детских стихотворений» [252].

Стихи Есенина подкупали влюбленностью в красоту родной природы, хрустальной прозрачностью образов. При наличии в них мотивов и образов, навеянных церковно-христианскими представлениями, они полны неповторимой земной красоты:

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.
Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.
У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!» (1, 99).

Вот и все стихотворение «С добрым утром!», написанное Есениным в 1914 году. Сколько в нем радости бытия, образных находок: даже заросшая крапива становится неожиданно прекрасной!

Из ранних произведений Сергея Есенина особенно примечательно «Кузнец». Стихотворение это было написано в 1914 году и напечатано в мае того же года за подписью Есенина в большевистской газете «Путь правды» (под таким названием тогда выходила газета «Правда»)[253]. Оно было помещено в большой подборке «Жизнь рабочих России» на третьей полосе, и вся подборка открывалась этим стихотворением. В том же номере газеты на второй полосе было напечатано стихотворение Д. Бедного «Быль». Так впервые «встретились» С. Есенин и Д. Бедный.

В стихотворении «Кузнец», полном света и энергии, Есенин создает символический образ провозвестника свободы, зажигающего народные сердца ненавистью и гневом. Открыто звучит в нем призыв к пробуждению от «робости постылой» и страха перед «хозяевами жизни».

Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
……
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.

Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх. (1, 97, 98)

В 1912-1914 годах, кроме лирических стихов, Есениным были написаны произведения, в которых молодой поэт обращается к волнующим страницам героического прошлого русского народа. В 1912 году он создает в традициях былинного эпоса свою «Песнь о Евпатии Коловрате». В ней поэт воспевает «смелую доблесть» своих предков-рязанцев, вставших на защиту земли Русской от татарских орд Батыя:

Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною -
Бьются соколы-дружинники,
……
Налетая на татаровье.
От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.
Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести. (1, 305, 307)

«Песнь о Евпатии Коловрате» создавалась Есениным под влиянием известного памятника древнерусской литературы «Повести о разорении Батыем Рязани в 1237 г.», в одном из эпизодов которой рассказывается о богатырском подвиге рязанского воеводы Евпатия Коловрата[254]. Однако сюжет «Песни» Есенина во многом отличается от той части «Повести о разорении Батыем Рязани в 1237 г.», где повествуется о борьбе Евпатия Коловрата с Батыем. Поэт демократизирует образ героя: Евпатий Коловрат в «Повести» - княжеский дружинник, «храбр», то есть воин, богатырь. Евпатий у Есенина - человек из народа, кузнец-силач, выразитель патриотических настроений народных масс.

Н. К. Гудзий отмечает, что рассказ о Евпатии Коловрате в «Повести о разорении Батыем Рязани в 1237 г.», очевидно, «восходит к особым народным историческим песням»; «в основу ее легло устное эпическое произведение» [255]. Можно предположить, что наряду с «Повестью о разорении Батыем Рязани в 1237 г.» одним из источников в работе над «Песнью о

Евпатии Коловрате» послужили народно-поэтические рассказы, легенды, предания о Евпатии Коловрате, которые Есенин мог слышать в годы юности в родном рязанском краю, когда он собирал и записывал народные песни, сказки и частушки.

К драматическим событиям последних дней Новгородской республики обращается Есенин в своей поэме «Марфа Посадница», написанной им в 1914 году. Товарищ Есенина по университету Шанявского - Борис Сорокин рассказывает: «В начале июня студенты разъехались на каникулы. Увиделись мы только в сентябре, когда уже шла война, и на одном из вечеров Сергей читал поэму „Марфа Посадница“»[256].

В основу своей поэмы Есенин положил народно-поэтическое предание о Марфе Посаднице как мужественной поборнице новгородской вольницы. «В нашей истории, - отмечает русский ученый Ключевский, - немного эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение Новгородской вольности». Воскрешая страницы героической истории Новгородской республики, Есенин мечтает о времени, когда «загудит нам с веча колокол, как встарь». Мысль эта - главная в поэме. Увлеченный ею, поэт в какой-то мере даже идеализирует образ Марфы Посадницы. При всем этом написанная в начале империалистической войны «Марфа Посадница» воспринималась современниками Есенина прежде всего как произведение с отчетливо выраженными демократическими устремлениями.

А и минуло теперь четыреста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум.
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский шум?
……
Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаш!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой, ты, Новгород, родимый наш! (1, 312)

«Марфа Посадница» привлекла внимание М. Горького, который хотел напечатать ее в журнале «Летопись». Однако царская цензура наложила на поэму запрет. Впервые «Марфу Посадницу» удалось напечатать только в 1917 году.

В стихотворении «Ус» (1914 г.) Есенин обращается к образу крестьянского вожака эпохи Степана Разина, поднявшего против «пяты Москвы» калужских, рязанских, тамбовских мужиков.

Не белы снега по-над Доном

Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под тыном,
Расставалась мать с верным сыном:
«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном!»
……..
Отвечал ей сын напоследок:
«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Если в поэме «Марфа Посадница» и в стихотворении «Ус» молодой поэт пытается выразить свободолюбивые чувства, обращаясь к героическому прошлому, то в стихотворении «Русь» поэт рассказывает о тяжелых испытаниях, которые переживала Россия в настоящем.

Тысяча девятьсот четырнадцатый год… «Война до победного конца» - на все лады шумели поэты буржуазно-декадентского толка, стремясь внушить народу, что «смерть, как жизнь, прекрасна». Против войны возвысил гневный голос буревестник революции Максим Горький, «плюнул рифмами в лицо войне» Владимир Маяковский, «бессмысленной» назвал ее Александр Блок. Доколе будет страдать наша древняя мать - родина? - с болью спрашивал он в стихотворении «Коршун».

Теме войны посвящает несколько стихотворений и Сергей Есенин - «Узоры», «Бельгия». Но наиболее зрелым и значительным следует признать «Русь». «…В начале 1915 года, еще перед отъездом в Петербург, - вспоминает поэт-суриковец С. Фомин, - Есенин является к товарищам, где был и я, с большим новым стихотворением под названием „Русь“. В тесной накуренной комнате все притихли. Звенел голос белокурого Сережи… Читал Сережа с душой, и с детски чистым и непосредственным проникновением в те события, какие надвигались на любимую им мужичью, в берестяных лапотках, Русь… Этим стихотворением он и приобретает себе известность и имя»[257].

Война была для крестьянской Руси непоправимым бедствием. Сколько русских пахарей не вернулось к отчему крову с войны! Миллионы могильных холмов - таков был кровавый след войны на земле. Народу не нужна война, ибо и без нее много горя - вот главная мысль есенинской «Руси».

Суров, печален, правдив рассказ поэта о родине в годину военных невзгод. Атмосфера тревожного предчувствия надвигающейся беды уже ощутима в начале стихотворения.

Снежные просторы России… В «мглистых сумерках» слышится протяжный вой голодных волков, храп испуганных лошадей, по «тощим полям» метет злая пурга, в бору, «словно нечисть лесная», притаились черные пеньки, где-то за снежными сугробами тускло мерцают оконца деревенских изб. Кругом пустынно, безлюдно, тоскливо, одиноко:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса. (1, 144)

Но поэту дорога и близка эта Русь. Он сын этой Руси. Его тревожит ее судьба. Ему хочется верить, что беда, может быть, обойдет отчий край стороной. Сквозь мглистые зимние сумерки встает перед его взором омытая весенними дождями и ветрами русская земля. На душе у него становится по-весеннему радостно, легко:

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что - разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу. (1, 145)

Но мечты и надежды эти иллюзорны, а действительность жестоко неумолима. Черные тучи уже застят горизонт… Война! Одно это страшное, ненавистное людям слово заставило содрогнуться весь мир. Как огненный смерч, ворвалось оно в души людей. Закачалась, застонала от горя русская земля:

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.
Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
Не подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.
Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину. (1, 145, 146)

Только пережив войну как глубоко личное бедствие, можно так писать о ней. Найти такие слова, вложить такие чувства, что почти физически ощущается этот раздирающий душу женский крик тоски и отчаяния.

Такие строки, полные эмоциональной напряженности, с яркими, смелыми гиперболическими образами, громовыми раскатами аллитераций, вихревыми ритмами, нельзя придумать, нельзя «сделать» искусственно. Они могут родиться только в сердце художника, для которого война - непоправимая человеческая трагедия. Вот откуда лирический накал этих строк.

Одна за другой развертываются в поэме грустные, безрадостные картины деревенской жизни. Опустели русские села. Мужики ушли на фронт. Осиротели крестьянские избы. В каждой война забрала кормильца - отца или сына. У седых матерей и жен-солдаток одна дума: как-то там их милые, не погибли ли в жарком бою? Изредка, нежданно-негаданно, приходили в деревню солдатские весточки:

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем. (1, 147)

Всей душой, всем сердцем поэт с народом: и в короткие радостные мгновенья, и в долгие годы горя и печали:

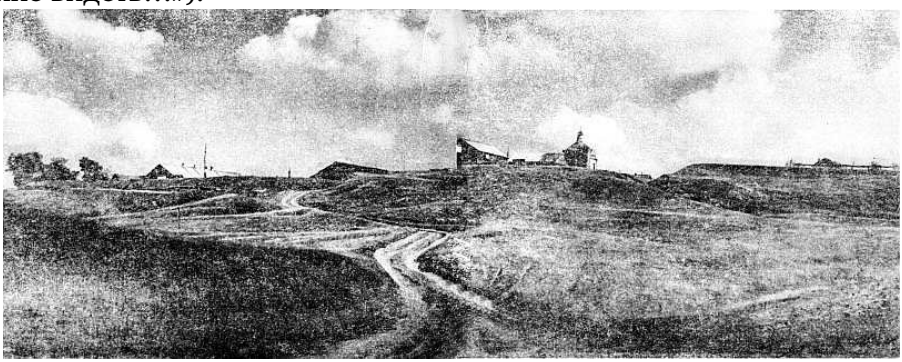
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей. (1, 147)
……..
Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу. (1, 148)

Поджиданье седых матерей… О многом заставляет нас и сегодня задуматься, многое пережить, как бы заново, рассказ поэта о прошлых военных бедах на русской земле.

Стихотворение «Русь» - знаменательная веха во всем дооктябрьском творчестве Есенина, своего рода программное произведение. Трудно назвать другое стихотворение Есенина, созданное им до 1917 года, где бы так художественно

полнокровно раскрылось поэтом чувство любви к родине. Поэма «Русь», маленькая по количеству строк, но масштабная, глубокая по мысли, по чувству, стала как бы своеобразным художественным синтезом творчества молодого поэта. В ней зазвучали, слились в единую поэтическую симфонию о родине: и задушевные мелодии таких чудесных есенинских этюдов о родной природе, как «С добрым утром!», «Край любимый! Сердцу снятся…», «Еду. Тихо. Слышны звоны…», и звонкие, задорные ритмы таких стихотворений, как «Гой ты, Русь, моя родная…», «По селу тропинкой кривенькой…», и наполненные грустью - «Топи да болота…», «Тяжело и прискорбно мне видеть…», и едва ли не всего слышнее в этой симфонии тревожные, невеселые думы о тяжелой крестьянской доле, полной вздохов и слез, характерные для таких стихотворений, как «Черная, потом пропахшая выть…», «Заглушила засуха засевки…», «Узоры», «Грустно. Душевные муки…», «Молитва матери…».

Образ родины в «Руси», как это порой случалось у Есенина в ранних стихах, не застит ни библейская пыль, ни религиозная символика. Не отяжеляет «Русь» и церковная лексика; далек в ней поэт и от безоблачной идиллии некоторых своих юношеских стихов. Ни в одном из других произведений той поры Есенин не был столь близок к реалистическому показу действительности. В «Руси», более чем в других ранних стихах, Есенин подходит к демократическим традициям русской классической поэзии. Здесь нет и тени ученического подражания, копирования литературных приемов других авторов, что нетрудно обнаружить в ряде ранних стихотворений и у Есенина («Моя жизнь», «Тяжело и прискорбно мне видеть…»).



Спуск к Оке у Константинова.

В «Руси» отчетливо слышен свой поэтический голос, своя песнь о родине. И вместе с тем хорошо, что песнь эта как бы

продолжает проникновенную, раздольную кольцовскую песнь о русской земле, перекликается с блоковскими скорбными раздумьями о родине:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви.

И едва ли не более всего она заставляет нас вспомнить строки знаменитой некрасовской песни «Русь»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная -
Матушка-Русь!..

И хотя в «Руси» Есенина слышится больше скорбный голос некрасовской «музы печали», чем «музы мести», народного гнева, нельзя не видеть, не почувствовать главного, что в основе своей это произведение, написанное кровью сердца, близко по духу поэзии Некрасова.

Стихотворение «Русь», как и ряд других, давало Есенину полное право так сказать позднее о том, что отделяло его творчество от буржуазно-декадентской литературы в годы мировой войны: «Резкое различие со многими петербургскими поэтами в ту эпоху сказалось в том, что они поддались воинствующему патриотизму, а я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму. …У меня даже были неприятности из-за того, что я не пишу патриотических стихов на тему „Гром победы, раздавайся“, но поэт может писать только о том, с чем он органически связан»[258]. Есенин же был кровно связан с жизнью народа и прежде всего с жизнью русского крестьянства. Красота родных русских раздолий, язык сограждан, молодецкая удаль и грустная боль русской песни, в которой звенит народная душа, - все это было для поэта органически родным и близким. Все, что несло горе и страдание его народу, было чуждо поэту. Есенинская лирика уходит своими корнями в ту реальную действительность, которая окружала поэта.

Сердце поэта гложет «плакучая» дума: «Ой, не весел ты, край

мой родной». Его волнует бесправная и тяжелая жизнь соотечественников.

И было бы неверно по старой традиции видеть в ранней поэзии Есенина только идеализацию и поэтизацию патриархальной деревенской старины, хотя, бесспорно, налет ее имеется в его юношеских стихах.

Разве можно, как это было еще в недалеком прошлом, утверждать, что ранняя поэзия Есенина лишена драматизма и напряженности, полна гармонии пастушеского восприятия жизни, звуков свирели и коровьих вздохов?

Стихотворение «Русь», а к нему мы вправе присоединить «Марфу Посадницу», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате», «Заглушила засуха засевки…», «Кузнец», «Выть», «Бельгия», «Узоры» и другие произведения Есенина, показывает всю несостоятельность и необъективность подобных легенд и суждений.

Молодому поэту понятны и близки тревоги и заботы крестьянской Руси, все больше он начинает разделять справедливые общедемократические требования народа, испытывая явное тяготение к передовым общественным силам. Демократизм Есенина определил резко отрицательное отношение его к империалистической войне.

Пережитое в юные годы помогло поэту увидеть чуждый народу характер войны 1914 года и преодолеть декадентское наступление на его поэзию в 1915-1916 годах в Петрограде.

Как бы отвечая всем тем, кто хотел увести его поэзию от главного - служения родине, еще в 1914 году юный поэт писал:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою». (1, 130)

Есенин остался верен этой юношеской клятве до последних дней своей жизни.

* * *

В самые тяжелые минуты светлый образ родины, запечатленный в сердце с юных лет, согревал душу поэта. «Моя лирика, - не без гордости говорил Есенин, - жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины - основное в моем творчестве»[259].

От Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, от России, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны, - к России, преображенной революцией, России ленинской, России Советской - таков путь, пройденный поэтом вместе со своим народом.

Есенин пропел свою песнь о России. Без нее, России, без своего народа, он не мыслил жизни, творчества.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен.
Исчезнет ложь и грусть, -
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли'
С названьем кратким «Русь». (2, 171)

Мужественная, самозабвенная любовь к родине, кровная связь с крестьянской Русью помогали Есенину находить свой путь к большой правде века.

В грандиозных исторических событиях революционной эпохи, современником которой был Есенин, он не всегда видел главное, не всегда понимал направление развития истории. Чувствуя это, поэт вновь и вновь пристальнее вглядывается в кипение жизни, стремясь, по его словам, «постигнуть в каждом миге коммуной вздыбленную Русь». И как глубоко и самозабвенно надо было любить родину, какую чистую широкую душу надо было иметь, чтобы так мужественно по отношению к самому себе и так проницательно в отношении будущего России сказать:

Я не знаю, что будет со мною…
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь. (3, 69)

…Каждая эпоха, каждое новое поколение как бы заново открывает для себя больших и настоящих художников прошлого.

Давно двадцатый век потеснил с арены истории век девятнадцатый, а вокруг могучих фигур властителей дум «века минувшего» Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Чернышевского и Толстого кипят страсти, сталкиваются различные точки зрения, в их бессмертных творениях открываются для нас сегодня новые художественные дали, новые

глубины прекрасного.

Время - самый суровый и справедливый критик. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Эти афористические строки Есенина можно по праву отнести и к нему самому. Ныне все рельефнее, все весомее, зримее предстает перед нами образ Есенина - поэта и человека, все очевидней становится та истина, что творчество его занимает достойное место в истории советской литературы.

Scan WEAPON

28

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 7, стр. 215.

29

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 308, 309.

30

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 15-16.

31

1 Иван Розанов. Есенин о себе и других. М., 1926, стр. 17.

32

«В гневе дедушка был жестоким. Своего младшего сына он навсегда сделал несчастным. Младший сын его, Петр, был еще ребенком напуган коровой и вследствие этого был очень нервным. Ему было лет 8, когда он провинился и, боясь гнева

дедушки, не пошел кланяться ему в ноги, а спрятался на чердаке. Дедушка от такой дерзости рассвирепел. Он сам влез на чердак, нашел там сына, прижавшегося в темном углу, взял его за шиворот и сбросил вниз. Рядом с необузданностью, у дедушки уживалась большая доброта и нежность по отношению к детям. Редкая женщина умеет так относиться к детям, как он умел. Уложить спать, рассказать сказку, спеть песню для ребенка для него было необходимостью. Кто из внучат не помнит его ласки?.. Часто Сергей напевал припев одной из детских песенок, которую пел ему дедушка:

Нейдет коза с орехами,
Нейдет коза с калеными…»

(Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 308).

33

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 307.

34

Об этом факте сообщила нам в беседе Е. А. Есенина.

35

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 21.

36

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 11.

37

Там же, стр. 24

38

Так, например, в брошюре И. Эвентова «Сергей Есенин» (Ленинград, 1957), где в целом дана верная общая характеристика жизни и творчества Есенина, о времени, проведенном им в доме Деда, говорится только в негативном

плане.

39

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 16.

40

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 7, стр. 209.

41

К. В. Цыбин. Воспоминания. 1956. Авторизованная машинопись. Хранится у автора книги.

42

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 16.

43

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 8.

44

Там же.

45

По-разному в дальнейшем сложилась судьба друзей «деревенского детства» поэта, но он всегда относился к ним с добрым чувством. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях К. Воронцов и Н. Сардановский.

46

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького. Архив Есенина.

47

Там же.

48

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького. Архив Есенина.

49

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 11.

50

«После ссоры наша мать, - рассказывает сестра поэта, - спустя некоторое время обратилась к отцу с просьбой дать ей развод, но отец решительно возражал. Отклонил он, пользуясь правом мужа, и разрешение на получение паспорта, которое мать просила у него» (сообщено Е. А. Есениной автору книги в августе 1957 года).

51

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 314.

52

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 208.

53

Цитируется по авторизованной записи беседы с двоюродной сестрой поэта в селе Константинове в августе 1956 года.

54

Екатерина Есенина. Воспоминания. Машинопись, стр. 14. Хранится у Е. Есениной.

55

Поэт Василий Наседкин, посетивший вместе с делегацией московских писателей село Константиново после смерти Есенина в 1926 году, рассказывает: «В целях сбора биографического

материала делегация зашла к местному священнику - 80-летнему старику Ивану Смирнову, в доме которого Сергей Есенин бывал довольно часто, проводя там целые дни в кругу своих сверстников из учащейся молодежи. По настоянию этого священника Есенин после окончания сельской школы был определен в Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу… На одной из дверей этого церковного дома хранится написанное Есениным… стихотворение, которое, к сожалению, не разобрать, кроме последней строчки: „Без ладьи вышли на берег скатистый“ (журнал „Красная нива“», 1926, N 26, стр. 10).

56

Документ этот находится в Отделе рукописей ИМЛИ имени Горького. В списке четвертая фамилия - Есенин Сергей Александрович. В графе отметок - все «5» (чтение русское, чтение церковно-славянское, история, география, арифметика, письменные упражнения по русскому языку, письмо (каллиграфия).

57

Цитируется по авторизованной записи беседы с Н. П. Калинкиным в Константинове летом 1956 года.

58

Цитируется по авторизованной записи беседы с К. В. Цыбиным в Константинове летом 1956 года.

59

Так, К. Воронцов пишет, что «Есенин, увлекаясь разными играми и драками, в то же время больше увлекался книгами, еще в последнем классе сельской школы у него была масса книг, прочитанных им» (Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького).

«Есенин читать любил. Бывало, если увидит у кого-нибудь новую книгу, то так весь и загорится и уж каким-нибудь образом, но заполучит ее к себе» (цитируется по авторизованной записи беседы с Н. П. Калинкиным в Константинове летом 1956 года).

«По внешнему виду Есенин тогда мало чем отличался от прочих константиновских ребят, - вспоминает Сергей Николаевич Соколов, встречавшийся с ним в Константинове с 1910 года. - Ходил он обычно в белой длинной рубахе, с открытым воротом. В

руках или под рубахой у него почти всегда была какая-нибудь книга. Это последнее обстоятельство выделяло его среди сверстников» (цитируется по авторизованной записи беседы с С. Н. Соколовым в Константинове летом 1956 года).

60

Иван Розанов. Есенин о себе и других. М., 1926, стр. 20.

61

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 310-312.

62

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 11, 12.

63

И. Г. Атюнин. Рязанский мужик - поэт-лирик Сергей Есенин. 1926. Машинопись. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

Об этом же сообщает и К. Воронцов, который вспоминает, что еще в 1912-1914 годах Есенин «скинул с себя крест и не носил его, за что его ругали домашние, а если кто его называл „безбожником“, несмотря на то, что это слово в тогдашнее время было самым оскорбительным, он усмехался и говорил „дурак“» (Воспоминания о Есенине. 1926. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького).

64

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 7, стр. 212.

65

Е. А. Есенина. В Константинове. Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 312.

66

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 212, 213.

67

Альманах «Литературная Рязань», 1955, кн. 1, стр. 338.

68

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 310.

69

Альманах «Литературная Рязань», 1955, кн. 1, стр. 338.

70

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 218.

71

Примерно это же время указывает он и в ряде других случаев. Так, в автобиографии 1924 года: «Стихи писать начал лет с 9». В наброске «Нечто о себе»: «Стихи с 8 лет».

72

Сергей Есенин. Собр. соч., в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 23.

73

Цитируется по авторизованной записи беседы с Н. П. Калинкиным в селе Константинове в августе 1956 года.

74

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

75

К. Воронцов. Воспоминания о Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

76

И. Н. Розанов. Мое знакомство с Есениным. Сборник «Памяти

Есенина». М., 1926, стр. 45.

77

С. А. Толстая-Есенина. Комментарии к стихам Сергея Есенина. Машинопись. Отдел рукописей Государственного литературного музея.

78

В свидетельстве, выданном ему школьным начальством, указывалось: «Крестьянский сын села Константиново Кузьминской волости Рязанского уезда Сергей Александрович Есенин в мае месяце сего 1909 года успешно окончил курс учения в Константиновском земском 4-годичном училище.

1909 года августа 25 дня.

Учитель И. Власов.

С приложением церковной печати подписываюсь: Константиновской земской школы Рязанского уезда законоучитель священник Иоанн Смирнов» (ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 2).

79

Есенин ошибся: ему в ту пору было 14 лет.

80

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 16.

81

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 309-310.

82

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 12.

83

Я. А. Трепалин. Воспоминания. Хранятся у автора книги.

84

Правда, когда Есенин поступил в Спас-Клепиковскую школу, заведовал ею священник Алексей Асписов. Как вспоминают бывшие ученики, Асписов не придавал большого значения церковным дисциплинам, по которым вел занятия в школе, и вообще особым религиозным усердием не отличался. Вне церкви был человек живой, общительный, с юмором, больше всего на свете увлекался математикой. Очевидно, все это заставило церковное начальство прислать в школу более надежного и «правоверного» священника Павла Агрономова, который появился в Спас-Клепиках в 1912 году.

85

«Религиозность мало или почти совсем к нам не прививалась, - рассказывает А. Н. Чернов. - Нам вменялось в обязанность читать шестипсалмие в церкви во время всенощной, по очереди. Сергей Есенин обычно сам не читал, а нанимал за 2 копейки своего товарища Тиранова. Один раз Тиранов почему-то отказался читать шестипсалмие, и Есенину пришлось самому читать. Между прочим, мы надевали стихарь и выходили читать перед царскими вратами на амвон. Сергей Есенин долго не выходил. Священник стал волноваться и хотел уже поручить читать другому. Оказывается, Сергей Есенин в это время никак не мог надеть стихарь, и, когда его поторопили, он надел его задом наперед и в таком виде вышел к верующим читать шестипсалмие. Конечно, не все заметили это, но священник-то заметил и впредь запретил ему читать шестипсалмие. Есенин этим был мало огорчен» (А. Н. Чернов. Воспоминание. Автограф. Хранится у автора книги).

86

А. Н. Чернов. Воспоминание. Автограф. Хранится у автора книги.

87

Виктор Алексеевич Гусев проучительствовал в Спас-Клепиках всю свою долгую жизнь. С 1908 года он стал преподавать в церковно-учительской школе. Почти 40 лет отдал он воспитанию советских школьников, за что был отмечен несколькими правительственными наградами.

88

Об этом факте в письме от 28 января 1957 года нам сообщил школьный товарищ Есенина - Я. Трепалин.

89

Цитируется по автографу. Хранится у автора книги.

90

За одни сочинения Панфилов получал хорошие оценки, за другие - удовлетворительные.

91

Более тридцати лет прожил и проучительствовал Е. М. Хитров в Спас-Клепиках. Интересы его не ограничивались только школьными занятиями. «Его всегда волновал „крестьянский вопрос“. Он организовал в Спас-Клепиках сельскохозяйственное кредитное товарищество и с 1910 года был бессменным его председателем. В годы Советской власти при его деятельном участии было создано б Клепиках товарищество по совместной обработке земли, появился в селе первый трактор» (цитируется по записи беседы с сыном Е. М. Хитрова - художником А. Е. Хитровым).

92

Е. М. Хитров. Воспоминания. 1926. Машинопись. Хранится у автора книги.

93

Г. Черняев. Он любил русскую природу. Газета «Новая Мещера», 1960, N 119.

94

Там же.

95

Е. М. Хитрое. Воспоминания. 1926. Машинопись.

96

А. Н. Чернов. Воспоминания. Автограф. Хранится у автора книги.

97

Е. М. Хитров. Воспоминания. 1926. Машинопись.

98

Письмо Я. Трепалина к автору книги от 28 января 1957 года.

99

Е. М. Хитров. Воспоминания. 1926. Машинопись.

100

А. Н. Чернов. Воспоминания. Автограф.

101

«Произведения его, - замечает по поводу первых стихов Есенина Е. М. Хитров, - были кратки, сначала все на тему о любви. Это мне не особенно нравилось. А на другие темы стихи были как-то, как мне казалось, бессодержательны („Воспоминания“». 1926. Машинопись).

102

Цитируется по записи беседы с В. А. Гусевым, состоявшейся в Спас-Клепиках 16 августа 1956 года.

103

Е. М. Хитров. Воспоминания. 1926. Машинопись.

104

«Пустое дело», - рассуждал дед поэта о стихотворных занятиях внука. Сверстники Есенина в родном селе больше

восхищались ловкостью, с которой Серега Монах ловил раков и опустошал птичьи гнезда. Один из них вспоминает, что намерения и способности Есенина «писать стихи ничуть не возвышали его в наших глазах, а его заносчивость при оценке своего таланта и его постоянные разговоры о своих стихах казались нам скучными, хотя все это было результатом его сильнейшего стремления поскорее и побольше получить какие-либо сведения по литературе вообще и мнение о его стихах - в особенности» (Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького).

105

Цитируется по записи беседы с А. Е. Хитровым в декабре 1962 года.

106

Е. М. Хитров. Воспоминания. Рукописный журнал «Спас-Клепиковский работник просвещения», 1924.

107

Там же.

108

ЦГАЛИ, ф. 190.

109

Письма Есенина к Панфилову напечатаны нами впервые в альманахе «Литературная Рязань», 1955, кн. 1 (вошли в пятый том Собрания сочинений Есенина. М., Гослитиздат, 1962).

110

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени Ленина, ф. 130/7.

111

Цитируется по автографу. Хранится у автора книги.

112

Там же.

113

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 312.

114

Цитируется по записи беседы с Г. Л. Черняевым в Спас-Клепиках.

115

Цитируется по записи беседы с М. Н. Панфиловой в Туме в августе 1956 года.

116

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 88.

117

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 92.

118

«Поет зима - аукает…» в журнале «Мирок», М., 1914, N 2 и в детском альманахе «Творчество», М.-П., 1917, кн. I; «Выткался на озере алый свет зари…» в журнале «Млечный путь», М., 1915, N 3 и в «Ежемесячном журнале», П., 1915, N 8; «Сыплет черемуха снегом…» в «Ежемесячном журнале», П., 1915, N 6; «Калики» в журнале «Русская мысль», М.-П., 1915, кн. VII и журнале «Северная звезда», П., 1915, N 13; «Под венком лесной ромашки…» в журнале «Голос жизни», П., 1915, N 17; «Темна ноченька, не спится…» в журнале «Голос жизни», П., 1915, N 17; «Хороша была Танюша, краше не было в селе…» в «Ежемесячном журнале», П., 1915, N 11.

119

В автобиографии 1924 г. Есенин пишет, что его «первая книга… вышла… в ноябре 1915 г. с пометкой 1916 г.». В 1918 году появилось второе издание «Радуницы», в 1921 году - третье.

120

«Калики» (1910 г.), «Задымился вечер…» (1912 г.), «Матушка в Купальницу по лесу ходила…» (1912 г.), «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…» (1910-1912 гг.), «Подражанье песне» (1910 г.), «Выткался на озере алый свет зари…» (1910 г.), «Дымом половодье…» (1910 г.), «Сыплет черемуха снегом…» (1910 г.).

121

Эти две тетради с автографами десяти стихотворений Есенина хранятся в рукописном отделе ИМЛИ имени Горького. В первой помещены: «Звезды», «Воспоминание», «Моя жизнь», «Что прошло - не вернуть», «И. Д. Рудинскому». На обложке рукой поэта: «Сергей Есенин». Под этим заглавием автором проставлены даты: «1911 г. и 1912 г.». Во второй тетради - «Ночь» («Тихо дремлет река…»), «Восход солнца», «К покойнику», «Зима», «Песня старика разбойника».

122

«Вот уж вечер. Роса…», «Там, где капустные грядки…», «Поет зима - аукает…», «Подражанье песне», «Выткался на озере алый свет зари…», «Дымом половодье…», «Сыплет черемуха снегом…», «Калики», «Поэт» («Он бледен. Мыслит страшный путь…»), «Темна ноченька, не спится…», «Хороша была Танюша, краше не было в селе…», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…», «Звезды», «Воспоминания», «Моя жизнь», «Что прошло - не вернуть», «И. Д. Рудинскому», «Ночь» («Тихо дремлет река…»), «Восход солнца», «К покойнику», «Зима», «Песня старика разбойника…», «Поэт» («Тот поэт, врагов кто губит…»), «Матушка в Купальницу по лесу ходила…», «Задымился вечер, дремлет кот на брусе…», «Сказание о Евпатии Коловрате…», «Капли» («Капли жемчужные, капли прекрасные…»), два стихотворения - «Тяжело и прискорбно мне видеть…» и «Ночь» («Усталый день склонился к ночи…») известны только в списках; о двух стихотворениях - «Душою юного поэта…» и «Зачем зовешь…» Есенин говорит в письмах 1912 года, автографы их до настоящего времени не обнаружены.

123

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 11.

124

И. Г. Атюнин. Рязанский мужик - поэт-лирик Сергей Есенин. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

125

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 90.

126

В. Чернявский. Воспоминания. Отдел рукописей Государственного литературного музея.

127

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

128

П. Сакулин. Народный златоцвет. Журнал «Вестник Европы», 1916, стр. 205.

129

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат т. 5, 1962, стр. 87.

130

И. Белоусов. Цветок неповторимый, сборник «Памяти Есенина», М., 1926, стр. 138.

131

Е. М. Хитров. Воспоминания. Машинопись.

132

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 88.

133

Письмо С. Есенина Г. Панфилову написано в июне - июле 1912 года.

134

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, - т. 5, 1962, стр. 16.

135

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 209.

136

Журнал «Молодая гвардия». 1960, N 8, стр. 208, 210.

137

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 210.

138

Цитируется по записи беседы с Е. А. Есениной 29 февраля 1956 г.

139

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

140

Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 8, стр. 209.

141

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

142

А. Р. Изряднова. Воспоминания. Цитируется по автографу, любезно переданному автору книги М. П. Мурашевым.

143

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 89.

144

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 99, 101, 102.

145

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 99, 101, 102.

146

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 98.

147

Там же, стр. 94, 95.

148

С. Я. Надсон. Стихотворения. «Советский писатель», Л., 1958, стр. 236-237.

149

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 102.

150

Там же, стр. 97.

151

Там же, стр. 98.

152

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах, М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 95, 96.

153

А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах. «Советская Россия», М., 1958, т. I, стр. 59.

154

А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах. «Советская Россия». М., 1958, т. II, стр. 91.

155

М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. ГИХЛ, М., 1952, т. 17, стр. 64.

156

М. Горький. Публицистические статьи. ЛенГИХЛ, 1933, стр. 210.

157

В одной из автобиографий Есенин пишет: «19 лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде». Иван Федорович Титов, брат матери поэта, в Константинове не жил, работал управляющим на ревельской нефтебазе, имел там свой дом, в родное село наведывался изредка. Ни весной 1913 года, ни позднее Есенин у дяди в Ревеле не был.

158

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 94.

159

Сообщено Александрой Александровной Есениной.

160

По данным Русского отдела Всемирной Лейпцигской выставки, «Товарищество И. Д. Сытина» в 1914 году выпустило свыше 25 % всей книжной продукции России (И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 12).

161

Н. Телешов. Записки писателя. М., 1958, стр. 187.

162

А. П. Чехов. Собр. соч., М., т. 12, 1957, стр. 39-40.

163

И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 211.

164

Там же, стр. 250. После октября 1917 года типография Сытина, как и другие, была национализирована. Издание книг для народа становилось предметом особой заботы Советской власти. Сытин начинает помогать налаживать работу Госиздата. Он верил, что найдет «себе применение в делах нового строительства». И не ошибся.

165

И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 149.

166

Эта первая встреча с Горьким произвела тогда на Есенина очень сильное впечатление: «Когда в 1914 году, - рассказывает Н. Сардановский, - в Москву был разрешен въезд Максиму Горькому и сытинские рабочие отнесли Горького из типографии на руках до его автомобиля, Есенин, обсуждая этот случай, зашел в своих

выводах так далеко, что, по его мнению, писатели и поэты выставлялись как самые известные люди в стране» (Н. А. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. ИМЛИ имени Горького. Рукописный отдел).

167

А. Р. Изряднова. Воспоминания. Рукопись.

168

Сообщено автору бывшим корректором типографии Сытина Н. Р. Языковой 31 января 1962 года.

169

Цитируется по записи беседы с М. М. Мешковой 4 февраля 1962 года.

170

Цитируется по записи беседы с Н. Р. Изрядновой 31 января 1962 года.

171

Попов не только помог Есенину опубликовать стихи. Когда Есенин в 1915 году уехал в Петроград и начал печататься в столичных журналах, он дружески напутствовал молодого поэта: «Желаю успеха в делах литературных. Только не увлекайтесь литературными склоками Петрограда, где меньше всего „делают“ литературу и меньше всего любят ее. Карьеризм и соревнование (конкуренция) - вот что, думается мне, царит там. Как прототип подобных учреждений в Москве, можно указать хорошо мне знакомый „литературно-художественный кружок“. Помните у Грибоедова: „Мундир, один мундир…“ Как живо это до сих пор» (ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 115).

172

В 1914 году Сергей Есенин вступил в гражданский брак с А. Р. Изрядновой. «Я с ним познакомилась, - пишет она в своих воспоминаниях, - вскоре после его поступления в типографию. Он был такой чистый, светлый, у него была такая нетронутая,

хорошая душа - он весь светился». (Цитируется по автографу, любезно переданному автору книги М. П. Мурашевым.)

173

Цитируется по записи беседы с Н. Р. Изрядновой 31 января 1962 года.

174

Цитируется по записи беседы с М. М. Мешковой 4 февраля 1962 года.

175

Н. А. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

176

Г. Деев-Хомяковский. Правда о Есенине. Журнал «На литературном посту», 1926, N 4, стр. 33.

177

В. Шехобалов, полвека проработавший в типографии, рассказывает: «…Как ни трудна была жизнь, все же лучшая, передовая молодежь умела и тогда находить возможность для своего культурного роста и повышения своей грамотности. В то время в Замоскворечье на Ивановке при кожзаводе Тиль были вечерние общеобразовательные курсы для рабочих. Некоторые рабочие-сытинцы там учились. Существовал филиал вечернего университета имени Шанявского при фабрике Цинделя (ныне 1-я ситценабивная фабрика), был лекторий, где по вечерам читались лекции по русской истории и др. И наиболее сознательная рабочая молодежь шла сюда, а не в пивнушки и трактиры» («Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова за 40 лет Советской власти». М., 1957, стр. 82).

178

Цитируется по записи беседы с Н. Р. Изрядновой 31 января 1962 года.

179

И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 159.

180

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 105.

181

Там же стр 108.

182

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 106.

183

Г. Деев-Хомяковский. Правда о Есенине. Журнал «На литературном посту», 1926, N 4, стр. 33.

184

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 93.

185

Журнал «Огни», 1912, N 2.

186

Так, в статье «О тенденции в литературе», опубликованной в журнале «Огни» в 1913 году (N 2, стр. 21), подчеркивалось: «Нам прежде всего важно общественное значение литературы».

187

«Современные рабоче-крестьянские поэты». Сборник. Изд-во «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925, стр. 76.

188

А. Р. Изряднова. Воспоминания. Рукопись.

189

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 104.

190

См. сообщение Л. Шалагиновой «Письмо пятидесяти и Есенин». Журнал «Новый мир», 1962, N 6, стр. 278-279.

191

Автор выражает признательность старшему научному сотруднику Центрального Государственного архива Октябрьской революции Л. М. Шалагиновой и другим работникам архива, способствовавшим выявлению этих материалов.

192

Л. Повицкий Воспоминания. Машинопись. Государственный литературный музей.

193

ЦГАОР, ф. 63.

194

Там же.

195

ЦГАОР, ф. 63.

196

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 108.

197

См. газету «Правда», 1913, 1 февраля.

198

ЦГАОР, фонд МОО.

199

Вот текст этого письма: «Мы, нижеподписавшиеся пять групп сознательных рабочих Замоскворецкого района гор. Москвы, прочитав в газетах „Правда“ и „Луч“ о тех разногласиях, какие существуют среди депутатов с.-д. фракции и рабочей прессой, мы приветствуем отказ шести депутатов от сотрудничества в газ. „Луч“, но не можем простить той ошибки, которую сделали четыре депутата, не заручившиеся согласием с мест, а изъявили дать свои подписи в газете „Луч“. …Мы возмущаемся тем насилием, производимым семи против шести, [которые] лишают последних [возможности] проводить взгляды пославших их требовать осуществления тех начертанных старых лозунгов, за которые боролись и пали жертвой наши товарищи в 1905 году. Семерка при голосовании, имея перевес одним голосом, всякий раз… проводит в жизнь ликвидаторскую платформу… Ликвидаторы, приспособляясь к национальным чувствам народности, идя им навстречу для того, чтобы привлечь их в свой лагерь, выставляют требование „культурно-национальной автономии“. Этим самым ослабляют единство пролетариата России к интернационалу. Идя на компромисс с правительством и реакцией, выставляют требование полного народного представительства, а не полновластие народа. Вместо отчуждения земель помещичьих, монастырских, удельных и т. д. ликвидаторы выставляют требование пересмотра аграрного закона 3-й Думы и т. п. Мы глубоко возмущаемся узурпаторством семерки против шести. Если они будут уклоняться и дальше от старопрограммных требований и будут проводить ликвидаторскую тактику… прикрываясь единством, а в принципе делая раскол, то мы их более не можем признать, как принадлежащих к с.-д. п. Ликвидаторы „Луча“ обвиняют антиликвидаторов „Правды“ в расколе. Кто же является в действительности раскольником: антиликвидаторы, признающие подполье и партию, объединившись вокруг газ. „Правды“… или, может, ликвидаторы „Луча“, ведущие борьбу против подполья и старой партии, вышедши из нее, они отряхнули прах с своих ног и начали создавать новую легальную партию на песке, при господстве Пуришкевича и К°. Из вышеизложенного, мы предлагаем семерке

отказаться сотрудничать в газете „Луч“, которую мы считаем вредной, разъединяющей ряды рабочего класса России» (ЦГАОР, фонд МОО).

200

В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 435.

201

Так, 8 марта 1913 года в «Правде» было напечатано письмо группы рабочих к депутату-большевику Г. И. Петровскому, в котором говорилось: «Рассмотрев вопрос о выходе четырех членов с.-д. фракции из лагеря ликвидаторского „Луча“ и о той роли, которую „Луч“ играет в русском рабочем движении вообще, собрание нашло поступок четырех тов. депутатов по отношению к „Лучу“ совершенно правильным и целесообразным, отвечающим тактике рабочего движения в современной России, и выражает сим, как тов. депутатам, так и газете „Правда“ - как выразительнице наших старых и испытанных лозунгов классового движения, - свою принципиальность и доверие» (см. также «Правду» за 13, 14, 16, 22, 24, 27 и 30 марта 1913 года).

202

2 ЦГАОР, фонд ДП, 00, 1913 г.

203

ЦГАОР, фонд МОО, 1913 г.

204

ЦГАОР, фонд МОО, 1913 г.

205

Там же.

206

«Доношу, что типолитография и книгоиздательство И. Д. Сытина по Пятницкой ул., 2-го уч. Пятницкой части, рабочие в числе 1300 человек с 8 час. утра сего 21 июня прекратили работу

по поводу годовщины суда над матросами в Севастополе», - сообщал в московское охранное отделение полицейский надзиратель 1-го и 2-го участков Пятницкой части Федоров 21 июня 1913 года.

В начале сентября 1913 года рабочие типографии Сытина вновь объявили забастовку, на этот раз в связи с полицейскими преследованиями рабочей газеты «Наш путь», которая начала выходить в Москве с августа 1913 года. Почти каждый номер газеты конфисковывался полицией. 9 сентября 1913 года сытинцы провели однодневную забастовку в поддержку «Нашего пути». «Имея честь донести отделению, - сообщал в московское охранное отделение полицейский надзиратель Федоров, - что на фабрике книгоиздательства Сытина по Пятницкой ул., 2-й участок Пятницкой части, 9 сего сентября в 8 час. утра рабочие в числе 1300 человек прекратили работу, по имеющимся сведениям, по поводу газеты „Наш путь“» (ЦГАОР, фонд МОО).

207

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 103.

208

См. «Агентурную записку по РСДРП, отправленную московской охранкой в департамент полиции 4 ноября 1913 года» (ЦГАОР, фонд МОО).

209

«Товарищи, рабочие Москвы! - говорилось в нем. - В понедельник 23 сентября бросайте все заводы, фабрики и мастерские в знак протеста против гонения на рабочую печать… Пусть наш призыв будет сигналом к общему широкому выступлению. Покажем, что мы умеем отстаивать наше дело… что московские рабочие снова выходят на борьбу, на те улицы, на которых раньше реяли красные знамена и высились баррикады.

Вперед, товарищи, дружнее в одном ряду!

Да здравствует стачка протеста!

Да здравствует РСДРП!

Да здравствует новая революция!»

(ЦГАОР, фонд ДП, 00).

210

Очевидцем сентябрьской забастовки был молодой Леонид Леонов. Отправленная им в архангельскую газету «Северное утро» корреспонденция о событиях в Москве, была его первым печатным выступлением. «23 сентября во многих предприятиях рабочие, бросая работу, выходили на улицу с пением пролетарского гимна „Вставай, поднимайся“, - сообщал Л. Леонов читателям „Северного утра“». И дальше рассказывал, как у Страстного монастыря тысячная толпа народа с пением революционных песен остановила трамвай и «потребовала, чтобы кондуктор, вагоновожатый и публика покинули свои места. Требование это было исполнено, опустевший вагон некоторое время одиноко стоял на площади. В час дня в сквере на Садовой-Триумфальной и около сквера собралась тысячная толпа рабочих. Здесь была и прочитана резолюция протеста против гонения на рабочую печать и профессиональные союзы и выражено сочувствие трамвайным служащим…» (цитируется по книге Ф. Власов. Поэзия жизни. «Советская Россия», М., 1961, стр. 14-15).

211

В списке значились: П. В. Рысин, В. М. Райков, А. Н. Николаев, М. И. Арсентьев, П. Е. Слободской, П. И. Гусев и Е. Е. Еремеев.

212

«Я прибыл в типографию, - доносил в своем рапорте пристав московскому градоначальнику, - и поодиночке стал вызывать через заведующего паспортной частью из разных отделений, вручал повестки судебного следователя и отправлял в Пятницкий полицейский дом; при вручении и аресте последнего было сообщено заведующим, что рабочие остановили машины и был слышен гул в отделениях, а кем-то из служащих типографии было сообщено, что рабочие собираются идти к следователю и тут же прекратили работу во всех отделениях, стали группироваться сначала в мастерских, а затем во дворе и на требование разойтись не расходились, оставаясь во дворе, переходя с места на место. Приехал полицмейстер отделения, который просил рабочих разойтись и во дворе не группироваться; рабочие с большой неохотой стали выходить частью в корпус, а частью по домам; были введены городовые и два конных во двор…» (ЦГАОР, фонд МОО).

213

ЦГАОР, фонд МОО.

214

Цитируется по записи беседы с М. Мешковой 4 февраля 1962 года.

215

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 103, 104.

216

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 106, 107.

217

Возникновение народного университета в Москве связано с именем А. Л. Шанявского. Считая, что просвещение - «источник добра и силы», он обратился в 1905 году в Московскую городскую думу с просьбой «принять от него в дар дом в Москве для почина, в целях устройства и содержания в нем или из его доходов народного университета» (см. «Университет имени А. Л. Шанявского». М., 1914, стр. 4).

218

«Академическое отделение, - указывалось в университетском справочнике, - является высшим учебным заведением, преследующим цели систематического научного образования, рассчитанным на лиц с подготовкой в пределах среднего учебного заведения» («Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского», М., 1915, стр. 6). В состав академического отделения входили естественно-исторический, общественно-юридический и историко-философский циклы.

219

В университет мог поступать каждый, кому исполнилось 16 лет, без различия национальности и вероисповедания. Слушатели

университета имели возможность учиться и работать.

220

Д. Семеновский. Есенин. Воспоминания. Сборник «Теплый ветер», Иваново, 1958, стр. 184.

221

Б. Сорокин. Хранимое памятью (Встречи с Сергеем Есениным). Газета «Путь Ленина», г. Ртищево, 1959, N 117.

222

Представление о серьезности и полноте лекционных курсов, которые читались, дают учебные программы. Так, программой «Русская литература середины XIX века» на 1913/14 учебный год предусматривалось раскрытие в лекциях следующих основных положений (курс этот вел профессор П. Н. Сакулин):

1. Историко-культурные условия изучаемого периода.
2. Идейные направления сороковых годов.
3. «Натуральная школа» и роман сороковых годов.
4. Критика Белинского.
5. Вопрос об отношении эпохи шестидесятых годов к эпохе сороковых годов.
5. Первая половина шестидесятых годов. Обличительное направление в литературе и подведение итогов в форме художественных обобщений. «Губернские очерки» Щедрина. «Доходное место» Островского.
6. Произведения С. Т. Аксакова. «Обломов» Гончарова. Произведения Тургенева: «Рудин», «Ася» и «Дворянское гнездо».
7. Литературные типы новых людей: Штольц, Инсаров, Жадов, Калинович, Молотов, Череванин и Базаров.
8. Нигилизм. Его сущность. Эстетика и критика шестидесятников. Основные принципы этики «мыслящего реалиста». Новые общественные идеалы.
9 Народ в литературе шестидесятых годов. Чернышевский и его роман «Что делать?».
10. Поэзия шестидесятых годов: Плещеев, Некрасов, Никитин. Поэты «чистого искусства»: Майков, Фет,

Полонский.

11. Творчество Достоевского в эпоху шестидесятых годов. Л. Н. Толстой в ту же эпоху.

12. Поворот в общественном настроении. Обличение нигилизма в литературе. «Дым» Тургенева. «Обрыв» Гончарова. Сатира Салтыкова. Общая оценка эпохи шестидесятых годов («Университет имени А. Л. Шанявского», М., 1914, стр. 179, 180).

223

Б. Сорокин поступил в университет в 1913 году, оттуда в 1915 году был призван в армию. В дни октября 1917 года солдатским комитетом был избран начдивом 29-й дивизии. Позднее, встретившись с ним в Ростове, Есенин подарил ему одну из своих книг с таким автографом: «Б. Сорокину с дружбою и воспоминаниями университете Шанявского. Сергей Есенин. Ростов, 1920 год, август».

224

Б. Сорокин. «Путешествие» в прекрасное. Из воспоминаний о Сергее Есенине. Газета «Путь Ленина», г. Ртищево, 1960, N 26.

225

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

226

Б. Сорокин. «Путешествие» в прекрасное. Из воспоминаний о Сергее Есенине. Газета «Путь Ленина», г. Ртищево, 1960, N 26.

227

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 119.

228

Там же, стр. 17.

229

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 24.

230

Д. Семеновский. Есенин. Воспоминания. Сборник «Теплый ветер». Иваново, 1958, стр. 187.

231

Там же, стр. 186.

232

Б. Сорокин. Вечера у Марии Бауэр. (Из воспоминаний о Сергее Есенине.) Газета «Путь Ленина», г. Ртищево, 1960, N 102.

233

Д. Семеновский. Есенин. Воспоминания. Сборник «Теплый ветер», Иваново, 1958, стр. 188.

234

Б. Сорокин. Вечера у Марии Бауэр. (Из воспоминаний о Сергее Есенине.) Газета «Путь Ленина», г. Ртищево, 1960, N 102.

235

Я. А. Трепалин. Сергей Есенин. (Из воспоминаний.)

236

Д. Семеновский. Есенин. Воспоминания. Сборник «Теплый ветер», Иваново, 1958, стр. 186.

237

Позднее они вошли в антологию «Поэзия XX века». Изд-во «Новая Москва», 1925, стр. 483-485.

238

Спустя несколько дней в агентурной записке охранки сообщалось: «Группа социал-демократов партийцев, организовавшаяся при университете имени Шанявского, на этих днях направила четырех своих представителей для партийной работы во 2-е общество торговых служащих» (ЦГИАМ, фонд МОО).

239

«При народном университете имени Шанявского имеется вполне определившаяся социал-демократическая группа, стремящаяся связаться с таковыми же группами, существующими при Императорском московском университете и Московском коммерческом институте», - отмечалось в одном из донесений московской охранки СЦГАОР, фонд МОО).

240

ЦГАОР, фонд МОО.

241

А. Р. Изряднова. Воспоминания о Есенине. Автограф.

242

В 1903 году М. Л. Леонов получает официальное разрешение властей на деятельность кружка и его наименование: «Суриковский литературно-музыкальный кружок». В 1905 году он организует кооперативное издательство «Искра»; тогда же им был разработан устав кружка. «Суриковский кружок, - указывалось в нем, - имеет целью объединить писателей, общественных деятелей и музыкантов, вышедших из народа и не порвавших с ним духовной связи. Членами кружка могут быть лица, живущие в Москве, а также и в провинции. Желающие вступить в действительные члены должны подать об этом письменное заявление и указать те повременные издания, где принимали или принимают участие; для членов-соревнователей это необязательно. В действительные члены могут также вступать лица и не имеющие печатных произведений, но которые могли бы прислать таковые в рукописном виде» (цитируется по журналу «Друг народа». М., 1916, N 1).

243

В автобиографии Федор Шкулев писал: «Состою членом Суриковского литературно-музыкального кружка и был одним из членов - основателей его» (см. сборник «Современные рабоче-крестьянские поэты», изд-во «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925, стр. 16).

244

Г. Деев-Хомяковский. Правда о Есенине. Журнал «На литературном посту», 1926, N 4, стр. 33.

245

В заявлении в совет кружка Есенин писал: «Настоящим покорнейше прошу совет кружка зачислить меня в действительные члены. Печатные материалы появлялись: „Рязанская жизнь“, „Новь“, „Мирок“, „Проталинка“, „Путеводный огонек“.

Б. Строченовский пер., д. 24. *Сергей Александрович Есенин,* 1913 г.».

246

Ф. Шкулев. Мы кузнецы… Избранные стихи. «Московский рабочий», 1962, стр. 94.

247

Г. Деев-Хомяковский. Правда о Есенине. Журнал «На литературном посту», 1926, N 4, стр. 33-34.

248

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 95.

249

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 110.

250

Авторство Есенина установлено Д. Золотницким.

251

Н. Сардановский. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

252

Это письмо Есенин написал другу на обратной стороне своей фотографии. С одной стороны край фотографии обрезан (возможно, это было сделано для того, чтобы поместить ее в рамку). От этой «операции» пострадали отдельные слова письма. Однако полный текст его можно восстановить без особого труда.

253

В 1955 году в альманахе «Литературная Рязань» оно было напечатано нами как забытое стихотворение Есенина.

254

Как вспоминает писатель И. Розанов, Есенин читал поэму «Песнь о Евпатии Коловрате» на вечере в «Обществе свободной эстетики» в Москве 21 января 1916 года, где он выступал вместе с поэтом Н. Клюевым. «Он тоже начал с эпического. Читал об Евпатии Рязанском. Этой былины я никогда потом в печати не видел и потому плохо ее помню. Во всяком случае, тут не было того воинствующего патриотизма, которым отличались некоторые вещи Клюева. Если тут и был патриотизм, то разве только краевой, рязанский». Поэма «Песнь о Евпатии Коловрате» имеет две редакции. Нам удалось установить, что первоначальная редакция поэмы, датированная 1912 годом, была напечатана в 1918 году в газете «Голос трудового крестьянства», N 156, 23 июня. В 1925 году для «Собрания стихотворений» Есенин создал новую редакцию. Беловой автограф этой редакции, хранящийся в ЦГАЛИ, датирован автором также 1912 годом. Последняя редакция значительно отличается от первой не только меньшим объемом (35 строф вместо 56), заглавием, но и содержанием. В окончательной редакции поэт освобождает свою «Песнь» от религиозных образов и церковной лексики. Он стремится сделать поэму более реалистической, приблизив ее форму и содержание к народно-поэтическим памятникам о борьбе русского народа с татарским нашествием.

255

Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 186.

256

Известно, что вдова новгородского посадника Борецкого - Марфа Посадница, выражая интересы боярской новгородской знати, стремилась всячески воспрепятствовать исторически прогрессивной объединительной политике Ивана III, направленной к созданию единого, централизованного Русского государства.

257

С. Фомин. Из воспоминаний. Сборник «Сергей Есенин», М., 1926, стр. 130-131.

258

Иван Розанов. Есенин о себе и о других. М., 1926, стр. 22.

259

Иван Розанов. Есенин о себе и о других. М., 1926, стр. 22.

notes

1

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, 1961-1962, т. 1, стр. 84. В дальнейшем стихи Есенина цитируются по этому изданию, что в примечаниях не оговаривается, а указываются только том и страницы.

2

«Нива». Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. П., 1916, N 5, стр. 148-149.

3

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 78.

4

А. Крученых. Лики Есенина от херувима до хулигана. М., 1926, стр. 15.

5

См., например, статью Марка Щеглова «Есенин в наши дни» (журнал «Новый мир», М., 1956, N 3, стр. 280-285). Наряду с правильными положениями в ней говорится о том, что дооктябрьская поэзия Есенина, «начисто лишенная драматизма и напряженности», полна «гармонии пастушеского „восприятия жизни“ и „коровьих вздохов“».

6

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 8. Эту же фразу Есенин дословно повторяет в последней своей автобиографии «О себе», датированной октябрем 1925 года.

Там же, стр. 12.

8

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 24.

9

См. «Сергей Есенин (Литературные заметки и публикация новых материалов)», альманах «Литературная Рязань», 1955, кн. 1; «Юношеские годы Есенина», журнал «Огонек», 1957, N 2; «Сергей Есенин», изд-во «Знание», М., 1958; «Сергей Есенин (Литературные заметки о детстве и юности поэта»), изд-во «Правда», М., 1960.

Так, А. К. Кулинич в кратком критико-биографическом очерке «Сергей Есенин», изданном в 1959 году в Киеве, подчеркивает, что «лишь в последнее время биографам удалось установить, что московские годы сыграли в судьбе начинающего поэта значительную роль, во многом определили его духовное развитие».

В. Наумов в книге «Сергей Есенин. Жизнь и творчество» (Учпедгиз, М., 1960) также говорит о большом значении для поэта клепиковского и раннего московского периодов.

11

А. А. Есенина. Это все мне родное и близкое. Журнал «Молодая гвардия», 1960, N 7, стр. 208.

12

Там же, стр. 211.

13

Тема «крестьянского сына» неоднократно возникает в стихах Есенина разных лет (см., например, «Матушка в Купальницу по лесу ходила…», «Русь», «Я - пастух; мои палаты…», «О Русь, взмахни крылами…», «Отчарь», «Я последний поэт деревни…», «Исповедь хулигана», «Возвращение на родину», «Мой путь» и др.). При всем идейно-художественном разнообразии в них есть одна общая черта - гордость поэта своим крестьянским первородством, кровной связью с мужицкой Россией.

14

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 7.

15

Там же, стр. 11.

16

Сохранилась «Выпись из метрической книги… о родившихся за 1895-й год» Казанской церкви села Константинова, выданная Есенину «для доставления в учебное заведение, для поступления», в которой в графе «День рождения» проставлена дата «Сентябрь, 21», а в графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» указывалось: «Села Константинова крестьянин Александр Никитич Есенин и законная жена его Татьяна Федоровна. Оба православного вероисповедания» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, в дальнейшем - ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 1).

17

Сергей Есенин. Собр. соч. в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 5, 1962, стр. 15.

Там же, стр. 20.

Яковом Осиповичем и Григорием Осиповичем Есенинымі.

20

Е. А. Есенина. В Константинове. Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 305.

21

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 305.

22

Там же, стр. 305, 306.

23

После революции по желанию служащих, работавших у Крылова, Александр Никитич стал заведовать государственным магазином, открытым в помещении бывшей купеческой лавки. В 1918 году, ввиду плохого состояния здоровья, он уезжает в родное село, где остается до конца своей жизни (умер отец Есенина в 1932 году). «Страдая хронической астмой, отец почти не мог работать на земле, все хозяйство вела мать. Когда я подросла, то стала вместе с матерью заниматься крестьянским трудом. Трудно в эти годы приходилось нашей семье. Ведь мы даже лошади не имели. Помогал нам Сергей, в 1921 году он взял меня к себе в Москву жить и учиться, а когда подросла младшая сестра - Шура, то он и ее, позднее, в 1924 году, забрал к себе» (сообщено Е. А. Есениной в беседе с автором 29 февраля 1956 года).

Альманах «Литературная Рязань», 1957, кн. 2, стр. 306.

25

По разделу между братьями дом этот достался Александру Никитичу Есенину.

26

И. Г. Атюнин. Рязанский мужик - поэт-лирик Сергей Есенин. ИМЛИ имени Горького. Рукописный отдел, фонд Есенина.

В грудном возрасте умерли родившиеся ранее дети Татьяны Федоровны - Петя и Аня, а его младшая сестренка Ольга и брат Ленька - в трехлетнем возрасте. Две сестры поэта - Екатерина и Александра - живут сейчас в Москве. В стихотворении «Заря окликает другую…» поэт, обращаясь к матери, писал:

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер. (3, 64)